

ИСТОКИ

ИСТОКИ

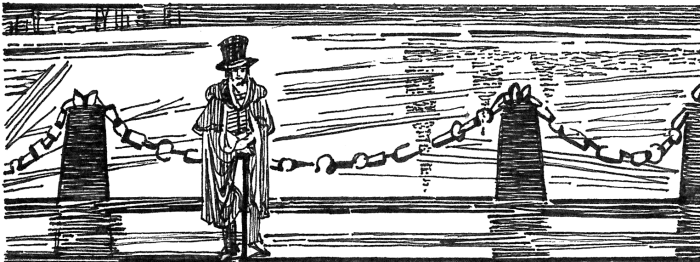
2020

Александр Пушкин

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 12

МОСКВА

2019—2020

УДК 882—1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:
Ирина Антонова
(ответственный
секретарь)

Евгения Славороссова
(редактор)

Рассматриваются и принимаются только рукописи, набранные на компьютере (представленные на диске и в распечатке на бумаге или присланные по электронной почте).

E- mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции.*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Елена Ерёмкина
Ирина Егорова-Нерли
Ирэна Сергеева (г.Санкт-Петербург)
Леонид Володарский
Ольга Бондаренко
Людмила Осокина
Владимир Пустовитовский
Татьяна Хачумова
Валерия Светланаова
Лидия Баклашкина (г.Калуга)
Вадим Максимов

ISBN 978—5—903852—02—4

2020

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Ирина Егорова-Нерли о Пушкине и Блоке	6
Здесь и сейчас	8
Наталья Божор о Шопене	132

ПОЭЗИЯ

Ирэна Сергеева	12
Юрий Влодов	14
Сергей Телюк	20
Евгения Славорossoва	21
Ксения Наровчатова	22
Ольга Бондаренко	23
Анри Маркович	24
Валерий Дударев	26
Андрей Шацков	27
Наталья Божор	28

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Ирина Антонова	35
Анри Маркович	36
Николай Иодловский	37
Григорий Егоркин	39
Ольга Бондаренко	40
Александр Точнов	42
Борис Ольхов	43
Наталья Окенчиц	52
Анатолий Антонов	55
Ирэна Сергеева	54

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Евгения Славорossoва	62
«Московские сны» стихи	

ПРОЗА

Галина Гашунина	59
Алексей Кебадзе	177
Леонид Володарский	272

ГРАФИКА

Алексей Кебадзе	112
---------------------------	-----

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Егорова-Нерли «Здесь и сейчас» эссе	132
Евгения Славороссова «Испанское каприччио» эссе . . .	124

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Виктория Жданова стихи	127
Ирена Сергеева стихи	130
Александр Точнов стихи	131

ПАМЯТЬ

Ольга Наровчатова о Никулине и Енгибарове	101
Александр Хмелевский о друге юности	231

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Владимир Пустовитовский цикл стихов	134
Валерия Шубина рассказ	217
Ольга Наровчатова баллада	226

ПОЭТЫ АЛТАЯ

Юлия Нифонтова	139
Евгения Ткалич	143
Владимир Коржов	146

ГОРИЗОНТЫ ПЕРЕВОДА

Владислав Андреев-Лосев	99
переводы «Из сокровищницы немецкой поэзии»	
Евгения Славороссова	149
переводы поэтов Дагестана	

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Аркадий Славоросов рассказ	160
--------------------------------------	-----

ГОЛОСА ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ

Валерий Желыбенцев стихи	201
Лидия Баклашкина очерк	204

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Юрий Влодов	114
Людмила Осокина	116
Ольга Наровчатова	119
Татьяна Лепилина	121
Дарья Солдатёноква	169
Нина Познякова	209
Ксения Наровчатова	212
Елена Виткова	216
Владислав Андреев-Лосев	174

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Владимир Пустовитовский	229
-----------------------------------	-----

ЗРИ В КОРЕНЬ

Яша Спектор рассказы	237
Николай Магов забавные опусы	243
Нина Трегубова пародии	250
Инна Варварица стихи	253
Валерия Светланова сказка	258
О'Ил Софиантроп стихи	260
Андрей Козлов стихи	263

ПОЭМА

Олег Выборнов	265
-------------------------	-----

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Материалы о восстании тамбовских крестьян	277
---	-----

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

А. Антонов «Воздух Победы»	290
А. Хмелевский «Эхо Александра Грина»	291
И. Антонова «Тени имён на тарусских холмах»	292

РУКОПОЖАТИЕ ПОЭТОВ

или ВСТРЕЧА А. С. ПУШКИНА

с А. А. БЛОКОМ в XXI веке

Как порой мы ловим себя на интуитивной способности говорить пушкинскими стихами и мечтать вместе с Александром Блоком о Прекрасной Даме — так исподволь два века русской литературы — Золотой и Серебряный становятся частью нашей души, а по определению, повторяя за Сати Спиваковой — настоящей «нескучной классикой». И можно ли, соединяя Пушкина и Блока в одном номере нашего альманаха, думать по-другому, если, отмечая и проживая новые памятные даты, мы меняемся, и в нас, как иногда кажется, промыслительно растёт пушкинская мудрость, непосредственность, ирония и незащитная честность, а «Святое сердце Александра Блока», как — когда-то нараспев — произнесла Марина Цветаева, время от времени сжимается и гулко стучит уже в наших, нервных от надежды и отчаяния строчках. И спустя столетия подтверждается значимость напущения А. С. Пушкина:

Веленью божию, о, муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.
Лучше не скажешь! Да и муза по-другому не велит...

Итак, тема задана юбилеями наших классиков — 220 и 140 лет со дня рождения. Конечно, русская литература стала мировым брендом, давно вышла за рамки русского языка: сохранила и непримиримость в поиске идеала, и жажду справедливости, и христианское тепло вечной защиты, любовь к родному пепелищу, и ответственность за неслыханные перемены, невиданные мятежи. Всё это так. И великие наши предшественники пережили свои пограничные времена: восстания, войны, перевороты и революции. Из века в век происходит противостояние героя и толпы, человека и государства, поэта и власти.

Как и о чём писать — загадка, равная смыслу жизни.

Однако, именно Пушкин подарил нам и музыкальную форму повседневной речи, и безграничные возможности Слова, как носителя истории и менталитета страны — и свою, неповторимую палитру лирических откровений, характеров и сюжетных линий (Пушкин — наше всё!).

В свою очередь — Александр Блок продолжил традицию поэтического ремесла мелодичной игрой запоминающихся строк и неувлимой гармонией звуков. Эта запредельная чуткость к урокам XX века охватила поэта накануне «крушения старого мира». По сей день романтический универсальный и всё же оптимистический реализм Пушкина свободно соседствует с мистическим и пророческим символизмом Блока.

И можно ли найти в литературе подсказки и советы, четкие указания: Как надо жить и что-то изменить в этом мире?.. Не перекликается ли «музыка революции» А. Блока с нарастающим шумом бурной Невы, сметающей всё на своем пути? — мучительный лейтмотив «Медного всадника».

И доньше — не умирают главные темы русской литературы! Ведь действительно: какие цели могут оправдать человеческие жертвы?.. Имеют ли право царствующие особы, «властелины судьбы» класть на алтарь исторических задач жизнь простых людей? И до сих пор настойчиво, как и по всему XX веку, звучит пушкинский шёпот обезумевшего Евгения:

«Ужо тебе!..», а по мостовой —
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне...

В этом бешеном ритме — «И я бы мог...» (мог быть с декабристами!), — повторяем мы вслед за Пушкиным: в этом угрожающем стуке «Трах-тах-тах!» и «державный шаг» солдат из поэмы «Двенадцать». Переломный момент истории России. Сгорело Шахматово. Александр Блок потерял человеческий уют, здоровье..., но остались достоинство и голая идея изменения строя: всё-таки непросто жить по-новому, а неоконченная поэма «Возмездие» — свербящая совесть поэта, ведь и «капля политики», как и «упоение в бою», не всегда означает путь до конца.

Поэзия требует не только напечатанного слова и его мелодии: поэты, балансируя у «бездны на краю» рискуют, конечно, и своей жизнью. Так — искупительно-драматична участь больших художников. Так современно и по-отечески горячо отвечает нам А. Блок в Прологе к поэме «Возмездие»:

... Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.

Пушкин и Блок — оба — через век повторили судьбу поэта в России. Так произошло соединение чувств, соударение звуков, содружество мыслей и рукопожатие двух гениев на бесконечном фронте творчества.

Как бы ни менялась страна — редакция «Истоков» пытается сохранить Слово и, отталкиваясь от исторической, подвижнической сути альманаха, собирает деятелей и пропагандистов живого языка, чтобы со страниц всероссийского издания звучала и укреплялась внутренняя мощь подсознательной общности народов России, которая так же, как и в предыдущие века рождает из своего людского моря поэтов и художников, писателей и литературоведов — всех, кто не мыслит своё существование без жизни в Слове и кому дана связь с великой традицией и не обузданное рамками своего времени желание говорить и писать по-своему — самозабвенно лепить образ Родины:

Здесь и сейчас...

На исходе года театра в России — в альманахе «Истоки» графика соединяет наших любимых поэтов — Пушкина и Блока. На фоне Пушкина снимается каждое семейство (Конечно, прав Булат Окуджава!), но и сейчас портреты Александра Блока — не менее достойный фон для любого поэта и писателя. Да будет так. Постараемся оправдать их доверие: пусть иллюстрации и заставки дополнят все недосказанное, что делает их поэзию великой и родной...

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Ирина Егорова-Нерли

Из книги-альбома «Сквозные отражения» ©

* * *

Александрю Блоку

...Пока не выплеснет задоры
Чудная задумь, что в груди —
Небес ночные заговоры
У зыбкой зорьки отсуди:
Бери цветов пьянящий роздых
И клейкой зелени ослеп —
Пусть глянут дни, где поля роздаль
Встречала юношу в седле.
Где билось ветра сокрушенье
За вздымом призрачных стогов
И кобылицей на мгновенье
Летели сны из тьмы веков.
Где от Непрядвы гулкий вихорь
Гремел грозою за окном
И отчий дом в преддверье лиха
Палили красным петухом.
Где шалый жах мужицких песен
Хлестал по горлу кипятком
За хворь истерзанных полесий,
За взгляд с бодрящим огоньком,
За всё изнеможенье весен
До заточенья в колкий лед,
За взрыв привычных равновесий
Из века в век, из гола в год,
За это зарево сожженья,
Когда душа как буй-река
Затребует освобожденья
Пурпурной удалью платка.

Перед графическим полотном
«Золотой петушок»

Александр Воронкову

О, не о том писать охота,
Что нас к трагедиям ведёт:
Но снова «тайная свобода»
Сказать по-пушкински зовёт.
И если выстрадано право —
Поспорить с временем холстом,
То стычка с Властью, Боже правый,
В душе отметится Крестом...
Предвидя горькие години,
Рисует твёрдая рука
Пиры, убийства и руины
В бесовском вое сквозняка.
Былых соблазнов наважденья
Волнуют музыку строки,
И поле нового сраженья
Готовят давние грехи.
Как искушения бездонны,
Как преступленья велики —
Вольготно царствуют Додоны,
Возмездье кличут петухи...
29 ноября 2007 года, РАХ

Перед памятником А. С. Пушкину в Мехико

А. А. Бичукову

Много ль помнится «чудных мгновений»
В суете, окружающей нас?..
Вечный Пушкин — нечаянный гений,
Что ты в Мехико ищешь сейчас?
Реет факелом долгая стела,
Пышет радостью бронзовый бюст.
И как будто с иного предела
Сей огонь несгорающих чувств.
От его многолетнего зова
Сквозь века длится пламенный рай,
Тайный жар вдохновенного слова
Осняет воинственный край.
Видно Мексики небо седое
Охраняет в просторах своих
Всей России чело золотое
И божественный пушкинский стих.

6 июня 2009 года

Стихи о Пушкине

В ночь! Прочь от первых поцелуев,
от непорочных лет лицейских!
Фонтанка. Театр. Мост Поцелуев...
Коломна... Снег... Мост Полицейский...
Нет, нет и нет! Ещё не этот —
январь шагов твоих последних!
Не тот! Не этот. И не этот...
А кто стихов твоих наследник?..

* * *

Полюбить лицеиста — не думать
о судьбе его и о стихах...
Шёлк волос его — счастье в руках,
одуванчик, так хочется дунуть,
но от невского ветра сберечь
прелесть, юность, свободную речь.

* * *

Этот кот уже учёный,
по цепи не ходит он...
А народ, хотя крещёный,
сказки любит, сладкий сон...
Александр Сергеевич Пушкин,
наш любимейший поэт,
знал, почто стреляли пушки,
ошибался, чаще — нет...
И суда на это нет.

Алеко

*В таборе Пушкина
наверняка, называли,
как своего, Алеко*

Смотрел коня он на базаре.
Пришли — прослышали о нём —
цыгане: «Одари нас, барин,
тебе и спляшем и споём».
И в таборе, в степи молдавской,
кудряво-смуглый, как цыган,
он чудной любовался пляской,
от бубна и от пенья пьян.
И отдал деньги — всё, что было,
и жадно повторял напев,
и полюбил с мгновенной силой
одну из огнеоких дев.
Но вот луна уже сменилась.
В ночи у дымного костра,
иной любовью сердце билось,
прося бумаги и пера.
Ему повеял ветер века,
По-русски боль пронзила грудь...
И поняли: «Прощай, Алеко!
Иди один, твой долог путь».

СЮЖЕТЫ О ПУШКИНЕ

I.

* * *

Светильники... Гербы...
Ночные менюэты...
Осенняя земля, —
Что вечная ладья!..
Как Вечные Жиды
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья.
«Ужо вам, писаря!
Арапы! Графоманы!..»
В стеклянной тишине:
«К барьеру, певчий трус!!»
Сквозь длинные снега
И длинные туманы —
Рабочий звон курка
И пристальное: «Ну-с!..».
Как вечные рабы
Курчавятся поэты.
Как вечный идол, прав
Земных забав судья!
Светильники. Гробы.
Ночные менюэты...
А зимняя земля, —
Что вечная ладья!
Весенняя земля...
Но где-то в чужедальней
Степи моей родной —
Над брэнною душой —
Играет мой кузнец
С огромной наковальной...
О, сладостный кузнец,
Поэта брат меньшей!

III.

* * *

О, балы мои далёкие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах ёлочных окон...
Зажигали свечи чистые...
Заполняли синевой...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.
И на санные излучины —
В запах милый, меховой —
Опускался кто-то мученый
С эфиопской головой...
И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

IV.

* * *

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир — застенчивый, но шумный.
Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клён под окнами возился...
«Ужо тебе!» — воскликнул вдруг поэт,
И кулаком чернильным погрозился.
«Ужо тебе!» — и весело со лба
Смахнул волос воинственную смуту...
Не знала Русь, что вся её судьба
Решалась в эту самую минуту.

V.

* * *

Монарх изрек:
«Что всеу Смерть?..
Палач — для этикету...».
И пояснил:
«Всё должно сметь!»
И подмигнул поэту.
И прояснил: «Нам жизнь дана
На вящую удачу!
А тут альбом: «Взойдет она...»
Сей стих подобен плачу!..
Уж коли глиняный колосс —
Не место быть страданью...»
И кольца пушкинских волос
Взъерошил нервной дланью...
Басы опробовала медь,
И отпрыск Ганнибала
Вскочил с колен!
Забыл про смерть!
И ждал ночного бала...

VI.

* * *

На тебя за неделю четыре доноса! —
Потерпи, — за талант, за стихи...
Бенкендорф не донёс табакерку до носа,
Оглушительно гаркнул: «Апчхи!»
Пушкин взвился, ощерился, фалды трубой!
Побелел негритянской тягучей губой:
— Как? Чтоб склочная бездарь поэтов чернила?! —
Разгоню, как помойных ворон!
Самой белой бумаги! Перо и чернила!
Покупайте их оптом, барон!

IX.

* * *

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берёт.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берёз.
Суров арап великого Петра!
А внуку — только детские забавы...
Он засмеётся белыми зубами
Под лёгкий скрип гусяного пера.
«Ребятюшки! Один у вас отец!..»
И на крыльце — Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...
На сотни вёрст глухой и гулкой лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..
Она все ближе — тёплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падёт руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...
И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвется мех соболий,
И медальон на шее задрожит.
Пробьётся луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...
Ну, а пока — туманная пора.
Всё в липкой паутине бабье лето.
И небо — в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

XI.

* * *

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Чёрным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что — стихи?!..

XII.

Смерть Пушкина

Порвал с двусмысленным признаньем, —
С глухим, докучливым дознаньем,
Встал на победном рубеже!
И врач-пруссак следит со знаньем
За полыхающим сознаньем
Поэта — мёртвого уже...

СЮЖЕТЫ О БЛОКЕ

* * *

Слепые силуэты Петрограда...
Густой туман, как дым пороховой...
А он поник белесой головой
Над столиком трактира «Эльдорадо».
Совсем не «Эльдорадо»... Нет, не то...
Пульсирует заточенная жилка.
Роняет блики смрадная коптилка
На чёрное старинное пальто.
Шарманка задыхается за дверью,
Надсадно и застуженно сипит...
И деревяшка адская скрипит.
И чья-то рожа смотрит в окна зверем...
Его рука немислимо бела,
Нет, он не спит, он только стиснул веки.

Как трудно быть мужчиной в этом веке,
Когда зовут в ночи колокола!
А над кабацкой стойкой Незнакомка
Кокоткой размалёванной грустит...
А он — руками белыми хрустит...
А он смеётся коротко и ломко...
Потом встаёт и падает стакан,
И он ногой ступает на осколки.
И сразу в грудь ударит ветер колкий,
И двинется над городом туман.
Он у мальчишки спросит папиросы,
А впереди — неясные, как сны,
Горят в тумане красные костры,
Шагают гулко красные матросы.

* * *

Дежурной улыбкой лучится
С кого-то срисованный бог.
И мечется огненной птицей
За тёмными окнами Блок.
Он светлые видит аллеи...
Он слышит волшебный рояль...
Воздушное платье алеет...
Пугливо взлетает вуаль...
А тот, волосатый и дикий,
За Музой шагнёт в листопад...
И Муза с глазами Юдифи
Лицо запрокинет назад...
Срастаются намертво брови.
Крылатая тень на стене.
Нелепо расплющенный профиль
На тонком холодном стекле.

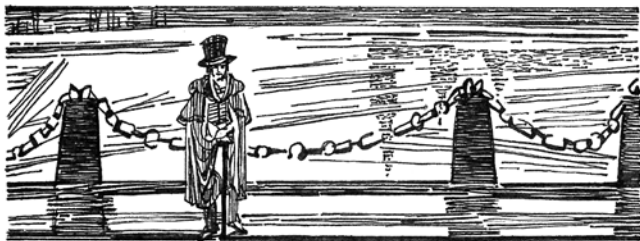
Воспоминание о Захарове*¹

То чудится тебе...

А. С. Пушкин

Светает. Тихо за окном.
Ещё не наступило утро,
ещё живу вчерашним днём,
в котором (призрачном как будто)
я вижу рощу — но не здесь —
деревья, мальчик между ними.
И так шумит наивный лес,
что явно называет имя...
Да зря. Подсказок не терплю.
Я знал, кто назначает встречу
в том достопамятном краю,
спроси — и я тебе отвечу,
кто по тропинке той шагал...
О, сколько прелести в начале —
когда судьбой своей назвал
тревоги, горести, печали.

Март 1984

¹Захарово — родовое поместье Ганнибалов в Подмосковье.

Евгения Славороссова

Давней зимой в Михайловском

О снег той дальней волости,
О мех медвежьей полости,
Объяття без помех.
О скрип, о вскрик, о смех!

Шепнуть: «Умчу из терема»,
«Перчатка? Ах, потеряна!»
О страсти на ушко.
И страшно, и легко!

Мечтание, катание,
Цыганское гадание:
«Любовь во цвете лет,
Дорога и валет».

Ах, брови эти чёрные,
Ах, лошади проворные.
«Но, мёртвая, балуй!»
И вздох, и поцелуй.

Укрыть мехами бурями,
Дурачить каламбурами...
А ночью стол, свеча,
Не спать, стихи шепча.

Как знать, что с нами станется?
Но навсегда останется:
Тот смех и плач пурги,
И в комнате шаги.

Писать и верить: «Сбудется!»
И мне так ясно чудится
Та ночь и белый снег,
И рифм летящий бег.

Ксения Наровчатова

* * *

Я ясно помню —
Он сидел один
За круглым небольшим столом.
Серые тесные стены
Окружали его пустотой.
Я была рядом —
Он этого не замечал —
Время стояло между нами.
Он ждал, долго ждал,
Глядя напряжённо перед собой,
Чтобы кто-нибудь пришёл к нему.
Но никто не приходил.
Тьма сгущалась
И охватывала его.
Только стеклянные двери блестели.
Послышались шаги,
Показалась женщина —
Его юная жена.
Пушкин подался вперёд,
Взгляд распахивал двери,
Но она прошла мимо,
Он опустил глаза
И поднял их вновь.
Никого не было,
Сон отступил.
На полках стоят
Залитые светом книги.

Памяти Пушкина

Мы все любили жизни гам!
И шум, навеянный Отчиной,
Бросали весело к ногам,
Как песню юности капризной.

Но все любили мы не зря
Стихи, как песни ветровые,
Музыку слов благодаря
За слёзы первые... живые.

Музей в Захарове

Вхожу в музей Захарово
Жил мальчик Пушкин здесь.
Музей отстроен заново,
Покрашен краской весь.
В старинном стиле комнаты,
Начищен самовар,
И кирпичи расколоты.
Повадки русских бар.
Буфет, напитки разные,
Бутылок старых пыль.
О, как потом он праздновал
И до рассвета пил.
Диван, часы каретные,
Картины на стене...
Шептал слова заветные
Французские во сне.
Переводил из Байрона
В неполных восемь лет.
Я вижу на проталинах
Сапожек резвый след.
Подскажет жизнь поместная
Дубровского портрет,
Мелькнёт канва чудесная,
Проявится сюжет.
Спесивца Троекурова
Он подсмотрел в селе.
Иду, погода хмурая,
И лужи на земле.
Гляжу на столик ломберный,
Картёжник был поэт.
Кладу цветок я сорванный
На Пушкинский портрет.

Шахматово

Цветные стёкла мезонина,
Окно, распахнутое в сад...
В привычном сумраке гостиной
Портреты прадедов висят.

Неярко освещает лампа
Собранье книг под потолок...
Где фейерверк, салютов залпы? —
Здесь люстра лишь в один рожок.

Письма раскрытая страница —
Каллиграфическая вязь...
Чьё сердце юное томится,
В веках не прерывая связь?

* * *

Сотри случайные черты...
А. Блок

Повсюду в этой мастерской
Недорисованные лица,
Глухая вечность и покой.
Здесь можно снова повториться
Печальный дол, осенний парк,
Дорога, сердцу дорогая...
Художник здесь Васильев-Пальм
Рисует, время отвергая.
Черты случайные сотрет,
Штрихи счастливые добавит, —
Поймёт, придумает, восславит,
Прекрасно зная наперед,
Что не дожидаться похвалы
И ничего не повторится...
Но как печальны и светлы
Недорисованные лица.

В Шахматово

На камень положен тюльпанов букет.
 (А лучше бы были лесные фиалки) ...
 Неужто тут дом, где Великий Поэт,
 Провидя Неправду, не ведал о Калке?
 Себе на погибель Любовь он привез,
 И сколько бы лет ни прошло после свадьбы,
 Сожрал революции красный цирроз:
 Здоровье, и книги, и стены усадьбы!
 Лишь лип вековых непосеченный строй,
 Засадной дружиной овраг занимая,
 Шуметь на ветру принимался порой,
 Чтоб нового в схватке низринуть Мамаю.
 Россия, пока не исчерпан исток,
 Пока не замглилось «Ярое Око»,
 Замри на коленях, где ранее Блок
 Вершил на холме без царя и без Бога!
 И поле его Куликово — здесь!
 И Чёрная речка с водою Непрядвы.
 И весь он Российский, и праведный весь.
 И даже «ДВЕНАДЦАТЬ» — апостолы правды!

17.03.1994 г.
 «Шахматово»

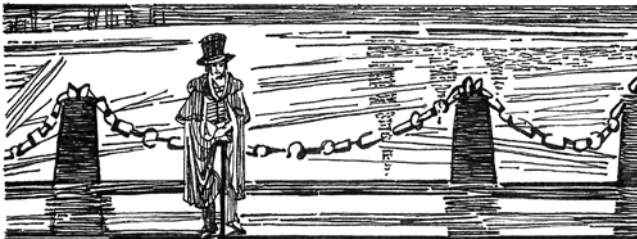

ЧЕКАННОЮ РИФМОЙ

Пушкину

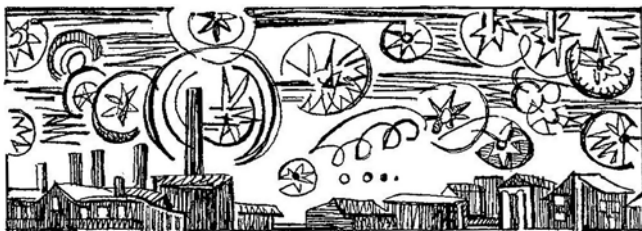
Мой Пушкин
 Ушёл
 Молодым
 Прекрасным
 И северным
 Утром
 Он
 В Небе
 Растаял
 Как дым
 Чеканною
 Рифмой
 Воспета
 Его улетела
 Душа
 И звёздное
 Сердце
 Поэта
 На Землю
 Глядит
 Не спеша
 Мой Пушкин
 Бесстрашное

Сердце
 И Воля
 Его
 И Покой
 Чеканною
 Рифмой
 Чудесной
 Он звёзды
 Раздвинул
 Рукой
 Прекрасным
 И северным
 Утром
 Он
 В Небе
 Растаял
 Как дым
 Стихом
 Несказанным
 И мудрым
 Мой Пушкин
 Ушёл
 Молодым

Александрю Блоку

В том	Где встречают
Краю	Поэтов
Где встают	Забутые
Голубые	Песни
Туманы	И зелёные
И рассветы	Замки
Венчают	На звёздном
Строкой	Песке
Горизонт	И Прекрасная
Где встречают	Дама
Поэтов	Проходит
Волшебные	Звездой
Страны	Бездыханной
Там	В том
Прекрасная	Краю
Дама	Где рассветы
И звёздный	Венчают
Чарующий	Строкой
Сон	Горизонт
Неземные	Где встречают
Стихи	Поэтов
Неземные	Волшебные
И звёздные	Страны
Песни	Там
Там	Прекрасная
Прекрасная	Дама
Дама	И звёздный
Туманом	Чарующий
Встаёт	Сон
Вдалеке	

Здесь и сейчас

Эссе

* * *

Бездонна грешной силы прорва,
Безмерен звёздный путь времён...
Но камень в камне — не разорван,
И Образ в образе спасён.
Повсюду — топот, шум и шёпот,
И сильный сильному под стать.
А поединка смелый опыт
Итожит страсть и Благодать.
От слов остались междометья:
Их смысл — Промысла печать.
И бык летит через столетья,
Предупреждая нас опять...

Этот экспромт родился на выставке «Здесь и сейчас» в Большом Манеже (26.07–25.08.2019) — возник сразу при первом беглом просмотре. Стихи определили для меня уже мою идею в проекте «Атлас творческих студий Москвы». Ошибается тот, кто думает, что произведение современного искусства имеет одну — верную — трактовку. Не вдаваясь в детали, спешу заметить: сделать проект о творчестве в столичном мегаполисе — смело и своевременно! Двенадцать павильонов-лабораторий продемонстрировали, на мой взгляд, любопытную по своей концепции часть творческого образования Москвы.

Здесь представлены графика, живопись, архитектура, мозаика, скульптура, фотография, танец, мода, кино, уличное искусство и новые технологии. Можно сказать, что мы листаем книгу, написанную о всех видах творчества, а вернее — о процессе зарождения и создания произведения искусства. Анализируя классику — платформу мастерства — мы прикасаемся к заготовкам, эскизам, наброскам, макетам: к импровизациям и репетициям того действия, которое предшествует появлению совершенства — свободного высказывания формы, оплодотворенной уже найденным содержанием.

Теперь подробно остановлюсь на трактовке одного из символов выставки: бык, как и положено быку, «вбегает на арену» и привлекает всеобщее внимание...

В современном искусстве всегда подразумевается больше, чем предлагается автором, и наше представление не исчерпывается одним мнением. Если в графическом павильоне (Британская высшая школа дизайна Виктора Меламеда) анимация приобретает оформительский характер, и бык как часть животного мира, заключённого в танцующий орнамент, сохраняет тягучее пятно цвета и узнаваемый силуэт, то в мастерской Д. А. Крымова (ГИТИС) бык становится центром театральной постановки. Во имя чего бык оказался в красном защищающем круге сцены? Что в сознании режиссёра допустимо для толкования, а что всё-таки останется тайной?

Версия обгоняет версию: каждый посетитель, балансирующий в седле быка, борется за равновесие на сцене и уступает своё место — следующему. «А приручить его попробуй и оседлать его сумеи! — Чур, меня», — слышится в павильоне. И впрямь — чёрный бык с красными рогами, красным седлом и в красном круге (популярный цвет Д. А. Крымова) готовится к схватке. Бык крутится и наклоняется в разные стороны в зависимости от того, как его оседлал человек, а яркий круг — его территория, мастерство или, может, и высшая сила? Так что же будет в итоге? Кто для нас актёр: избранник, жертва или герой?

Про себя я подумала о многом, но с этой загадкой театра мне не по силам справиться одной... В окружающем нас прохладном воздухе было то, что ещё не заметили мои собеседники: за нами наблюдала муза — покровительница всех искусств. Муза торопила события, чтобы мы успели высказаться и творческие студии могли реализоваться как будущие музеи и центры в один дом и под одну крышу Москвы. Ведь московскому пространству нужна ДУША, а по сути — незаконное и любимое дитя каждого художника — ЗВУЧАЩЕЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО! А как — через звукопись слов дать жизнь своей мысли в строчках?..

Не ручная — дикая,
Жалящая страсть —
По вселенной мыкая,
Приучает красть:
Белизну у облака,
Холод у реки,
С вдохновеньем об руку —
Голод у строки;

У безумных — кликости,
У влюбленных — сон,
Пульсом многоликости
Отбивая звон...

Муза на стороне художников, и всё случайное неслучайно.

Интуиция — самый лучший попутчик в творчестве! Театр богат подтекстом: театр — метафора человеческой жизни, а бык — способ существования актёра. Бык — агрессия силы, как и желание ответить. Поэтому и был готов мой ответ Дмитрию Анатольевичу Крымову — ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

Спектакль — Эзопова притча,
Истории громкий наказ:
Под маской меня обличья
Случается ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.
Как скрыть до поры суть развязки
И вольной игрой для повес
Разжечь обаяние сказки
И вызвать живой интерес?
Ведь в том, добровольческом плене
Театр — проверка и знак:
Что весело видеть на сцене,
То в жизни — безрадостный мрак.
Где мысль задыхается в форме,
Там зритель в актёрской душе
За страстью в пьянящем содоме
Предчувствует жизнь в мираже.
И пьеса смешит без раздумья,
И вдруг обострится ум:
Художник на миг от безумья —
Пророк в состязании дум.

Да, на подмостках сцены дано понять театр жизни. Хотя, как в испанской корриде, если бык не понравился залу — его убьют! А в нашем случае — бесследно уйдет актёр, погибнет роль и само предназначение театра? Вслед за моей мыслью в тишине павильона будто повисает не озвученный вопрос Д. А. Крымова... Конечно, оседлать быка может любой зритель, но кто удержится в седле?..

Из театральной студии я попадаю в мир монументального искусства. Это авторская школа мозаики Александра Корноухова — международный полигон творческих поисков и находок на базе МГХИ имени В. И. Сурикова и Российской Академии художеств. По замыс-

лу руководителя мастерской доисторический бык — не только символ, но ещё и движение образа во времени.

А жизнь, меня очертанья,
Следит за играми быков,
И от борьбы до состраданья
Дорога, вера и любовь.

Теории художника-монументалиста А. Корноухова созвучны и моему поэтическому настрою. Я вижу: отчётливый силуэт быка — поперечные камни, как столетия (наслоение культур!), движутся в определённой форме. Бык растёт и совершенствуется — преодолевает горизонты века. Как планеты и звёзды, бык в движении, во времени — в мозаике: скульптура в скульптуре.

Если время оформилось в камень —
Значит, время и камень сошлись.

Иначе — двигаясь сквозь смену и развитие цивилизаций — родился образ и окаменело слово. Так в России сакральное искусство мозаики прошло тысячелетний рубеж от XI века (Древняя Русь) до наших дней.

Посещая студии-павильоны всемирно известных деятелей культуры, я неожиданно поняла, что их творческие методы и системы находятся в поле зрения моего вдохновения:

Садись в седло, хватай быка за холку
И крепко за ремень держись,
И сущность слова не теряй без толку —
И тёмный зал прослушивай, как жизнь!

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС происходит наша земная жизнь. Мы стоим на своей сцене, держим оборону и готовимся к встрече с судьбой. Только сильному по плечу сильные чувства: прозрение и победа над собой земным во имя себя «бессмертного». Пьедестал или поражение, слава или изгнание — всё учит и, расширяя поток образов, зажигает энергией творчества, ведёт к результату — к новой ступени и закрытой двери, за которую предстоит заглянуть. Таким образом, театр — мгновение, в котором протекает жизнь ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. А кто сможет выдержать это состязание — побывает в одиночестве прозрения и бесстрашно вернётся обратно.

Я и мы. Артист и зрительный зал. Художник и окружающая реальность. Картина и бесконечное кино жизни. Миг театра и мозаика

в камне. И так — сравнивая и сочетая масштабы разных состояний, мы видим, что единица входит в массы и массы выталкивают из себя одиночек, а в итоге всё равно поединок одного человека и общества, одержимого индивидуалиста и пассивного большинства продолжается всегда. И если, усваивая правила и какие бы то ни было законы этой борьбы, смельчаки приобретают уверенность в себе — то провидцы, открывшие недоступное и прикоснувшиеся к невозможному, уже не боятся сцены, а говорят на равных с темнотой зала, с бездной и остаются в искусстве.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС — тема для будущих диалогов: для Москвы, вобравшей в себя калейдоскоп всей России с её мощью, пространством, её народами, противоречиями и достижениями. Человек — гражданин — житель Москвы может стать и личностью, и лидером: оседлать «быка публичного театра» и быть на равных с неизвестностью, которая соединяет жизнь и судьбу.

Человеку дан выбор: быть в толпе, в зале — случайным зрителем — или выйти на трибуну в красное огненное облако страха: шагнуть и остаться поэтом, высекающим искры из тьмы, слова из немоты, изображения из пустоты.

Талант не боится измены,
Но зрительский глаз — не пустяк:
Боюсь не предательства сцены,
А жизнь проживать просто так...
Мы здесь не затем существуем,
Чтоб прошлому плакаться вслед.
Мы ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС торжествуем
В преддверии трудных побед.

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС — значит навечно, ибо «то, что происходит сейчас — это и есть вечная жизнь», — когда-то утверждал Мераб Мамардашвили и, конечно, должно быть услышано и увидено теперь.

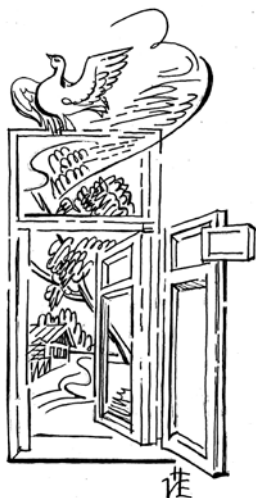
* * *

Я — наследница Победы.
На ветру сгорают дни.
Никуда я не уеду,
Хоть метлой меня гони.
Все пути приводят к Риму
И в Москву они ведут.
Здесь бывали мы любимы.
Здесь, нам кажется, что ждут.
На горах, на Воробьёвых,
Где запутаны следы,
Кружат бабочками снова
Наши тени у воды.
Век двадцатый, непредвзятый,
Мы на ты с тобой давно,
Промелькнувшее когда-то
Прокрути мне, как в кино.
Дай почувствовать истому,
Где трамвайные пути,
Где ни дерева, ни дома,
Ни дороги не найти.
Лишь в густой траве забвенья
Одуванчиковый пух,
И мои стихотворенья
Месяц май читает вслух.

Память

Уже фашисты были в Химках,
Казалось, что Москва падёт...
Но снова в хронике и снимках
Внезапный этот поворот!
Бойцы из корпуса Доватора
Смертельный развязали бой.
В снегу взрывались детонаторы,
Панфиловцы кричали: «Стой!
Не пропущу, фашист проклятый,
Испепелю тебя, сожгу...»
И ополченцы шли с Арбата
Навстречу грозному врагу.
Не торопил событий Жуков.
Бойцы ощерились, как львы.
Победа зарождалась в муках,
На всех путях зияли рвы.
Разгром нацистов под Москвою
Фашизма означал закат.
О, внук, склонись перед героем,
Ведь заслонил тебя солдат!

ОТЦА УЖАЛИЛА ВОЙНА

(триптих)

Памяти отца

Битва за Берлин

Отец мой помнил этот бой,
И как не помнить в жизни нашей,
Он мстил неистовой пальбой
И был для гитлеровцев страшен,
Разил врага и день, и ночь,
Пехоте пробивал дорогу.
Он взводным был, все страхи прочь
И, не надеясь на подмогу,
Кричал: «Огонь!» — и падал враг.
Опять: «Огонь!» — и вновь — победа.
И был совсем подавлен страх...
Как будто стал ему неведом.
Отец мой был богатырём,
Каким-то страшным исполином.
Кругом стрельба, снарядов гром.
Он, как военная машина,
Стал возбудителем огня, —
Три ночи бился и три дня!
И победил, отхлынул враг.
Он удержал победы стяг!.

Привал

С большим трудом был отвоёван дом.
Под ним подвала два, как будто залы.
И ночь пришла израненным зверьком,
А ночевать — начальство приказало.
Спокойнее ночлега не найти,
Должны подвалы эти подойти.

В одном из них — бойцы отца и он,
В соседнем — чей-то автобатальон
И экипаж израненного танка.
Их посетила подлая «болванка»
И все погибли — это был не сон.
И во вторую роковую ночь
Там ночевали только смельчаки,
Что головой своей рискнуть не прочь,
И думали, наверно, чудаки:
Снаряд, мол, избежит повторной встречи,
Ведь это математику калечит.
Но прилетел он всё-таки опять,
Наверно, немец бил прямой наводкой,
В то самое окно, донельзя чётко,
И вновь пришлось ребятам умирать.
И в третью ночь фашист принёс его, —
Но не было в подвале никого.

Бункер

У Геббельского бункера уже,
А пули разжужжались до предела.
Ох, не споткнуться бы на вираже
И уцелеть — желанней нету дела.
В одном из залов, вроде — никого,
А вот, в другом,
Он вдруг услышал: «Алик!»
Отец немедля на пол,
Волшебство,
Что вовремя по имени назвали.
Над головою пули пронеслись,
Противный визг услышал, жив ей Богу.
Товарищ по войне отцу спас жизнь,
Бойцу, к несчастью, прострелили ногу.
Промчалось только нескольких секунд, —
Теперь фашист сражён отцовской пулей.
Незабываем на своём веку
Спасенья крик...
Вот смерть и обманули...

Этот Май

Ушедшим однополчанам и командирам

Ох, этот глупый май,
чтоб драли его черти!
Подходит он, и ты
невольно вспоминай:
кто в мае вступит в брак,
промается до смерти —
народная молва.
Что делать — месяц май.

Ах, этот гордый май!
Пройдя в строю едином
с портретами бойцов,
по полной наливай.
Чтоб не забыть Хатынь,
«катюши» под Берлином,
блокадный Ленинград.
Таков он — месяц май.

Ух, этот гулкий май!
В казачьем батальоне
делились пополам
и «прима», и сухпай.
Короткий бой, наряд,
НП на терриконе,
ночные трассера...
Всё это — месяц май.

Эх, этот горький май,
от слёз мужских кипящий!
Мы здесь пока, а те
шагнули через край.
Кто в мае с честью пал,
бессмертие обрящет —
окопная молва.
Воздай им, месяц май!

И. В.

Здесь я вспоминаю пехоту.
Отчизны суровой сыны,
Вы делали смело погоду
На картах последней войны.

Вы живы! Далёкое — близко
И память живая светла.
На страже стоят обелиски,
В них нету ни злобы, ни зла.

Покой, тишина среди сосен. . .
Преддверием чёрных полос
Угрозы, что ветер доносит
Как новое время для слёз.

Нам стойкость ещё пригодится,
Не славя ни хищи, ни лжи,
Умрём, как твои пехотинцы,
Упав у последней межи.

Базар в дни войны

Из сердца, из памяти ложкой
Черпай! — мне не жаль ничего.
Морошка! — отдам за картошку!
Купите, купите её!

Голодный. Он ест понемножку.
Еда! Этот сказ про неё:
На углях вкуснее картошка,
В мундире сытнее всего.

А сахар и хлебные крошки
в махорке, в мякине трухи! .
Однажды сменяли серёжки
На склянку, где были духи.

Но в год урожайный роскошно
Надеждой сияет жильё.
Картошка! отдам за серёжки!
Купите, купите её!

Война

Боец не стар был и не молод —
Два ордена, звезда одна.
Забрал родных блокадный голод,
Оружие дала война.
В огне пылало Бологое.
Бомбили немцы всё кругом.
В руинах и село родное,
Где раньше бегал босиком.
Сжал кулаки солдат до хруста.
Не соль невыплаканных слёз,
Не боль, не горестные чувства,
А месть к Рейхстагу он пронёс.

На вольном просторе

Порывистый ветер на вольном просторе
Прогнал непогоду с побережья долой.
Сюда, где встречаются суша и море,
Спешат перелётные птицы домой.
Летят в свежем бризе без запаха гнили,
Над грозным обрывом скалистой стены.
А землю зимою для птиц сохранили
Отважные люди, что здесь рождены.
Простые, совсем небогатого рода,
Но честь в благородстве осанки узри.
Им быт и повадки диктует природа:
Всяк воин снаружи, мыслитель — внутри.
Народ охраняет бескрайние дали,
Где пращуры жили средь местных богов.
Врагу ни воды, ни земли не отдали,
Как вольные птицы, живут без оков.

Окончил МЭИ, кандидат технических наук, автор четырёх поэтических сборников. Публиковался в альманахах ЛИТО Центрального дома учёных РАН, «Муза», «Антология лирической поэзии», «Мужи и музы».

БЫЛА ВОЙНА...

Военное детство

Военное детство безумно далёко,
Но цепкая память надёжно хранит:
На весь переулочек разбитые стёкла,
В осколочных ранах асфальт и гранит.
Сирена — тревога — в убежище, быстро!
Упал на «Вахтангова» первый фугас.
На крыше — песком по сверкающим искрам;
Огонь, разгоравшийся было, погас.
В убежище тесно. Оглядки с опаской.
Детишки — не видно ни щёчек, ни глаз:
Какой-то сюрреалистической маской
С морщинистым хоботом противогаз.
Задраены шторы на каждом из окон.
На стёклах — наклейки бумажных крестов.
Глядящее в небо прожектора око.
Зенитки на каменных арках мостов.
Так было. Был повод для страхов, сомнений,
Но знали: погонят захватчиков прочь.
И сняли с окон черноту затемнений,
И звёздною стала московская ночь.
Росла и растёт череда поколений,
Смотрящих в былое глазами кино.
Хранит человеческой памяти Гений
Весь ужас войны, отгремевшей давно.

Синеглазка. 1942 г.

Бушует перрон возбуждённой толпой,
Как пеной волны океанский прибой.
Корзина, рюкзак, чемоданчик, мешок,
Кастрюля, ведёрко, бочонок, горшок,
Гитара, гармоника, аккордеон,
«Пусти! Дай дорогу!», «Пошёл ты...!», «Пардон».
Фуражка, ушанка, пилотка, платок,
Водяра, пивко, молоко, кипяток,
Сухарь, полбуханки, тушёнка, яйцо,
Мордашка, башка, образина, лицо,
Шинель, телогрейка, фуфайка, тулуп.
Кто умный не в меру, кто попросту глуп.

Вдруг в конце перрона из дверей вокзала
Появилась девушка с синими глазами,
Синими, как небо, синими, как море,
И на миг забылись горести и горе.
Девушка-блондинка в лёгком летнем платье.
Все друг другу стали, как родные братья.

И все расступились в молчанье немом.
Стояли, глазели с разинутым ртом.
А девушка шла — словно ангел летел —
В проходе шеренгами замерших тел.
И шла она, голову гордо подняв,
И сказкою стала печальная явь.
И волосы флагом вились на ветру,
Как ветви берёзы весной поутру.
Смотрели старухи сквозь стёкла очков
И слушали цокот её каблучков,
Смотрели на парус воздушного шарфа,
Что вился под звуки золотой арфы.
Приблизилась девушка к краю перрона.
Над нею внезапно возникла корона
В бесчисленных солнечных ярких лучах,
Блеснувшая в жаждущих чуда очах.
Зажмурились люди от яркого света.
Очнулись не сразу. А девушки — нету...

Чтобы поместились все наверняка
Подали пустые два товарняка.
В чрева всех теплушек серую толпой
Втискивались люди — рукопашный бой!
«Мама! Где ты, где ты?», «Залезай скорей!».
Наконец закрылся длинный ряд дверей.
Двинулись составы. С паровозным паром
Свист на всю округу. Кто успел — по нарам,
Остальные — на пол, как мешки, навалом.
Кто — бутылку с квасом, кто — горбушку с салом.
Но с вагонной жизнью начали свыкаться,
Прекратилась ругань, кончили толкаться.
И, как по команде, разом замолчали,
Вроде бы друг друга и не замечали.
В тесноте вагонной, в грохоте и тряске
Вспомнили в теплушке все о синеглазке.
Каждый думал: «Это было не со мною,
Знамо, это было что-то неземное»...
И на миг забыли люди про войну.
Про свою пред Богом вечную вину.

Садовое кольцо. Лето 44-го

Они напали на мою страну,
Мечтали захватить мою столицу.
В расцветном знамёнами строю
По ней пройти мечтали Гансы, Фрицы.
И вот они в Москве. Сбылась мечта
В Москве, служившей их заветной целью,
Они бредут, как стадо. И молчат.
Бойцы конвоя — вдоль колонны цепью.
Они идут, понуро опустив
Бесцветные затравленные лица.
Весёлого «Хорст Весселя» мотив
Теперь не прозвучит для Гансов, Фрицев!
Вдоль улиц — сотни, толпы москвичей.
А в первый ряд толкают ребятишек:
«Глядите на кровавых палачей!
Уже победа близко! Немцам — крышка!».
Прошаркала колонна, а за ней
По следу — поливальные машины,
Чтоб вытравить их след, как травят вшей,

Как сор метлой метут из нор мышиных.
Я помню, будто было всё вчера:
Вели фашистов пленных по Садовой.
Смотрели молча. А в душе: «Ура!
Конец пришёл затее их бредовой!».
Потом штандарты вражеских полков
Швыряли у подножья Мавзолея.
А гордый стяг страны большевиков
Витал, над Красной площадью алея.

Фильм по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»

Ещё хранящая тепло ушедших в бой землянка.
Ещё в печурке теплятся уголья и огонь.
Натянут провод. Сохнут чьи-то серые портянки.
От них исходит то ли свежесть, то ли вонь
В углу — топчан, небрежно застланный соломой.
Её прикрыла наспех плащ-палатка. А на ней
Как этой жуткой жизни искалеченной обломки —
Тела сплетённых в жаркое объятье двух людей.
Они решили в эту чуть затихшую минуту
Уйти от фронтового злого ужаса в любовь.
Они не знали в этой узкой, смрадной, тёмной мути
Землянки, доведётся ли им повстречаться вновь.
Но не пришлось загадывать о следующей встрече.
Вспахал землянку бешено крутящийся фугас.
Они горели заживо в последний в жизни вечер.
И прежде, чем их разум окончательно угас,
Была она единственной убийственно простою
Мысль общая, пришедшая на ум обоим им:
«Как хорошо, что он не увидел меня такую»,
«Как хорошо — она меня не видела таким».
Два рога серебрящегося в чёрном небе месяца
Увидели лишь крошево костей в кровавом месиве.

Василий Тёркин

Под дождём блестит асфальт арбатский.
По Тверской кружится жёлтый лист.
Под зонтом с авоськой — ныне штатский
Бывший батальонный баянист,

Тяжкий путь прошедший до Берлина,
Три кирзы стесавший о бетон,
Медленно несёт пакет кефира,
Чёрного буханку и батон.

Помнит, как в землянке партизанской
С вьюгою февральской в унисон
С курским, вологодским и рязанским
Вёл его баян «Осенний сон».

Мог тогда парнишка деревенский
Вывести легко мотив любой:
Про Амур, про лес волшебный Венский.
Про Дунай широкий голубой.

Помнит он поток солдатской лавы,
Текшей посреди кирпичных груд.
Помнит, две звезды солдатской Славы
Приколоч комбат ему на грудь.

Может, и на третью есть бумаги,
Их хранит какой военкомат.
Только он лежал в универмаге,
Занятом в то время под санбат.

А потом — колхоз, завод и стройки,
И не знал, что есть больничный лист.
Медленно идёт Василий Тёркин —
Бывший батальонный баянист.

Дождь, и не видать небесной сини.
Мир уходит в двадцать первый век.
Вася Тёркин — совесть всей России,
Труженик, солдат и человек.

Весна 41-го — лето 45-го

Весна сорок первого года.
Мой дед восемнадцати лет
Девчонке веснушчатой строгой
Протягивал скромный букет.
А та, позабыв все сомненья,
Волненье не в силах унять:
«Он делает мне предложенье!
А как же иначе понять

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные!».
Смущённо кланялись ромашки белые.
Глядели пристально гвоздики красные.

А серым дождливым июнем,
Оставив прощальный букет,
Ушёл с добровольцами юный
Мой дед восемнадцати лет:
«Я скоро, чтоб ждать не устала,
Я скоро, я точно вернусь!».
А Марьюшка долго шептала
И с нею вся Матушка-Русь

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные.
Склонили головы ромашки белые,
Слезой умылисы гвоздики красные.

Букет, что оставил любимый,
Поставила в Красном углу:
«Мой милый! Путиами любими,
Сквозь грозы, туманы и мглу,
Сквозь чащи, завалы, болота
Ты только, желанный, вернись!
Не заперты дверь и ворота,
Твердить буду целую жизнь

Слова желанные, слова несмелые,
Слова заветные, слова прекрасные».
Завяли-высохли ромашки белые,
И стали чёрными гвоздики красные.

Июнь сорок пятого года,
Москва. Белорусский вокзал.
«Хорошая нынче погода» —
Ей кто-то негромко сказал.
«О, Господи! Ваня! А я-то...» —
И хлынули слёзы ручьём.
А Ваня глядит виновато.
И были, кто знает, о чём

Слова желанные, слова несмелые
Слова заветные, слова прекрасные.
Цветы улыбками ромашки белые,
В слезах от радости гвоздики красные!

Старый ров

В той войной оставленном позаросшем рву
Для тебя, любимая, я цветов нарву
Разноцветных полевых: белых, жёлтых, голубых.
Для Тебя, любимая, я цветов нарву.
Здесь далёким летним днём шёл жестокий бой.
Боя не было бы — нас не было б с Тобой.
Это я теперь пою
Сыну баюшки-баю.
Боя не было бы — нас не было б с Тобой.
Я хочу, чтоб никогда наш любимый сын
Не слышал ни свиста пуль, ни разрывов мин.
Только скрипки сладкий звук
Да дождя по крыше стук.
Не слышал ни свиста пуль, ни разрывов мин.
А ещё скажу, мой друг, жажду от души
Увидать, что младший внук стал совсем большим,
Что красив он и здоров,
Что запахан старый ров.
Увидать, что младший внук стал совсем большим.
В той войной оставленном позаросшем рву
Для тебя, любимая, я стихов нарву
Про часов старинных бой,
Про детей, про нас с Тобой.
Для Тебя, любимая, я стихов нарву...

Три танго

В большой довоенной квартире —
Из окон Арбат и «Вахтангов» —
Дом, кажется, тридцать четыре,
Звучали любимые танго.
Цветы на полях крепдешина,
Пикейные белые брюки.
За окнами шаркают шины.
До плеч обнажённые руки.
В углу — патефон, и пластинка поёт,
Минутную близость дарует:
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует».

В пропитанном кровью санбате
Ползком из горящего танка —
Плечистый красавец с Арбата,
Любивший и помнивший танго.
Почти что девчонка, сестрица —
Волшебные добрые руки —
Танкиста — две шпалы в петлицах —
У смерти взяла на поруки.
Минутная близость, а время не ждёт
И жизни для смерти ворует.
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует».

Дождливый июнь в Загорянке.
Читаю про Радду и Данко.
Здесь дети крутивших баранку,
Пилотов, водителей танков.
Нарядные платья из ситца,
Сандали, штаны из сатина.
И те, кто успели родиться
У тех, кто шагал до Берлина,
Танцуют. И та же пластинка поёт,
А кто-то в саду озорует.
«Брызги шампанского», «Дождь идёт»,
«Твоя песня чарует»...

Сосна Кавторанга

Прощальный луч весеннего заката
Запутался в проснувшейся листве.
Кто помнит ту землянку в три наката
На хуторе заброшенном в Литве?
Нахлынули волной воспоминанья,
И их не заглушил морской прибой.
Нахлынули волной воспоминанья
О том, как мы ушли в последний бой.
Ушли, чтоб никогда не возвратиться,
Чтоб жизнь сюда пришла за нами вслед,
Чтоб наши имена и наши лица
Забылись через пять десятков лет;
Чтоб правнук ленинградца-кавторанга,
Сражённого осколками в висок,
Увидеть смог красавицу-Палангу,
Где солнце, море, сосны и песок
В июльскую полуденную пору
Струят неповторимый аромат.
А прадед гнал взашей фашистов свору,
Пока его товарищ-автомат
До самого последнего патрона
Не расстрелял в бою последний диск.
Сосны, снарядом срезанная, крона
Издав истошный крик, а может, визг,
Накрыла кавторанга жгучей хвоей,
Навечно запечатала в песок.
Другой снаряд летел, по-волчьи воя.
А правнука звенящий голосок
Под мерный мирный рокот волн прибоя
Летел над полосой песчаных дюн:
— А что всего важнее для ковбоя?
А кто такая птица Гамаюн?

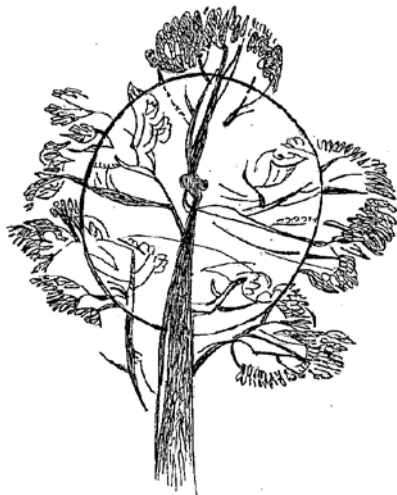

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Татьяна Окенчиц

Комната боевой славы

Двери открыл навстречу
Отзвук далёких лет.
В комнате славы вечной
Яркий зажётся свет.
Как же могло случиться?
Столько померкло глаз!..
Наших героев лица
Молча глядят на нас.
Куников и Ходенко,
Лётчики и врачи...
Вот Мурадян, Шульженко...
Сердце сильнее стучит.
Подвиг Новороссийска,
Помощь Геленджика, —
Будут с тобой, Россия,
В памяти. На века...
Мирно под небом синим
Жизни текут года.
Скажем тебе: «Спасибо,
Славной страны, солдат!»

Батарея Зубкова

Наша память всей жизни основа.
Уж давно завершились бои...
Неспроста батарея Зубкова
До сих пор на Пенае стоит.
Здесь растёт можжевельник на склоне,
В ареале святой тишины.
Я к земле приложила ладони
И услышала голос войны.
Это залпы тяжёлых орудий,
И огня разрушительный шквал.
Погибали за Родину люди.
Кто-то близких в бою вспоминал...
Был заслон для десанта морского.
Был судам обеспечен конвой.
Только не было места живого
На земле, утомлённой войной.
Знаю, — веру в победу не предал
Командир батареи — Зубков.
Смерть нещадно ходила по следу,
А победа ждала моряков.
... Солнце мирно, по-щедрому греет
Краснодарский живительный край.
Показалось, — не спит батарея
На взволнованном мысе Пенай.

Теперь на том месте (между г. Геленджиком и г. Новороссийском),
на той же позиции стоит та же батарея.
Мемориальный комплекс. Батарея-музей...

Стараясь забыть печали*Эссе (фрагмент)*

Память избирательна. Моя память хранит счастливые мгновенья, стараясь забыть печали, невзгоды, горе, уродство и нищету нашего бытования. И всё же есть что-то горестное, что вспоминается... День похорон отца в Крыму стоит перед глазами. Год 1962. Никто не отпел, конечно. Церкви в курортном городе Саки тогда не было. Друзья брата Игоря, армяне, организовали всё согласно своим обычаям. Спасибо им, что помогли.

По пыльной дороге иду за грузовиком с откинутыми бортами. Папа в открытом гробу. Дорога бесконечна. Мне не видно лицо, только голова. Ветерок играет каштановыми папиными волосами. Они слегка седоваты и достаточно густые.

Если бы не блокада, он, наверное, прожил бы ещё дольше, а так — шестьдесят пять, для блокадника — удивительно... Выжив, выехал по льду Ладожского озера после прорыва блокады и добрался к нам, эвакуированным, на Урал, еле живой. Мама не узнала в этом старике с палкой, похожем на смерть, мужа, которому было сорок шесть лет...

Любовь к нам — к жене и дочери — помогла ему выжить. Он слегка восстановил здоровье благодаря маминым вышивкам, которые она обменивала на молоко, сметану у местных жителей.

Съездив в Челябинск, папа нашел себе должность. До конца войны юрист по профессии Андрей Данилович Сергеев работал плановиком на эвакуированном из Москвы авиационном заводе № 132 в городе Симе. Нельзя сказать, что семья голодала, но выживала, выменяв все оставшиеся вещи на продукты. Одежда болталась на исхудавших телах мамы и папы. До смерти отец оставался очень худым...

Ветерок нежно перебирает папины волосы. .. Ничего вокруг я не замечаю... Потому ничего больше об этом чёрном дне августа не помню. Теперь, с годами, всё чаще вспоминаю отца, а накануне юбилея Победы — тем более. Есть среди моих реликвий кусочек серой оберточной бумаги в половину ладони — календарь на 1943 год — на обороте его — стихотворение Константина Симонова «Жди меня». После папиной смерти я нашла календарь вложенным в его записную книжку. Он хранил листочек двадцать лет, словно святыню. Думаю, многим бойцам на фронте и блокадникам помогли выжить эти стихи.

Солдат

Во время блокады Ленинграда осенью 1942 года я служил в штабе артполка Стрелковой дивизии. Однажды утром, после просмотра почты, первый помощник начальника штаба полка (ПМШ) — капитан Лось — приказал мне немедленно вызвать к нему рядового Иванова Николая Петровича, служившего в одной из батарей полка.

Я позвонил на батарею, вскоре в штаб полка, размещавшийся в комнате первого этажа полуразрушенного здания Академии гражданского воздушного флота, вошёл пожилой солдат с лицом, заросшим щетиной. По дороге с батареей он попал под дождь.

Намокшие поля пилотки были отогнуты, с шинели на пол капала вода.

На ногах у солдата были старые кирзовые сапоги, облепленные грязью. Подошва одного из них была аккуратно подвязана к носку сапога телефонным кабелем. Выражение лица у солдата было встревоженное. Умные глаза настороженно поблескивали. Видно было: солдат, что называется, бывалый. Я ввёл его в кабинет первого ПМШ. В кабинете кроме капитана Лося находился... заместитель командира полка по политической части Федоров.

— Рядовой Иванов по вашему приказанию прибыл, — по форме доложил солдат, приложив руку к пилотке.

— Слушай, Иванов, — начал капитан, — Расскажи-ка нам, как ты попал в наш артполк?

— То есть это как понимать товарищ капитан — как попал? Обыкновенно. Был направлен к вам с маршевой ротой из батальона выздоравливающих после поправки от ранения.

— Нет, ты не понял, Иванов, — скажи, почему тебя направили в артиллерию? Ты разве раньше в артиллерии служил?

— Да, служил — в Первую мировую войну, а в эту — в пехоте.

— Но почему тебя направили именно к нам?

— Мое дело солдатское: куда направили — туда и пошёл. А почему направили к вам — это надо бы спросить у тех, кто

направлял. А что, разве я плохо служу в артиллерии? Спросите командира орудия товарища старшего сержанта Цыпкина. Он, думаю, подтвердит вам, что никаких замечаний он мне не делал и что свои обязанности в огневом расчете я выполняю как положено. Разрешите вопрос, товарищ капитан?

– Спрашивай, Иванов.

– Товарищ капитан, а вы затем меня, значит, вызвали, чтобы назад в пехоту направить?

– Да нет, Иванов, не в этом дело, — ответил капитан Лось. — Никто тебя назад в пехоту направлять не собирается...

– Простите, товарищ капитан, тогда зачем же вызывали?

– А вот зачем, товарищ Иванов, — вмешался в разговор замполит Фёдоров. — Расскажи-ка нам лучше про свою службу в пехоте. С кем служил, кто командовал дивизией? В каких боях участвовал? Как тебя ранило?

– Фамилию комдива я не знаю, помню хорошо только взводного и политрука. Ещё знаю номер своей полевой почты. Да он есть на письме моей старухи, я его в кармане таскаю. Достать его?

– Конечно, достань, Иванов.

Солдат расстегнул шинель и вытащил из кармана гимнастерки потёртый конверт.

– Товарищ капитан, пойди и проверь, наша это военная часть?

Капитан с письмом вышел...

– Да, Иванов, расскажи-ка ты мне все-таки поподробнее про тот последний бой, в котором тебя ранило.

– Да что тут рассказывать, товарищ заместитель командира полка. Было это в ноябре прошлого года под городом В. Немецкие танки лезли на нас почти со всех сторон, а за ними бежали ихние солдаты, которых было гораздо больше, чем нас. Наш политрук сказал, чтоб не отступать ни при каком случае. Мы и сами понимали, что отступить нельзя...

– Ну а дальше как дело шло? — спросил замполит.

– Ну, после приказа солдатское дело известно, занял позицию — задача ясная: подпускай немцев, жги их танки и стой себе, покуда не убьёт али не ранит тяжело либо покуда немцы не уйдут. Многих поубивало. Ну вот, в разгар боя прилетела граната и ранило меня так, что я потерял сознание, проснулся — уже на койке в медсанбате. А как тот бой закончился, я до сих пор не знаю. Однако помню, что никто позиций не сдал — не такие ребята были.

Вот и всё. Больше рассказывать нечего.

– А как фамилия политрука? — спросил Фёдоров.

– Конечно, помню — К-н.

– Товарищ командира заместитель полка, — доложил капитан Лось, — я проверил: та самая часть, сомнений нет.

– Ну а мы тут поговорили по душам с товарищем Ивановым. Да ты садись, Николай Петрович, садись — не стесняйся, — обратился замполит к солдату. — Устал, небось, в твои-то годы всё время стоя разговаривать?!

— Хотя я и не очень-то устал, но сяду с удовольствием, — ответил Иванов.

Печать тревоги исчезла с его лица, и он начал понимать, что его вызвали не затем, чтобы наказать... Ну а зачем всё-таки?

— Товарищ Иванов, расскажи, а жене-то своей ты давно не писал?

— Как давно? Две недели назад. Как на новом месте осмотрелся — так и написал.

— погоди, — сказал капитан, — а из госпиталя и батальона выздоравливающих ты разве домой не писал?

— Да что тут было писать, когда неизвестно сколько в этом месте пробудешь? — ответил солдат. — Вот когда по-настоящему определился, тогда и написал.

— Вот чудак человек! Ведь жена-то твоя тебя мёртвым считала. Ей похоронку прислали на тебя. А недавно она вдруг от тебя письмо получила да и снесла его в военкомат.

— Значит, вот в чём дело, — воскликнул солдат. — Понимаю. Я ей напишу, что в этой ошибке никто не виноват. Ведь в той кутерьме легко было ошибиться: кто убит, а кто валяется без сознания. Санитары же, когда раненых собирают, документов не спрашивают. Пусть старуха больше не шумит — на войне бывают всякие случаи.

Разрешите идти?

— Нет, постой ещё, — ответил капитан. — Прочти-ка эту бумагу.

Солдат с осторожностью взял протянутый лист и прочел: «В вашем полку служит рядовой Иванов Николай Петрович, которому за геройское поведение в бою в числе ряда других бойцов присвоено звание Героя Советского Союза. Предписываем вам обмундировать Героя Советского Союза товарища Иванова Николая Петровича в командирское обмундирование и в течение суток направить его в Москву для вручения награды...» Солдат остолбенел.

— А тут нет ли какой промашки? Это, выходит, что я — герой? Как это так? Я ничего такого особенного не делал. Я только выполнял приказ, как положено тому, кто присягу дал. Приказ был не отступать — стоять на смерть. Ну и стояли все. Как все, так и я. Я так понимаю, что я, конечно, честно нёс свою солдатскую службу — а как же иначе-то, а ничего особенного героического в этом не было...

— Верно говоришь, солдат, — в том и состоит истинное героическое, что человек совершает подвиг по велению сердца, вовсе не думая, что он совершает что-то героическое!

— Ну, теперь, Иванов, иди в батарею да и собирайся в дорогу. Старшине отдадим приказ — он тебя обмундирует. Да побрейся получше и постригись, чтобы иметь подобающий воинский вид, — сказал капитан Лось.

– Да, вот тебе брошюрочка, — сказал замполит. — В ней подробно написано о твоём и твоих товарищей подвиге. Почитай её.

А то герой, а рассказать обо всем, как следует, не можешь.

– Нет, товарищ замполит, — возразил капитан Лось. — Он всё правильно понимает и рассказал верно: он честно и до конца выполнял свой солдатский долг. В этом и есть героизм.

На следующий день рядовой Иванов явился в штаб уже совсем в другом виде. Он был побрит. Новенькая командирская шинель и фуражка ладно сидели на нем. Капитан Лось вышел к нему, дружески похлопал его по плечу и сказал:

– Ну, вот теперь, Иванов, у тебя настоящий воинский вид. Наш старшина — молодец, хорошо выполнил приказ... Ты доволен, товарищ Иванов?

– Нет, товарищ капитан, не совсем доволен.

– Это почему же? — удивился капитан.

– Скажите, товарищ капитан, какие у вас, к примеру, сапоги? Хромовые? Как положено командиру?

– Ну, да, — ответил капитан Лось, — хромовые.

– А мне старшина выдал кирзовые, нечто в таких сапогах командиры по Москве ходят?!

– Понял, товарищ Иванов. Действительно старшина оплошал. Будут у тебя хромовые сапоги — ты их действительно заслужил.

Я сейчас прикажу старшине, чтобы он бежал сюда с хромовыми сапогами! А ты, Иванов, посиди пока: здесь, видишь, собрались бойцы и командиры — тебя поздравлять. Хотят послушать, в каких боях ты участвовал и как заслужил звание героя.

– Ну, это мы теперь можем, товарищ капитан, — ответил Иванов.

Когда через час капитан Лось со старшиной принесли для Иванова хромовые сапоги, то увидели, что он сидит на стуле, окружённый бойцами и командирами, смотрящими ему в рот, и по-своему, очень толково, красочно и доходчиво, излагает им содержание брошюрки, вручённой ему накануне.

На другой день Иванова отправили в Москву. В наш артполк он уже не вернулся. Ему присвоили звание старшины и направили в школу младших командиров. Доходили слухи, что у него оказались прекрасные педагогические способности и он стал отличным воспитателем молодых бойцов.

Основой рассказа является подлинное происшествие, разыгравшееся на глазах автора. Имена и фамилии действующих лиц умышленно изменены. Подлинное имя героя рассказа вписано золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны.

Душа моя, Елизавета

Она давно уже не живёт в нашем посёлке, но воспоминания о ней помогают пережить мне и одинокую осень, и холодную зиму. «Мой Лизочек так уж мал, так уж мал...» Частенько перед началом репетиции одним пальцем я наигрывал эту мелодию на пианино. Я ждал, когда появится она — Елизавета, душа моя. Елизавета приходила заранее. Ей нужно было время сосредоточиться на роли, и эти минуты, проведённые наедине с ней, наполнялись для меня счастьем и особым смыслом. Тоненькая, как камышинка, молодая женщина несла в себе ту радость жизни, которой многим из нас в трудные послевоенные годы не хватало. С ней в наш Дом культуры приходил тот настрой, без которого тщетно любое дело. Настрой победы, я бы сказал. И, действительно, у нас всё ладилось. Мы ставили пьесы талантливых драматургов — Володина, Розова — о современниках, похожих и непохожих на нас, но то, о чём говорилось в этих пьесах, было очень знакомо, эхом откликалось в наших сердцах, покоряло своей правдивостью. Елизавета пленяла односельчан, наполнявших зрительный зал до предела, манерой своей игры. Она так вживалась в образ, что было непонятно, где проходит грань между героиней пьесы и исполнительницей роли. А ответ был очевиден. Показывая на сцене персонажей, с которых хочется брать пример, ей не нужно было особенно притворяться.

Я любовался ею, но любовался издали, прекрасно понимая, что она ждала и будет ждать своего мужа, пропавшего без вести. Мне бы и в голову не пришло волочиться за ней. Она была для меня недосягаема. Я считал счастьем уже то, что она посещала драматический кружок, которым я руководил, что свой талант общения она проявляла и в отношении меня, что иногда её улыбка адресовалась и мне.

Елизавета работала в сельском почтовом отделении, включавшем в себя и телеграф, и каждый день, соприкасаясь с сельчанами, большей частью малограмотными, надписывала за них посылки, конверты, отправляла от их имени срочные телеграммы, отстукивая специальным ключом точки и тире на заграничном телеграфном аппарате, которым почта очень гордилась. Я знал, что она одна из немногих изучила азбуку Морзе и легко владела ей, не делая ошибок при передаче сигналов. Я регулярно отправлял в районный центр почтовым переводом отчёты о деятельности нашего круж-

ка. И таким образом имел возможность внеочередной раз увидеть дорогого для меня человека. Я садился за обшарпанный стол, брал лист бумаги, обмакивал ручку в чернильницу и, делая вид, что поглощён составлением текста, украдкой наблюдал за Елизаветой. Здесь, в этом глубоко чтимом месте, позволяющем поддерживать связь с далеко живущими родными людьми, народу всегда было много. Как только не обращались посетители к царившей здесь фее: и почтительно — «Елизавета Федоровна» и ласково — «Лизонька» и просто — «Лизавета». Она старалась помочь каждому и, улучив минутку, кому-то прочитывала полученное письмо, кому-то сочиняла важное прошение. И для любого у неё была припасена улыбка или доброе слово, а то и житейская подсказка, куда обратиться со своими проблемами. Я видел, что ей доверяли много личного.

В те дни, когда мне приходилось решать организационные вопросы, курсируя между Домом культуры и администрацией посёлка, я часто видел, как Елизавета, стоя рядом с гружённой почтовой корреспонденцией повозкой, о чём-то тихо беседует с извозчиком и одновременно, ласково поглаживая дряхлую лошадедку, угощает её припасённым лакомством в виде морковки или кусочка сахара. При этом внимательные глаза Елизаветы замечали всё вокруг: и то, что лошадь сильно исхудала на скудных харчах, и то, что уже еле тащит она телегу с посылками до станции. А Акимыч, кучер, сильно сдал за последний год, и пора уже отправлять его на заслуженный отдых.

Мне нравилось смотреть наши спектакли из зала, как смотрят обычные зрители. Особенно я волновался, когда на сцену выходила Елизавета. Я обратил внимание, что при её появлении сельские жители начинают открыто улыбаться и громко хлопать в ладоши, выражая этим своё отношение к ней. А однажды одновременно с аплодисментами по залу прокатилась волна шума — зрители начали перешёптываться: «Смирновым-то Елизавета Фёдоровна положенную ей большую комнату отдала. Сколько, — говорит, — людям можно мучиться в бараке? Пусть поживут по-человечески». «А Авдотье-то, у которой восемь ртов, — подхватывали другие, — младшеньких помогла в детский дом пристроить на казённое житьё-бытьё». Я слушал и понимал, насколько Елизавета богата душой и сердцем. И тем дороже она становилась мне. Как же я был счастлив от того, что скоро закончится спектакль, и я буду иметь возможность подержать нежную руку Елизаветы в своих руках, вынося благодарность артистке за выразительную игру.

Казалось бы, вся жизнь Елизаветы была на виду, как и жизнь любого сельчанина, но в посёлке никто не знал, как, впрочем, и я, об одном её нерядовом поступке. Она потеснилась и приютила у себя

чужую женщину, выгнанную из дома. Елизавета увидела её, прячущуюся под лестницей своего дома. Увидела и ужаснулась: женщина была беременна. «Что с тобой, милая? — спросила она её. — Иди-ка сюда, на свет». Женщина вышла, жалкая, плачущая, пугливо прикрывающая свой выпирающий живот складками широкой юбки. Елизавета участливо посмотрела в её тоскливые глаза. «А что ты здесь делаешь?» Марфа (так звали бедняжку) рассказала о том, что свекровь, ни от кого не скрывая свою нелюбовь к ней, давно хотела известить её, а узнав, что она ждёт ребёнка, молча показала на дверь. Жену родного сына своего выгнала на улицу. Его-то нынешней осенью в армию забрали, и заступиться за неё стало некому. «Пойдём ко мне», — только и произнесла Елизавета. Историю эту я узнал от самой Марфы, когда Елизавете по ряду причин пришлось уехать из посёлка. Не скрою, тяжело мне было расставаться с ней, я почему-то был твёрдо уверен, что подобную женщину вряд ли когда-либо ещё встречу. С её отъездом всё стало будничней, прозаичней. Но когда я смотрю в ночное небо, кажется мне, что зажгла Елизавета над нашим посёлком новую звезду, лучи которой наполняют жизнь мою светом и немеркнувшей надеждой.

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ Евгения Славороссова

Московские сны

* * *

Недаром ощущает вдруг
Круженье головы
Тот, кто вступил в заветный круг
Магической Москвы.

Прижав к глазам Кузнецкий мост —
Цветной калейдоскоп,
Он видит пляску лиц и звёзд
В коловращенье толп.

О, одиночества кольцо
В кипении столиц!
Как отыскать одно лицо
В калейдоскопе лиц?

В московских беспокойных снах
Клубится странный мир,
Что спрятан в четырёх стенах
Запущенных квартир,

Где мученик житейских драм
Жжёт до рассвета свет,
Он хмур, как дворник по утрам,
Пьян ночью, как поэт.

Москва, соперница подруг,
Ревнивей верных жён.
Тот, кто в магический твой круг
С рожденья погружён,

Несёт великой страсти гнёт
Сквозь шум людской молвы,
Пока навеки не уснёт
В объятиях Москвы.

* * *

Я сердца и ног не жалела.
Забывать ли о времени том?
А в небе полоска алела,
Алела и гасла потом.

А вечер спускался чудесен,
И вот уж строки не прочесть.
И плакало сердце от песен,
И туфель сносила не счесть!
Биенье девичьей мигрени,
Гремящего города пыль,
А запах цветущей сирени
Над чадом бензиновым плыл.

Моей бесконечной прогулки
Блужданья. Который уж год!
Всё кажется в том переулке
Кого-то я встречу вот-вот.

А может прошла-проглядела,
Впотьмах не узнала лица?
Надежда моя — без предела,
Дорога моя — без конца.

* * *

Лес диковинных деревьев
И светящихся плодов,
Труб в султанах дымных перьев
На опушках городов.

В чаще каменного леса
С детства пела, как могла,
В жёстком шелесте железа
И цветении стекла.

* * *

Я растворюсь в Москве, как в пенной чаше,
Бесценной, золотой — нет в мире краше,
Наполненной сладчайшею отравой,
Хмельною — изумрудной и кровавой.

Исчезну, словно голос колокольца,
Пройду сквозь все магические кольца.
В моей Москве, гранитной и бетонной,
Я кану, словно в пропасти бездонной.

Как шарик кровавой, скользну по венам —
По переулкам необыкновенным.
Подобно числам бесконечно малым,
Сольюсь с толпой, снующей по вокзалам,

По площадям, по улицам, бульварам,
По магазинам, паркам и базарам,
Театрам, галереям, стадионам —
Со всем народом многомиллионным.

В стране Москве, безмерной и бескрайней,
Легко я сгину, повстречавшись с тайной.
На карусели жизни быстротечной
Кружит, хранит меня мой Город вечный...

Москва моя, души моей столица,
Твоих богатств ничтожная частица —
Я золотник твой маленький. Но всё же
Со мною ты прекрасней и дороже.

Воробьёвы горы

С тобой мы ищем жизни смысл,
А рядом с нами жизни радость
Сияет в семицветье радуг,
В изгибе пёстрых коромысл.

Весь мир затянут пеленой,
Но, сделав в облаках оконце,
Порой проглядывает солнце,
Сиренью пахнет и весной.

Ты солнце размешай с дождём —
Я не пила напитка лучше.
Мы, отражаясь в синей луже,
Как будто по небу идём.

Моя рука в твоей руке,
И слышат наши разговоры
Лишь дождь да Воробьёвы горы,
Да лодка на Москве-реке.

Мы многого от жизни ждём,
Судьбу с надеждою встречаем...
А счастья и не замечаем,
Вдвоём гуляя под дождём.

Памятник Ломоносову

Среди студенческой оравы,
Где каждый в споре смел и зол,
Сидит задумчивый и правый,
С трудом затиснутый в камзол.

Толпа гудит в чаду и дыме,
Царит студенческий невроз.
Он возвышается над ними,
Как будто в землю эту врос.

Верней не врос, а вырос, вышел
Из недр, как дерево из земли.
Он всех устойчивей и выше
И видит скрытое вдали.

... Он всё на облако косится,
Что мчит, как льдина по реке.
И весит ровно пуд косица
В его чугунном парике.

Толпа выходит из читален,
Звенит пронзительный звонок.
... А он, как мамонт, колоссален
И, как вершина, одинок.

Библиотека

А я бы хотела остаться навеки
В разреженном воздухе библиотеки,
Тома поглощая от корки до корки,
Где правит директор — божественный Хорхе¹,
Где мы затевали бы странные игры,
Где бродят меж полок бумажные тигры,
Рождённые миру из недр ротапринта,
Где царствует вечность внутри лабиринта,
Где кожей пахнет старинной и клеем,
Где к книге нечитанной мы вождедем,

¹ Хорхе Луис Борхес, знаменитый аргентинский писатель, был директором Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе.

Где пылью веков с наслаждением дышим
И сами слова бесконечные пишем.
Худое и бледное книжное племя
Оставит в тетрадах чернильное семя,
А там разрастутся кустарники строчек,
Листками распустится бред одиночек,
И сгинут в таинственных дебрях бумаги
Творений своих чёрно-белые маги.

* * *

Нить проводов тянули Парки,
И, словно споря с темнотой,
Возник цветок электросварки
Блестящей розой золотой.

А стаи звёзд, как шпроты в масле,
Свои убрали плавники.
И только падали гасли
На чёрном небе лепестки.

Они дрожали и пугали,
Кружась сверкающей пургой,
И в небе дырки прожигали,
Как в тёмной ткани дорогой.

И мне хотелось бы сверканьем
Глаза ожечь, когда темно.
И пусть коротким замыканьем
Мне жизнь закончить суждено,

Но всё равно над тусклой прозой,
Над всякой пошлой суетой
Сгореть блистающею розой,
Дрожащей розой золотой.

Шкатулка Москвы

К.С.

Шкатулка Москвы — сколько камушков разных
Хранится под крышкой резной!
О, сколько прогулок, прекрасных и праздных,
И в дождик, и в холод, и в зной!

Шкатулка Москвы — этот грохот скаженный,
Чугунного грома литьё.
Но вот на ладони Василий Блаженный
Сияет — блаженство моё!

О, сколько колёсиков, шариков, втулок —
Бесценных сокровищ ребят.
Ах, твой полирован любой переулочек
Моими ногами, Арбат!

Назначим свиданье с грядущим туманным,
Где нас осеняет Поэт.
Мне памятник Пушкина стал талисманом,
Его драгоценнее нет.

Сверкая Садовым кольцом изумрудным,
Надетом на пальце моём,
С тобою бульваром пройдем Чистопрудным
Мы, за руки взявшись, вдвоём.

В шкатулке старинных диковин останки,
Осколки, обломки потерь...
Рассыпаны где-то Солянки, Полянки,
Ордынки — найди их теперь!

В ней место огней разноцветным стекляшкам
И луковкам всем золотым.
Пройдёмся с тобою мы Сивцевым Вражком,
Как будто музей посетим.

Шкатулкой Москвы, знаю, будешь доволен
И к новым восторгам готов.
Поди сосчитай, сколько в ней колоколен,
И вычисли, сколько мостов!

Шкатулку Москвы для тебя распахну я,
Тебе насовсем отдаю
Такую цветную, такую земную,
Родную столицу мою!

Романс о первом снеге

Ранний снег — до чего целомудренный! —
Куполов осеняет чело.
Это утро, как праздничный утренник,
Так старательно, чисто, светло.

Снег карнизы и крыши покрыл уже,
Чтобы мы любоваться могли.
Бел, как перья из ангельских крылышек, —
Даже страшно коснуться земли!

Мир фильтрует (как будто Чистилищем),
В нас безжалостно всё перерыв,
И порхает балетным училищем,
Расшалившимся вдруг в перерыв.

Молит нас, чтоб его не запачкали!
И в кружение стремительных па
Чуть колышет воздушными пачками
Мимолётных снежинок толпа.

Станет вечер блистательным Воландом
Нас пугать и стирать в порошок...
Но покуда ментоловым холодом
Студит губы бесплотный снежок.

Что за чудо! Чуть-чуть подморозило.
Поцелуи касаются век.
И блестит Лебединое озеро.
Первый раз. Первый шаг. Первый снег.

Ледяное окно

О, мир, как на слайдах, цветной, слюдяной,
Глядит из окна сквозь наплыв ледяной.
О, зимняя сказка воздушной души!

В замёрзшем окошке глазок продыши,
Глазок продыши
И уйти не спеши.

В глазах он дрожит стрекозиным крылом,
И ломит хрусталик стеклянный излом,
И, радужной плёнкой сверкая в глазах,
Вдруг мир расплывается в тёплых слезах.
Слезы не утри
И в глаза посмотри.

Волшебный фонарь или чудный мираж,
В окошке моём разноцветный витраж.
По плоскости гладкой укатанных зим
С тобой без оглядки куда-то скользим.
На санках с горы
В ледяные миры.

Подышишь, и тает стекло изо льда...
Изольда — любви ледяная звезда
В причудливых линиях видится мне,
И плачут цветы ледяные в окне.
Две капли в окне,
Две искры в огне,
Два вздоха во сне
О тебе, обо мне.

Анемоны

Апельсины и лимоны
Все спешат купить к столу.
Продаются анемоны
За аптекой на углу.

Вместо мяса, вместо сыра
Подержите их в руках.
До чего свежо и сыро
В этих нежных лепестках!

Но бежит народ московский,
Нескончаемый поток.
А цветочница в киоске —
Зимний зябнувший цветок.

Та же хрупкость и недужность,
Та же бледность с синевой
И такая же ненужность
Для людей на мостовой.

И идёт торговля вяло...
Неужель судьба ждала,
Чтоб вот так она увяла,
Словно в клетке из стекла?

Все спешат к универмагу...
Кто сумел бы по пути
Завернуть её в бумагу
И с собою унести?

Прогулка с собакой

Кустарник инеем порос,
Дымится голубой мороз,
Идём мы рядом в поздний час —
Твой пёс гулять выводит нас.
О, поцелуя холодок!
Ты отпускаешь поводок.
Я брошу палку, чтобы пёс
Зачем-то нам её принёс.
Слились дыханья на ветру...
Пёс хочет продолжать игру
И ждёт нас царственно красив,
Как изваяние, застыв
На фоне ночи ледяной,
Облитый ртутною луной.
Дырявит снег алмазный ток,
Когда струю пускает дог.
И бесподобный карий глаз
Косит презрительно на нас.

В кафе

В дешёвом уюте, в московском кафе,
Где странные люди сидят подшофе,
Где официантам не выскажут «фе»,
Но всё же ни дня без скандала,

Шофёры в шарфах всевозможных цветов,
Красавцы южане усатей котов
И с ними девицы известных сортов
Сидят, развалившись устало.

Где воздух тоскою и кухней пропах,
И где подливают в отчаянье страх
Старухи с помадой на дряхлых губах,
На гуще кофейной колдуя,

Где смутные мысли, бессвязная речь,
Где юные пары с кудрями до плеч,
Где ждут роковых и рискованных встреч,
Волнующих кровь молодую.

О, где я — на дне иль в горячечном сне?
Но истина тонет в креплёном вине.
И что ещё может привидеться мне
На этой сверкающей свалке?
Здесь улей пчелиный иль птичий базар,
Где празднуют что-то корсар и гусар,
Где старый полковник в отставке — швейцар
Сурово стоит в раздевалке.

А я за тобою в огонь и беду
Всему вопреки обречённо иду.
Ты мой проводник, как Вергилий в аду,
Устало присевший за столик.
Здесь чувства застыли на крайней черте,
Здесь теплится жизнь в мировой пустоте,
И здесь забывает о мёртвом холсте
Художник один — алкоголик.

Понять бы зачем мы приходим сюда?
А в небе звезда, в океане вода,
И мы затерялись с тобой навсегда
В бездонной Вселенной огромной...
С подносами бледные тени снуют,
А им чаевые небрежно суют.
Кафе городское, казённый уют,
Приют вечной страсти бездомной.

ИЛЛЮЗИОН

Я помню, как давным-давно
Мы шли с тобою из кино
И затевали бурный спор
(Не поумнели мы с тех пор),
Хоть было жаль смеяться нам
Сквозь слёзы старых мелодрам.
А нам вослед глядел сквозь сон
Кинотеатр «Иллюзион».
И замедляло время бег,
И под ногами таял снег,
И трогал нас озябший вид
Заплаканных кариатид.
Два бедных пасынка зимы,
Зачем так горячились мы,

Зачем, дурачась и остря,
Мы столько слов бросали зря?
Зачем, не склонные к слезам,
Не дали говорить глазам
Неповторимую зимой,
Как в мелодраме той немой?

* * *

Мой милый, без вести пропавший
В декабрьском сне (О главном помните!),
В Москве, морозами пропахшей,
В душе моей — бездонном омуте.

Мой друг, кудрявый и картавящий,
Не притворялась — притворяла
Глаза. Какого я товарища
Нашла! А твёрдость потеряла.

Мой нежный, мой пропавший без вести
(О, не сдержать сердцам испуг свой!),
Был Пушкинский музей убежищем
Двух душ — погреться у искусства.

Всё поровну — с тобою квиты мы.
Не притворялась — претворяла
В стихи. Со свитками, со свитами,
Со свистом билась и шныряла

Метель. За ледяными иглами
Ко мне ты тянешь кроткий рот свой.
Заигрывалась — не заигрывала.
Декабрь, безвременье, банкротство.

Москва загадочна, заснежена,
Слезам не верит, пустословью.
О, как измучена, изнежена
Я лучшею твоей любовью.

Мой вечный юноша, мой умница,
Утешить незачем и нечем.
О, лёд и месяц, ночь и улица,
Метель и темень, чёт и нечет!

Как по подстилке белой войлочной,
Вчера и завтра, и сегодня
Идём Москвою вечно-ёлочной
В огнях, Москвой предновогодней.

Метель, мелькание, метание...
Но разве скажешь: «Что такого?»,
Когда в душе сплошное таянье.
Прощай, период ледниковый!

Фантазия зимней ночи

Какая погода — не видно ни зги!
И всё ж эта ночь хороша.
Но в вихре вальпургиевой пурги
Не сгинет ли часом душа?

Как жалко погибнуть в кружении злом
От силы безжалостных лап,
Что скрутят мне руки морозным узлом,
Из ветра состряпают кляп.

Не проще ли лечь в ледяную постель?
(О, милый, приди и согрей!)
Я вижу, как в бешеной злобе метель
Обмотана вокруг фонарей.

Врасплох меня страх этой ночью застиг.
«Прости!» — прорыдаю сквозь тьму.
Пытает мороз миллионами игл
(Тебя я не выдам ему).

Нестройный оркестр — то гудят провода,
То жалобно воют в дуду.
Автобус сюда не придёт никогда,
Напрасно надеюсь и жду.

Помпезнее оперы эта пурга,
Фальшивя, срывается вой.
О, сгинет душа или вмёрзнет в снега,
Иль вырвется, чудом, живой?

Кромешная тьма, помраченье ума
(Мой милый, я сплю или нет?),
Дорога была, и темнели дома,
Сиял электрический свет.

Не поле, не шабаш над Лысой горой —
Но ветер в моей голове.
Иначе бы, как я декабрьской порой
Могла потеряться в Москве?

Ночь

Ночь крадётся вдоль Арбата,
Скинув башмаки.
Снег блестит голубовато,
Как мои белки.

Темноглаза, смуглокожа,
Хохот бубенцом,
Удивительно похожа
На меня лицом.

Снег полночный или голубь
Вьётся у стекла?
Юной девушкой голой
Ночь к тебе пришла.

Слышишь, волю дав смятенью,
Как слова растут?
Каждым шорохом и тенью
Повторю: «Я тут».

Вновь январь уступит скромно
Место февралю.
Вырастает ночь, огромна,
Как моё: «Люблю».

Ночь всегда играет с нами,
Сколько не лукавь.
Я шепчусь с твоими снами,
Я врываюсь в явь.

Утром всё в лучах потонет,
Всё исчезнет прочь.
Ах, мой свет-святой Антоний,
На дворе-то — ночь.

А когда лицо осветит
Солнца луч косою,
Ты увидишь на паркете
След ноги босою.

Замёрзшие слова

А вот и март идёт звеня,
Прощайте, лыжи и коньки!
Зима измучила меня...
И телефонные звонки.

И в грубой трубке тишина
(Как на премьере замер зал),
Тревога свыше внушена —
Твой голос в трубке замерзал.

И это было сотни раз...
Молчанье вяжет по рукам,
Я раздарила столько фраз
И воробьям, и облакам!

А снежный ком обиды рос,
И в горле рос рыданий ком,
И заморочил нас мороз,
И замораживал тайком.

Не зря терзали провода,
Как скрипка об одной струне.
И так нужна была вода
Душе во гневе и в огне.

И так нужна была она,
Чтоб потеплела, потекла,
Чтобы разбилась тишина
На счастье — вазой из стекла,

Чтобы умытая Москва
Ловила в лужах облик мой,
Чтобы оттаяли слова
Твои, замёрзшие зимой.

* * *

Во мне всё нежно так и слабо,
Ведь я ж не «каменная баба»,
Не тот невозмутимый идол,
Что людям тайн своих не выдал.

Порой, закрыв лицо руками,
Я разбиваюсь в кровь о камень,
И, в душу ближних не пуская,
Я камень на сердце таскаю.

Из камня — вечная столица.
Я вижу каменные лица
Великих (или знаменитых?),
Слова и мысли из гранита.

И каменею, с жизнью споря,
Порой от гордости и горя...
Но, чувство миру отдавая,
Болит душа моя живая.

О марте

А ты, как обычно, с утра озабочен.
А в городе март — он мечтатель и мот!
Рабочие трудятся возле обочин,
Дороги решили отправить в ремонт.

А ты не заметил в превратностях службы
И тягот домашних — ты дрязгах погряз,
Что нынче шедевры копировать с луж бы,
Что кто-то встревоженный город потряс,

Что ввинчивал в небо блестящую лопасть
Вверху самолёт по дороге в Каир,
И лопалась почка, и школьники глобус
Крутили — прекрасный и синий, как мир.

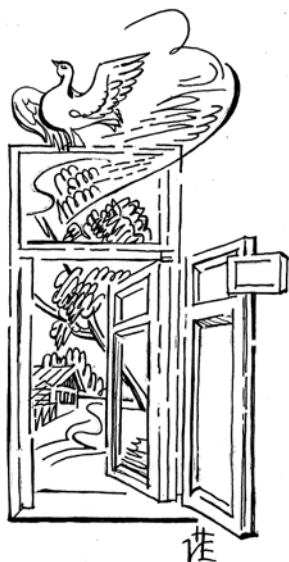
И не было выше желанья на свете
Горячечным лбом окунуться в окно,
С уроков сбежать, чтобы вестерна ветер
Воздушной волною тянул из кино.

Но всё это были пока полумеры...
Сахарю сахарной стыла зима
В лесу под Москвой. Но уже в полимеры
Был лёд превращён, заливая дома.

И жизнь улыбалась, смывая помарки,
Бросаясь обрывками черновиков...
Ах, как мы с тобою мечтали о марте
В ту зиму — подобие Средних веков.

А в школах упорно снижались отметки,
Писались стихи, разбивались сердца...
И ветки деревьев, как будто креветки,
Слегка шевелились в ладонях ловца.

Ещё я не ведаю, как говорить мне
Про март (в эту жизнь он явился нагим),
Но смею смеяться — и в праздничном ритме,
И в радостном гимне мир станет другим.

Старый дом

Городской романс

За резным наличником
Мутное стекло.
Любовался личиком,
Что белым-бело.

Невзначай замечено,
Сходу сгоряча.
Зажигалась вечером
Бледная свеча.

Нежное и смутное
За окном цвело.
Но окошко мутное
Тайну берегло.
Ни кивка, ни имени,
Нежного словца,
Не шептал ей: «Жди меня», —
В полночь у крыльца.

Ночью с крыши капнуло,
Утром потекло.
Всё куда-то кануло,
Ветром унесло.

Всюду строят здания,
Дом идёт на слом.
Было что когда-нибудь
Скрыто за стеклом?

Ни следа, ни имени,
Ни лица в окне.
И не скажешь: «Жди меня»
Иль: «Приди ко мне».

* * *

Воздух мартовский стеклянный,
Пряник каменный московский,
Синий день, от солнца пьяный,
Колесит, где Маяковский,

Где редакция журнала,
Где огромный зал концертный.
А душе воскресшей мало
Ощущать себя бессмертной.

И она желает страстно
Ощутить себя счастливой,
Наполняясь мукой властной
До восторга, до разрыва.

В этом вареве кипящем,
Городском водовороте
Трёт глаза царевной спящей
В ледяном прозрачном гроте.

Белый сон на явь меняет
И встаёт, глотая слёзы.
А беспутный день роняет
Золотую ветвь мимозы.

Ах, душа, кто ты такая?
Ты лишь гостья в вечном доме.
Луч колеблется, сверкая,
У эпохи на изломе.

И дрожит душа живая,
Ёжась в оболочке нежной,
Жизни двери открывая,
Неизвестной, неизбежной.

Безумный апрель

Стихотворная горячка
И компьютерная скачка,
Перевернут мир вверх дном,
Нервы ходят ходуном.

Ссоры, слёзы и сомненья,
И ночные объясненья.
Глушит вопль кошачьих банд
Сумасшедший музыкант.

Как весенний воздух мучит!
Каждый слёз сполна получит.
Сердце ранит птичья трель —
Так бесчинствует апрель.

Что ж нам делать в это время?
Капля ударяет в темя,
Из-под ног земля летит,
И потерян аппетит.

Так тираном в город шумный
Вторгся вдруг апрель безумный,
Жить и слаще, и больней
В круговерти ярких дней.

Пусть любовь всегда дурачит,
Но живёт лишь тот, кто плачет.
И смешал нам явь и сны
Беспокойный бег весны.

Песенка предместий

А сердце влюблено
Без всяческих причин.
Поедем в Люблино
И в Люберцы помчим.

Нельзя прожить и дня,
Не веря, не любя.
И веришь ты в меня,
И я люблю тебя.

Как мир обнять легко,
Как трудно долго ждать!
Но я недалеко,
И ты рукой подать.

И сдвинуты мосты,
И сомкнуты края.
Всегда со мною ты,
Всегда с тобою я.

Ты мой без всяких «но»,
Твоя — от лба до пят.
И любят в Люблино,
И в Люберцах не спят.

Гроза над городом

О, грома громада и струи, как струны,
В оранжевых перьях пируют Перуны.
И в роще кошмары, и в море буруны —
То в древние игры играют Перуны.
Пронзят, пригвоздят ослепительным взором —
И мир наш привычный разрушен и взорван,
Расплавлен, раздавлен стихией природной —
Вокруг нынче хаос царит первородный.
Как вырваться нам из такой заварухи?
Не место гармонии в царстве разрухи.
Но смеха раскаты, но грома повторы!
Потуплены очи, опущены шторы,

И мы не разделим свирепой уморы.
О, гибель Содома! О, гибель Гоморры!
И окна закрыты, и заткнуты уши...
Но грома раскаты всё дальше, всё глуше.
Всё снова, как раньше, всё снова, как прежде.
И только прохожие в мокрой одежде
Напомнят о том, как прекрасны и юны
Над нами сегодня промчались Перуны.

* * *

Как всё изменяется в мире под вечер...
О, солнцем оплавленный облачный глетчер,
Сползающий тихо по склону небес!
Над пыльной землёй золотое горенье.
О, как удивительно мне повторенье
Всех ежевечерних бесплатных чудес.

Без сил и без слов в золотой паутине
Мы сами детали в великой картине.
У всех знатоков вызывая слезу,
Несутся в простор, вырываясь из рамы,
Воздушные замки, небесные храмы
И две золотые фигурки внизу.

Но всех занимают земные заботы,
И люди бегут торопливо с работы.
О, если бы знали сейчас москвичи,
Что кто-то богатый капризно и щедро
Раскрыл нам сокровищниц тайные недра,
Вручил нам с тобой золотые ключи.

Пусть каждый своею заботою занят,
Но пальцем коснёшься — и золотом станет
И камень дорог, и деревьев листва.
Из боли, из пыли, из грязи, из брани...
А в окнах играют алмазные грани,
А в сердце моём золотые слова.

Как жалко, что праздник чудесный не вечен,
И в ночь отступает увенчанный вечер,
С улыбкой, короне, ликуя, лучась...
И, в сердце храня дорогие секреты,
Мы нынче алхимики, маги, поэты
И в блеске заката калифы на час.

* * *

Что за птица поёт по утрам за окном,
О каком неизвестном мне счастье земном,
Отчего голосок серебрится?
Видно вскормлена сказки жемчужным зерном
Незнакомая странная птица.

И как будто кругом не бензиновый чад,
И как будто в окно мне глядит райский сад
В окруженье московского лета,
А нездешние песни звучат и звучат...
Или, может быть, снится мне это?

Что за дивная гостья в обычном дворе?
Что ты мучишь мечтою меня на заре,
Невидимка, вещунья, зарница?
Нету слов в обедневшем моём словаре,
Пусть мне песня и птица приснится.

Гамаюн или Сирин, а вдруг Алконост?
Меж каких ты летала полуночных звёзд
И зачем ты сюда залетела?
А с небес опускается радуги мост,
И напев твой извечный прозрачен и прост,
Как душа, что так рвётся из тела.

СОКОЛЬНИКИ

Сокольные, Сокольные,
Мелодия простая,
Как будто с колоколенки
Вспорхнула птичья стая.

Как будто сердце сызнава
Звенит колоколами,
Внезапно в небо брызнули
И вспыхнули крылами.

И слышно рифм лепечущих
Глухое бормотанье...
И стая крыл трепещущих,
Как сердца трепетанье.

* * *

Две девушки, словно с картины Гогена,
Раскосость их глаз и жемчужная пена
Зубов, что в улыбке не прячут они,
Богини среди городской толкотни.

Из красок, из зарослей юго-восточных
Их лица и сладость имён их цветочных.
В московском метро два шедевра живых,
Дикарки в шуршанье плащей дождевых.

Как блюда из риса без острой приправы,
Как редкие камни без должной оправы,
Как статуи обломки в высокой траве,
Две смуглых фигурки в дождливой Москве.

Известно мне: счастье и радость мгновенны.
О, боль и восторг, как из вспоротой вены!
Но гений хотел удержать неспроста
Движение жизни в пределах холста.

Идут по Москве, на витрины глаза,
И им неизвестно, что зале музея
Поймал их, забрал их в пленительный плен
Беспутный художник, бессмертный Гоген.

Музыкальный день

А день сегодня музыкальный:
С утра шумит листва и кровь.
Дождь на поверхности зеркальной
Пруда с налёта выбил дробь.

Звенят на дереве пичуги,
Звенит трамвай, звенит в ушах...
И ливень выплеснул в испуге
Воды серебряной ушат.

Плетётся звуков паутинка
Весь день из горлышка птенца,
А за стеной поёт пластинка
Одно и то же без конца.

Над крышей голубь крутит сальто,
Акомпанируют часы
Скольженью солнечного альта
Сквозь туч органные басы.

И голос человека странно
Плывет, вплетаясь в лес и плёс
Под лепет лип, дождя сопрано —
До дна, до облака, до слёз

* * *

Так приходит ко мне это чувство,
Я назвать не сумею его,
И сжимаются пальцы до хруста,
И не вижу вокруг ничего...

Так грозою смывается проза
С городской утомлённой листвы,
Так срывается музыки роза
Со смычков «Виртуозов Москвы».

Это, может быть, вовсе не сладко,
Это гибелью, может, грозит...
Но таинственной жизни разгадка
В душном мраке озоном сквозит.

За предчувствие этого мига
Даже счастье не жалко отдать.
Небо настезь раскрыто, как книга,
В звёздных знаках вольготно блуждать.

Только длится не дольше мгновенья
Беззаконно-свободный полёт,
И земное ярмо вдохновенья
Борозду в скудной почве ведёт.

И расплата придёт за паренье,
Растворенье в пространстве хмельном...
Но останется сердца прозренье
В почве каменной звёздным зерном.

Цветной бульвар

Цветной бульвар,
Где свой товар
Предложит вам центральный рынок,
Глаза и ноздри дразнит снедь,
Но вовсе ни к чему краснеть
Цветам из-за соседства крынок.

Цветной бульвар,
Блестящий шар.
И пляшет девочка на шаре,
Чтоб вниз сорваться с высоты.
Рукоплесканья и цветы
Циркачке публика подарит.

Цветной бульвар,
Столь дивный дар,
И хлеба нам, и зрелищ хватит.
Так обаятельно нелеп —
Циркачка добывает хлеб
Торговка в цирке деньги тратит.

Цветной бульвар,
И млад, и стар,
Забыв об оболочке брэнной,
Следит, дыханье затаив,

Как девочка, цветок схватив,
Летит, пугая, над ареной.

Но кончен бал,
Пустеет зал.
Домой циркачка с сумкой едет
С любой хозяйкой наравне.
И в нереально-чудном сне
Цветочница полётом бредит.

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

Вокзал, потонувший в чужих голосах,
Вокзал — средоточие чуда и дряни.
Вокзал, где встречают южан северяне,
Где дух путешествий шумит за дверями,
И знак Зодиака повис на часах.

Вокзал, где король — бородач с рюкзаком
Среди чемоданно-вагонно-багажных
Отчаянных слёз и решений отважных,
Объятий прощальных, сигналов протяжных,
И светится шпиль с золотым петушком.

Вокзал... Так призывно гудят поезда,
Что выбрать свой путь я должна непременно.
Одна из дорог — для души перемена,
И ждёт на другой меня злая измена,
А третья ведёт неизвестно куда.

Вокзал — это выход из всех тупиков —
От страхов и крахов, любовных агоний,
Мелькнуть в пролетающем мимо вагоне,
Хотя бы на время уйти от погони,
Хотя б на минуту лишиться оков.

Московская сказка

Московская старая сказка,
Татарская странная пляска —
Смешалось всё в доме Облонских
На стогнах почти вавилонских,
Где властвовал деспот восточный,
Не спавший порой полуночной,
Великие планы лелея:
Темницы, дворца, мавзолея
И башни громадной до неба
Из слёз да мякинного хлеба.
Московская древняя маска,
Дремучая страшная сказка,
Но будучи прахом и пылью,
Ту сказку мы делали былью,
Где в замках трёхглавые Змеи,
Во тьме кабинетов Кощеи,
А мы остаёмся веками
В той сказке всегда дураками.
Любимая бабкина сказка,
Развязка и тайны огласка,
Идя нескончаемым краем:
Куда и зачем — мы не знаем,
И нам остаются в итоге
В погибель три разных дороги,
Мечтанья, блужданья без толка
По царствию серого волка.
Пасхальная яркая краска,
Московская вечная сказка,
Где друг снова ищет подругу,
Где чувства кочуют по кругу,
Где сердце стучит одичало...
А сказка плетётся сначала.

Грайвороновский проезд

Непрестижный проезд,
Сколько крика окрест,
Воровского вороньего грая,
Словно горький протест
Тех продымленных мест
Над землю возник, замирая.

И летит наугад
В Александровский сад,
Где другой ему крик отзовется,
И разбудит Арбат
Этот грозный набат,
И от страха душа встрепенётся.

Тёмный старый подъезд,
Безнадёжности жест
И погибшие втуне порывы,
Неизбежный арест
И потерянный крест...
Но и страсть, и страдание живы.

* * *

Ты говоришь: «Весна в Тоскане».
Но как Тоскана далеко!
И шепчет русская тоска мне:
«Мечтать не вредно», — на ушко.

А я пишу: «Сентябрь в Париже»,
Хоть дух его непостижим.
И, может, в странном сне увижу,
Как по Парижу мы бежим,

Бежим, не оставляя следа,
Как будто понизу вода...
Вдруг нам открылся «Вид Толедо»,
Но путь наш снова не туда.

Не в Лиссабон, подвластный югу,
Не в Глазго, светлоглазый порт.
Нет, мы с тобой спешим по кругу
Опять к метро «Аэропорт».

В раю рекламного плаката
Лоснится Ниццы смуглый пляж,
А Канны золотом заката
Наносят звёздный макияж...

Но то, что вынешь ты из сумки,
Важней блестящей шелухи.
И я войду в твои рисунки,
Как ты вошёл в мои стихи.

* * *

Не красота, но прелесть жизни
Меня удерживает здесь —
В моей трагической Отчизне,
Как из другого мира весть.

Прельщает ясное мгновенье
Московской осени, когда
Над головою, как виденье,
Встают другие города.

Они парят в глубокой сини
Так грандиозны и белы.
Но цвета дольки в апельсине
Или стекающей смолы,

Или весёлой лисьей шапки,
Или морского янтаря
Листвы шуршащие охапки
Посередине сентября.

Их не метёт усталый дворник,
Они, как мусор золотой.
Они прельстили в грустный вторник
Меня надеждою пустой,

Что это наше неустройство
И кавардак, и дребедень,
И неприметное геройство
Встретаться с жизнью каждый день,

И наши горести, и беды,
И ворох страхов и забот,
И пораженья, и победы,
Как листья, ветер вдруг сметёт.

Они взметнутся, улета...
А жизнь, что мучила и жгла,
Мелькнёт, как птица золотая, —
И жалко станет, что прошла.

Сторож ночи

Брату Аркадию

Вдруг пёс полуночный, что лют и поджар,
Во тьме первобытной залает дрожа.
Ловя драгоценные блёстки Стожар,
В ночи неизменно не спят сторожа.

И делает снова ошибку в статье
Писака, что в юности славы алкал,
И кто-то в глазах у ночного портье,
Скользя, отразится, как в глуби зеркал.

И я — соглядатай — неведомо чей,
И сторож ночной — неизвестно кому,
Могу лишь на тёмной обложке ночей
При помощи звёзд обрисовывать тьму.

Об этом не ведает мир ваш дневной,
Окутанный крепкими путами сна.
В открытом окошке царит надо мной
Начальницей ночи нагая луна.

И дышит Москва, словно Левиафан,
И странное что-то ей снится во сне.
И ночи бескрайний слепой океан
Надёжно меня укрывает на дне.

Октябрьская песенка

Октябрьский дождик летит в пустоту,
И ветер суставы ломает зонту.
Сутулятся люди на улице,
Сердиты, как мокрые курицы.
Но даже у горя бывает предел,
И город сегодня, как лес, поредел.
Ну, сколько же плакать и злиться?
Но серы осенние лица.
И радость моя, как всегда, невпопад.
В отчаянье мечет и рвёт листопад,
Умчались за листьями птицы,
И хочется ближним напиться.
Известно: не писан закон дуракам.
Октябрьский дождик бежит по щекам,
На улице холод и смута...
А мне хорошо почему-то.

* * *

Москва, Москва, в своём тревожном сне
Всех примешь ты и всё ты переваришь.
Я здесь одна. И что же делать мне?
Лишь волк тамбовский мне теперь товарищ.

Ах, брат мой волк, неужто я жива?
Лишь ты да я — мы здесь изгой оба.
О, как меня опутала Москва,
Родная материнская утроба!

Но пуповины я не оборву
С непостижимой волей эмбриона.
О, только бы узнать, куда плыву,
Как плыл во чреве у кита Иона.

Ты — лабиринт, где желтоглазый волк,
Товарищ мой, что родом из Тамбова,
Устал кружить, и вой его умолк.
Москва, Москва, ты сокрушишь любого.

Но ты растёшь и дышишь, ты добра,
Сильна, тепла, как хлебная опара.
Ах, волк, мой волк, одуматься пора,
Ведь мы с тобой немыслимая пара.

О, если б знать — куда и для чего?
Иль ничего не ведать абсолютно.
Ты видишь, волк, ведь право большинство,
Лишь нам с тобой повсюду бесприютно.

Уйти на дно, вернуться в твой Тамбов,
Выть от тоски иль умирать от скуки?
Глядят на нас из-под высоких лбов
Ревнителю искусства и науки.

В извилинах больших библиотек,
В водоворотах выставок и залов
Мы все, а волк ведь тоже человек.
Москва, Москва, ты по рукам связала.

Ну, что ж, мой волк, мой незаконный брат,
Беги в свой лес звериною походкой,
Ведь по тебе уж плачет зоосад,
Оскалившись железною решёткой.

Беги, мой волк, легко, как серый дым,
Лес жив ещё, на снег роняя хвою.
А я пойду одна путём своим,
Навеки окольцована Москвою.

Рождество в Москве

Нет в дому самобранки-скатерти,
Улетел мой ковёр-самолет...
Чьи-то тени сидят на паперти,
А в избытке лишь снег да лёд.

То Рождественкою, то Ордынкою
Проходя, завернись во тьму,
Как под шапкою-невидимкою,
Не бросаюсь в глаза никому.

Только мнится мне всё да слышится,
Как в глухих переулках Москвы
То ли снег по ночам колышется,
То ль куда-то бредут волхвы.

Что здесь делать седым кудесникам,
Различимым во мгле едва,
Нагружённым дарами вестникам
Белоснежного Рождества?

Нам готовится жизнью разное,
А сегодня лишь вьюги смех...
Всё равно Рождество отпразднуем,
Хлеб судьбы разделив на всех.

Юго-Запад

Юго-запад. О, жизни моей западня,
Юго-запад, поймавший тебя и меня.
Отыщи-ка, попробуй, тот номер, тот дом
В этой смеси воды грязноватой со льдом.

Юго-запад, порою сводящий с ума,
Словно айсбергов глыбы, не тают дома.
В промежутке меж чахлых кустов и дворов
На асфальте начертана роза ветров.

Но не надо отчаянья. Слушай и верь:
Кто-то вышел из дома в раскрытую дверь
И по тёмной дороге пошёл, не спеша,
Наугад, юго-западным ветром дыша.

О, не надо отчаянья, повремени —
Скоро окон зажгутся цветные огни,
И по ним, как по звёздам, ты сможешь найти
Все начала-концы и дороги-пути.

* * *

Шиповник расцвёл на задворках,
Средь зарослей буйно расцвёл,
Так прячется смысл в оговорках,
Куда б разговор не завёл,

Так в снах раскрывается тайна,
Хранимая в недрах души.
Окраина вряд ли случайно
Шиповник укрыла в глуши,

Чтоб вспыхнул он дико и вольно
И запах пьянящий исторг.
От радости тесно и больно,
И сердце пронзает восторг.

Так стоит ли плакать и злиться,
Что втайне который уж год
Душа на задворках столицы
Шиповником диким цветёт?

* * *

А.К.

Надышаться осенью, наглядеться,
Мимо старой школы опять пройтись,
Никуда от детства мне всё ж не деться,
Без сумбурной юности не обойтись.

Не уплыть с тобою нам на пароходе,
Но зато я всё могу превращать в слова.
Мы уйдём, как осень моя уходит,
Только будет вечно сиять Москва.

Только будет вечно чужая осень,
Снова будут школьники цветы дарить.
Ничего у жизни мы уже не просим,
Можем только помнить — благодарить.

* * *

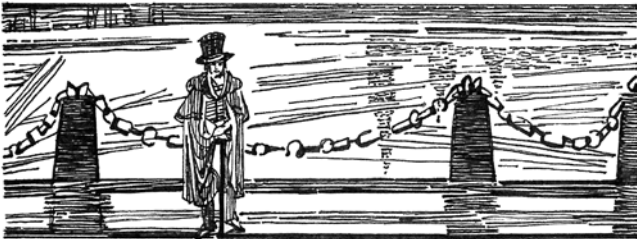
Москва, как Феникс, из пожара
Рождалась вновь не раз, не два.
Недаром огненного дара
Всегда была полна Москва.

Недаром Минин и Пожарский
На Красной площади всегда.
Москва в себе несла пожар свой,
И жгла кровавая звезда.

Горели жизни и страницы
(Хоть рукописи не горят),
Но книг бессмертных вереницы
На полках становились в ряд.

Закат — до белого каленья,
И бьют в набат колокола...
Очередное поколение
Сгореть готовится дотла.

Огнём земным или небесным
Москва в веках опалена?
Но круг становится ей тесным,
И отступает тьмы стена...

Из сокровищницы немецкой поэзии

ИЗ ГЁТЕ

Надежда

Труд ежедневный рук моих,
Создай же счастье совершенья,
Дай избежать изнеможенья,
Нет, звук мечты моей не стих:
Всё, что ростки сегодня рядом,
Я верю, завтра будет садом!

ИЗ ГЕЙНЕ

Я не знаю, что всё это значит,
Стал мой голос печален и тих,
Сердце вместе ликует и плачет,
В нём струною звенит старый стих.
Воздух холоден, день на закате,
Рядом тихо струится река,
Над горами сто солнечных пятен —
Прямо в вечность плывут облака.
На далёкой и гордой вершине
Там прекрасная фея живёт,
Взгляд, коснувшись, её не покинет,
Слух узнает, как чудно поёт.
Моряка в беспредельном просторе
Песня властно к себе позовёт,
Он не смотрит, что пенится море,
Судно прямо на рифы идёт.
Да, я знаю, конец мне известен:
Волны скроют и тлен впереди,
Остаётся нетленною песня,
Что тоскует и рвётся в груди.

ИЗ ШИЛЛЕРА

К музе

Как жить не знаю не любя,
Но вот что душу омрачает, —
Что в жизни многие тебя
Увы, не ведают, не знают.

ИЗ МАТТИАСА КЛАУДИУСА

Как часто вижу я в ночи,
Работой увлечён,
И всё вокруг меня молчит,
Звёзд полный небосклон.
Прекрасно светят звёзды всем,
Для всех в ночи горя,
Пред их великолепьем нем
И заморожен я.
Стремителен их дальний бег,
Из тьмы веков лучи,
В них бесконечность, человек,
Склоняйся и молчи.
Но сердце шлёт другой обет
Под царственным шатром:
Что ничего важнее нет
Тревог людей кругом.
Вновь постиженьем я объят,
Весь мир в душе моей,
Печаль и радость ищет взгляд,
И нет тоски сильней.

Люди манежа

Столетию советско-российского цирка посвящается

Справка: 26 августа 1919 года был подписан декрет «Об объединении театрального дела», согласно которому цирки России стали государственными. С тех пор именно эту дату принято считать днём рождения советско-российского цирка. А исконно-народный цирк существовал на Руси издревле. Жестокая и рискованная, часто унижительная и порицаемая властями, вызывающая восторг детей, смех и радость народа — романтика дорог. Надо шапку снять перед первопроходцами цирка.

Огромный путь прошел Цирк под разными личинами, пока не достиг технического и профессионального совершенства, не превратился в высокое искусство.

Мой отец, писатель Сергей Сергеевич Наровчатов, живший в молодости в коммуналке недалеко от цирка на Цветном бульваре, случайно познакомился со знаменитым клоуном Карандашом, разговорился с ним и одно время писал репризы. Это развлекало и выручало его из временных затруднений.

В моей жизни произошло несколько знаменательных и занимательных для меня, и очень значимых в моей судьбе, встреч с людьми Цирка. Дорогой мне друг поэт Николай Зиновьев, сын известного деятеля Цирка Николая Зиновьева, познакомил меня с артистом и режиссером Борисом Яновичем Брэслером. Он стал моим люби-

мым другом и сотрудником: перейдя из Цирка (закончив свою артистическую карьеру) в театр Зверей имени дедушки Дурова, уже в качестве режиссёра, он привлёк меня к написанию песен и стихов для театральных представлений. К нему очень тепло относился Ю. В. Никулин, к недолгому знакомству с которым меня привела своя, совершенно самостоятельная ситуация, о которой мне хочется рассказать. Связана она с моей дочерью Ксенией, которая тогда была ещё девочкой. Лет с трёх-четырёх, не умея читать, она, среди обычного разговора, выдавала необыкновенные фразы-афоризмы, слишком глубокие для её возраста. Иногда и забавные. Потом это стало напоминать белые стихи. Очень образные и своеобразные. Как многие родители, я их записывала, и собралась целая тетрадка. Как человек, связанный с литературной средой, я понимала, что это незаурядно. Но была очень далека от того, чтобы активно воздействовать на этот процесс или мечтать о её литературной судьбе. Мне это было лично интересно. Дело в том, что девочка нуждалась в серьёзном внимании со стороны врачей, что требовало от меня включения, прежде всего, в этом направлении. Долгое время она лечилась в школе-интернате для детей с тяжёлыми нарушениями осанки. Это требовало особого строгого режима, который позже, в домашней обстановке, тоже требовал постоянной дисциплины. Каждый день — лечебная гимнастика, учёба в положении лёжа, весьма несовершенное домашнее обучение, от этого — постепенное снижение зрения и т. д. Тем не менее, с её лет восьми-девяти, я попросила, по возможности, записывать свои стихи.

Дело решил случай. В одном разговоре с Дианой Тевекелян — отличным человеком и бывшей сотрудницей «Нового Мира», ещё — под руководством моего отца, я упомянула о «приватных» занятиях дочери. Она вдруг очень заинтересовалась и, будучи главным редактором издательства «Слово», представила на обсуждение маленькую, необычную книжку Ксении Наровчатовой. Конечно, я составила сборник с некоторым удивлением перед таким поворотом, о котором и мечтать не могла. Встал вопрос о предисловии. После некоторых прений, пришли к выводу, что это должен быть человек, хорошо и успешно работающий с детской аудиторией. Начали перечислять писателей, ни на ком не остановились.

А я, всё время пересматривая архив отца, вдруг вижу в его алфавитной книге (очень солидной и по виду, и по содержанию) имя: Ю. В. Никулин. Меня и осенило! Вот к кому обратиться-то надо! Обратилась по телефону из записной книжки. С первого и со второго раза не подошёл. Понятное дело: поклонников масса, мало ли кто прорвался, сначала надо объяснить близким его людям. Объяснила очень подробно. Встречено это было с большим сочувствием

и очень просто. Юрий Владимирович меня глубоко тронул сердечностью и готовностью вникнуть в эту детскую историю. Но выразил и сомнение. Сказал, что ведь никогда не писал ничего подобного, и что ведь это не будет предисловием литератора. И вообще, для начала, надо ведь ознакомиться с такой неожиданностью. Надо бы стихи прочитать! Разумеется, я сказала, что, если не придётся по душе, я это тоже пойму, но, если понравится — не будет ценнее хотя бы двух-трёх строк именно его — кумира прежде всего детей, от мала до велика, не знающих по малолетству, что он — больше, чем Клоун.

Юрий Владимирович пригласил нас с Ксюшей в цирк, к себе в кабинет, со стихами. Она была подростком. Приехали. Никулин сидел за столом в компании с попугаем. Мне понравилось, что при нас он не фиксировался на стихах и не предлагал Ксюше что-нибудь прочитать, как обычно поступают взрослые. Он просто взял их, отложил в сторону, после чего мы, молча и очень внимательно, стали смотреть на попугая. Попугай тоже молчал. Помолчав и, видимо, отнесясь к нам с пониманием, он стал делать физкультуру. Сильно оттянув одну лапку, он несколько секунд твёрдо стоял на другой. После чего, по жёрдочке, от одного конца клетки до другого, Жако, довольно ритмично и с большим старанием, продвигался. Продолав этот путь и остановившись, попугай опять мастерски оттягивал одну лапку, хорошо утвердившись на другой. После чего Никулин, очень сердечно глядя на попугая тихо произнес: «Это я его так отдрессировал». И только после всего этого, мы быстро и конкретно договорились созвониться после ознакомления его со стихами.

Довольно быстро я получила радостное известие о хорошем отзыве Юрия Владимировича. Теперь я общалась с ним каждый раз напрямую. Впечатление было, что я его знаю давным-давно, чуть ли, не по-домашнему. Он всё делал и говорил предельно искренно и просто, воспринял ситуацию так открыто, участливо, с желанием помочь. Называть меня он почти сразу стал «Оля», мне было чуть за 50, но с его стороны это было очень тепло и приятно.

Видно, его тронула судьба девочки и моё горячее стремление именно в нём увидеть помощника, полагаясь не только на хорошего человека, фронтовика, как и мой отец, но и на его чувство настоящего и нестандартного, что было в самовыражении моей дочери.

Интересно, что с моим отцом он был почти незнаком и даже сперва был озадачен. Позже оказалось, что их познакомили, видимо, бегло, на каком-то крупном общественном мероприятии. Следующий звонок Юрия Владимировича вверг меня в растерянность: он сообщил мне, что текст стихов куда-то делся, он где-то здесь, но потерян. После нескольких секунд молчания, Юрий Владимирович

сказал: «Но это ничего, я сейчас возьму карандаш, и вы мне всё продиктуете». Я почувствовала страшное неудобство, что я займу этим время и силы великого Артиста. Я спросила, не может ли это сделать кто-нибудь другой, он твёрдо сказал: «Нет, я сам потерял, сам и исправлю. Я очень люблю писать карандашом». Этот довод меня убедил. Мы приступили. Всё шло без малейшего сбоя и без лишних слов. И только раз Юрий Владимирович заметил, что именно, при неторопливом таком записывании, он ещё более проникает в содержание, что позволяет лучше оценить мысли и чувства ребёнка, выраженные в интересной форме. Я была просто потрясена. Главное, когда уже было написано предисловие, текст нашёлся.

Теперь приведу несколько поэтических миниатюр, чтобы дать какое-то представление об этой маленькой книжке. Называется она «Воробьиное сердце».

1. На открытке — гений,
Под открыткой — пыль.
2. Море прощается с рыбами,
Рыбаки уплывают вдаль.
3. Воробьиное сердце разбито:
Кормушка пуста.
4. Куст сломанный
Не скажет: «Больно».
Не скажет ничего,
А примет смерть спокойно.
5. Время, движенье, да и Вселенная!
Как странно всё это.
Кому посчастливится время увидеть?
А время увидеть — редкость!

Надо сказать, данное четверостишие Ксения написала в 8 лет. В сборник вошли стихи детства, раннего и среднего. Записывая их за ней, я, конечно, не помечала возраст. Но сама она иные даты помнит.

6. Облака чёрные от дыма,
Солнце светит очень тускло,
На войне солдаты гибнут,
А мальчишки жгут газеты.

7. Ударила врага
Я мыльным пузырём
По голове.

8. Луну я люблю яркую,
А солнце — без наглости.

И вот какое предисловие написал Юрий Владимирович Никулин:

«Живёт на свете девочка...»

Когда я прочитал в рукописном виде строчки, написанные Ксюшей Наровчатовой, то переспросил: «Я не понял, так сколько лет девочке?». А когда сказали, что четырнадцать лет, стал продолжать чтение с ещё большим вниманием и любопытством.

Я бы назвал все это маленькими поэмами, хотя некоторые из них умещаются в одной строчке. Сколько любви в каждой к природе, людям, живому на земле. Какие-нибудь критики, наверное, ещё напишут своим научным художественным языком об этом подробно... У меня нет таких слов, но скажу только одно: я окунулся в мир прекрасного, в мир доброты и интересных размышлений этой девочки-поэтессы. Нужно обладать особым талантом так взглянуть на мир и разбудить у читающих людей все запасы добрых чувств, что у них есть.

Прочитайте эту книгу обязательно до конца. Я прочитал её, и мне показалось, что я стал лучше, почувствовал, что душа моя посветлела...

Хочу закончить одной фразой: живет на свете девочка КСЮША. Как хорошо, что она есть!

23.09.94

Ю. Никулин

Я не решалась побеспокоить Юрия Владимировича, пока он сам не позвонил: «Оля, что же вы не забираете? — я давно написал».

Когда состоялась встреча, он сам прочитал мне с черновика — оригинал уже был в издательстве, куда я успела сообщить. К Юрию Владимировичу пришлось поехать одной. Мне захотелось поблагодарить Артиста в какой-нибудь оригинальной форме, достойной Цирка. Когда-то мой отец привёз из южной страны игрушку-сувенир. Это был дикарь-абориген, с разноцветными перьями на голове. Нос у него был, примерно, как у Буратино. Он стоял в решительной позе. В руке он держал тонкую трость и при этом улыбался. Он был

рад встрече и готов ко всему. Вот от его имени я и решила в стихах поблагодарить Ю. Никулина. От имени дикаря!

Ю. В. Никулину

Встречал на жизненном пути
Я много разных загогулин,
Но мне понравился Никулин,
И я решил к нему прийти.
Пусть у меня потешный нос
И так смешны цветные перья,
Но я хочу войти в доверье
И знать, что радость я принёс.
Я понимаю — некрасиво
Навязывать свой вид и стих,
Но я из племени «СПАСИБО»,
Я самый главный там у них!
Мой дух высок и сердце чисто,
Меня принять ты поспеши
За ум и за чутье Артиста
И за отзывчивость души.

Сначала Юрий Владимирович внимательно рассмотрел Дикаря и спросил: «Вы сами его сделали?» Я крайне удивилась такому предположению и рассказала о происхождении сувенира. Далее Ю. В. Никулин спросил, нравится ли он мне самой. Я ответила утвердительно, но добавила, что, пожалуй, заменила бы глаза-кнопки на глаза-пуговицы. Может быть, пуговицы было бы душевней. Хотя понятно, что он — Дикарь и излишняя душевность ему не пристала. И кнопки — правильней. Мне показалось, что Ю. В. Никулин как бы примеривается к этому Дикарю и это внимание открыло мне одну из сторон души прекрасного человека: кто бы не входил в его пространство, надо было составить полное впечатление, даже об игрушке.

Уходя, вручила стихи Дикаря. Ю. В. Никулин, прочитав их при мне, спросил: «Это вы сами написали?» Потом добавил: «Ну, а за мной 2 билета в Цирк». Так я увидела его в последний раз. И, к большому сожалению, не получилось пойти по его приглашению, из-за болезни.

Книжка же имела большой успех на Книжной Ярмарке, в одном из павильонов ВДНХ. Издательство «Слово» прекрасно представило её. Оформлял её известный художник В. Медведев.

Выступив в роли художественного редактора, он решил, что нарисовать, как может, должна сама Ксения. Он сделал ей честь и са-

молично приехал к нам в дом вместе с главным редактором и фотографом. То есть, буквально все проявили максимум чуткости, профессионализма и доброты. И память о них осталась в маленькой книжке.

Ещё одну неожиданную и яркую цирковую встречу, случившуюся в мой юности, я описала в коротком рассказе. Вот он.

Три розы от Енгибарова

Это воспоминание встаёт передо мной так ярко, как если бы это было вчера. Но, в то же время, это было так давно, что яркая эмоциональная память оказалась сильнее сухих цифр времени.

Будучи совсем юной девушкой, снявшейся к тому времени волей случая и собственных усилий в нескольких фильмах, я мечтала посвятить себя актёрскому труду на всю жизнь. Но, как часто свойственно этому пылкому возрасту, бросалась в крайности. И чем нелепее и забавнее — тем лучше. Однажды иду по Цветному бульвару. Сияющее лето. Вокруг действительно всё цветное: платья, цветы, афиши... Афиши? — Да! — На стороне Цирка бросаются в глаза громкие, прославленные имена. Значит, сезон ещё не закрылся? Или это ещё не снятые с прошлого месяца, или — реклама будущих представлений? Радостный, весёлый настрой мчит меня наперерез всему встречающемуся (лающему, ворчащему, тормозящему и звонко-вопящему) к Цветному и Манящему. Домчалась и с восторгом остолбенела: рядом с раскладом афиш — объявление. Оно настойчиво приглашает только юношей до определенного года рождения попробовать свои силы в конкурсных испытаниях на отделение клоунады. Как хорошо, вопреки всем условиям, условностям и непредвиденным реакциям, явиться, блистая неординарностью, конечно, пока ещё глубоко-скрытой, и посостязаться с этими мальчишками. Конечно, из этого на 99,9 процентов ничего не выйдет, ну и пусть! — Подышу запахом цирка, моего любимого

го цирка. Да ведь это — приключение! А потом — ведь актёрские данные у меня, говорят, есть, чем чёрт не шутит! Да может быть я — КЛОУН! Передо мной замаячил великий образ — «Клоунесса Ша-ю-као» — незабвенная картина великого художника, графа Анри-Мари-Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа! (Его творчеством занималась моя мама — искусствовед Н. И. Воркунова). Творческий тонкий ум моей матери и моя собственная душа уже говорили мне о том, что великая клоунада таит в себе не только весёлый смех, но и горечь, сарказм, усмешку в собственный адрес или в лицо Судьбы, умело подчас поданная средствами Цирка, она может потрясти зрителя. А у нас женщин-клоунов не было или почти не было тогда. Вдруг мне удастся открыть какую-то неожиданную страницу? Так что не только авантюрное настроение или тщеславие мной двигало, но и какое-то подобие великих замыслов... Правда, одновременно в моей голове зазвучала ироническая народная поговорка, любимая моей бабушкой: «Замыслы Наполеона — дела печника Агафона!» Но я быстро от этого отделалась. — Решено! Я иду! В назначенный день я явилась в Цирк. Всё бурлило. Настроение у меня было приподнятое, и атмосфера вокруг этому способствовала. Множество ловких, юрких, проворно-вдохновлённых юношей. Только юношей! Они жонглируют, разминаются, кувыркаются и стоят на головах. Сдержанно-напряжённый шумок: «Начинают?.. Ещё не скоро? Кто в комиссии? А ты здесь уже был раньше?» На меня, к счастью никто не обращает внимания. Меня уже притягивает ни с чем не сравнимый запах Цирка: пахнет лошадьми, наверно, опилками... Пробираюсь подальше, за какие-то портьеры, вижу рабочих (или учеников?) Цирка, сразу видно — они заняты энергичным делом. Возвращаюсь в фойе, сосредотачиваюсь. Подготовилась я соответственно программе, плюс к этому, на всякий случай подготовила придуманную мной пантомиму: жизнь женщины с пелёнок до смерти, рассчитано всего минуты на четыре. Если спросят, имею ли представление об этом изумительном жанре — покажу. Позднее я очень сожалела, что не пришлось её использовать.

Готовилась я с любовью и отдачей, и, судя по окружающим, они — тоже. Но самое главное, нелепое и существенное для моего повествования: со мной был НОЖ. Если бы меня спросили (и тогда, и теперь): «Для чего на экзамене нужен был нож?», я бы ответила: «Не знаю. Так. На всякий случай». Дело в том, что с некоторых пор, выходя из дому по вечерам, я брала его с собой с целью самозащиты. «Тебя же первую и убьют этим ножом, если действительно нападут», — говорила моя мама. Но мне нравилось думать, что в случае чего, я отобьюсь. Тем более, в моей памяти таился случай агрессии одного из поклонников, а вскоре один из друзей подарил мне этот

нож. Особенно меня поразило сообщение, что ручка этого ножа изготовлена из бомбодержателя. Не знаю, действительно ли это было так, или мой друг прихвастнул, но нож в моих глазах ещё более выиграл. Он был лёгкий, с острым лезвием, он серебрился и сверкал. Я его полюбила и почти каждый день завёртывала его в шелковый платок и укладывала в сумку. По форме и размеру он мало чем отличался от кухонного. Но необычная легкость и блистательность делала его особым. И на экзамен он явился вместе со мной. И от нечего делать я его вынула и стала осматривать и любовно поглаживать. И вдруг услышала неожиданный, очень любезный, но слегка требовательный, приятный мужской голос: «Подарите мне этот нож!» С величайшим изумлением я взглянула на незнакомца. Передо мной стоял молодой человек, как мне показалось, похожий на индуса, очень красивый, и, безусловно, очень привлекательный. Но меня возмутила его самонадеянность. «Не подарю» — отрезала я. «Почему?» — поинтересовался красавец, чуть вскинув голову. «Не хочу!» — сказала я. «А вы знаете, кто я? — спросил незнакомец, не повышая голоса, и очень тихо, но явно в расчете на эффект, сказал — «Я Енгибаров». И взглянул на меня сдержанно-победоносно. А надо сказать, что я тогда совершенно не представляла, кто такой Енгибаров. А если бы и знала, то в силу своего характера, ни за что не склонилась бы перед авторитетом имени: перед талантом я готова склониться, перед бесцеремонностью — нет. Я — привлекательная, юная девушка, передо мной стоит почти ровесник (он был, но не выглядел старше меня), и вдруг я ему что-то должна. И говорит вдобавок, что он — Енгибаров! «А я — Наровчатова», — радостно доложила я ему и ехидно завертела ножом перед его носом. Юноша не ожидал такого афронта. С неподдельным интересом он взглянул на меня попристальнее. Постоял, видимо, что-то во мне понял и миролюбиво, и просто, даже как-то по-товарищески, но не просительно, сказал: «Он нужен мне для работы». Тут уже я взглянула на него пристально. Я почувствовала правду в его словах. Теперь передо мной стоял другой человек: он не требовал и не просил, он поведал мне о своей нужде. Это было — другое дело. Но нож было жалко: я привыкла к нему, он был моим потенциальным защитником, а главное, ведь он был подарком моего друга. «Нет, не могу» — сказала я уже удручённо. «Почему?» — спросил Енгибаров, ожидая, видимо более веского довода, чем «не хочу». «Это подарок», — сказала я. Я была уверена, что теперь он уйдёт. Но он стоял и, видно, соображал, что бы такое ещё сделать, что подействовало бы уже безотказно. И нашёл. То чего не добился просто юноша, добился артист. Интуиция точно подсказала ему, что делать. Пленительным, артистичным жестом он протянул руку к ножу: «Дайте на минуту. Я вам его верну», — ска-

зал он. Я, конечно, дала. И тут же была восхищена: нож засверкал, замелькал в руках, над головой, за спиной, под ногами Енгибарова; он жонглировал одним ножом, а казалось — ножей — десятки! Но как изящно, талантливо, во мне сразу отозвалось всё мое артистическое и эстетическое чувство. Я была растрогана и очарована. «Ладно, берите», — сказала я. Хотя, честно признаюсь, нож мне было ещё немножко жаль. Он был всё же очень дорог мне и очень красив, но я поняла, какой передо мной артист. Я смотрела не только на нож, я смотрела в его глаза, на его гибкие, молниеносные движения, меня захватил этот фейерверк вдохновения. И ведь вся эта сцена уложилась буквально в две минуты. Я тогда удивилась бы, если узнала, что она столь глубоко и детально войдет в мою память. Видимо такова была сила личности Леонида Енгибарова.

А потом грянули экзамены, и начали выкрикивать фамилии. Я стала внутренне собираться. Енгибаров, почувствовав это, отошёл. Я думала, он не вернётся. Но через некоторое время он опять подошел и спросил, что я хочу предложить комиссии. Его совершенно не удивило, что я мечу в клоунессы, вопреки традиции и объявленным условиям. Я назвала ему свой «репертуар» и тут же выявилась благородная и благодарная сущность Леонида Енгибарова. «Давайте пойдём со мной, и я поставлю вам пантомиму», — сказал он. Я стала наотрез отказываться. «Почему? Вы увидите, я так поставлю, что они вас примут», — уверял он. И я отказалась. «У меня есть лично моя пантомима», — сказала я. Я видела, что он раздосадован и недоумеваает на моё упрямство. Но во мне говорило другое, и, наверное, он понял, что меня не переубедить. И события повернулись так, что показ был по запланированной схеме, и ни до какой пантомимы дело просто не дошло. Хотя теперь я думаю: предложи я сразу именно пантомиму, может быть, мне и пошли бы навстречу. Но абитуриенты должны были начать с чтения отрывка, басни, а затем экзаменаторы предлагали чисто цирковое задание сами. Так вышло и со мной. До сих пор удивляюсь, как меня не отправили сразу домой, увидев перед собой девичью фамилию.

А цирковое задание было такое: бежать по арене и всё время падать, неизвестно отчего. Я решила просто всё время спотыкаться, а потом уж и падать. Была я тогда гибкая и худенькая, но почему-то бежала и падала как-то тяжеломерно, и, как мне показалось, не смешно. Короче говоря, не открыла я новой страницы в истории мирового цирка! С ослепительно сияющей арены я вышла в спокойную темноту уже полупустого фойе и направилась, было, к выходу, как вдруг услышала за собой какое-то движение и шёпот. Я оглянулась — и опять увидела Енгибарова. «Идите сюда, идите сюда», — тихо звал он и манил за собой пальцем. Я пошла за ним по

окружности, за какие-то портьеры... Он пригласил меня в артистическую — уютно расположенную комнату с зеркалами и афишами. Я остановилась недалеко от входа, а он подошёл к своему столику, на котором в вазе стоял букет роз, вынул из него три розы и протянул мне их с улыбкой, в которой я прочитала лёгкую грусть, сочувствие и благодарность. Я молча взяла их и ответила ему улыбкой.

С тех пор я видела Леонида Енгибарова в его поразительных пантомимах, я читала книги о нём, я почувствовала весь масштаб его дарования. Но до сих пор у меня перед глазами стоит короткое и такое искромётное выступление передо мной в фойе цирка.

А когда я рассказала эту историю своему другу — замечательному поэту Николаю Зиновьеву, он выслушал и посоветовал: «И назови это «Три розы от Енгибарова». Что я и делаю, впервые в жизни поступаю самостоятельно.

И, в заключение, хочу привести своё стихотворение, посвящённое всем труженикам Цирка:

Хоть и замкнутый круг на арене,
Но его расширяете вы:
С золотыми усами тюлени
И с лохматыми гривами львы,

И, когда-то свободные, кони —
Вы танцуете в ярких огнях
И склоняетесь в низком поклоне
Перед публикой в тесных рядах.

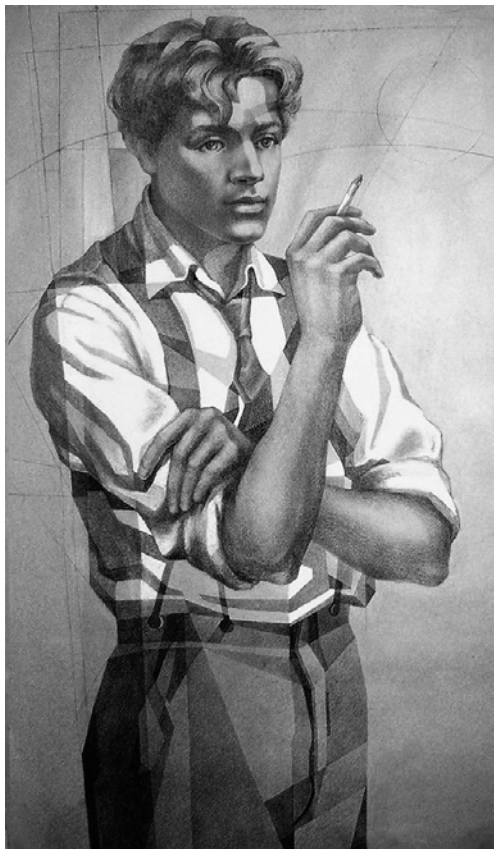
Ну, а главное, — люди манежа,
Чудотворцы — кого не возьми,
Потому что, не в цирке, то где же,
Мы становимся снова детьми.

Путь Петрушки, потешника дудка,
Игры клоуна очень важны,
Потому, что улыбка и шутка
Человечеству вечно нужны.

5 октября 2019 года

ГРАФИКА
Алексей Кебадзе

«Есенин»

«Невермор» (по Эдгару По)

Дождичка божья манна

Дождичка Божья манна
Благостна и туманна,
Падает на лесок
Жизни чистейший сок.
В дымке речных излук
Солнцем курится луг...
Кто там белеет, кто там
Льнет к серебристым сотам?..
По полю прямиком
Бог идет босиком...

* * *

Новорожденный дождичек
Предъявляет права,
Из серебряных ложечек
Пьют листва и трава.
Выбегают из логова
Детвора и зверьё!..
Всё, конечно же, Богово! —
А точнее — моё!..

* * *

Утро — солнечным венчиком —
В дождевом парике.
Дева с младенчиком
Идёт по реке.
По задумке художника —
Сквозь радугу лет —
Золочёного дождика
Серебряный след.
Словно трепет бубенчика
Под Господней рукой
Лепет младенчика
Парит над рекой.

* * *

Полдень, побудку играя,
Поле стрижами стрижет,
Демонов белая стая
Радужный мир стережет.
Шёл я забытой дорогой,
Видел Тебя впереди.
Сердца больного не трогай,
Разума не бери.
Что это — в синей Отчизне? —
Облаки или Кижы?
Кто это плачет по жизни? —
Демоны или стрижи?

* * *

Умолк вечерний птичий гам,
Вечерний птичий гам...
А Бог проходит по лугам,
Проходит по лугам...
Луга в туманной синеве,
В туманной синеве...
А Бог скрывается в траве,
Скрывается в траве...

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Дюдмила Осокина

Цветы и бабочки

* * *

Гуляю я с берёзками по лугу...
Рябинку обниму — свою подругу,
С ней пошепчусь и поделюсь секретом...
Как хорошо бродить по лугу летом!
Смотреть на солнце в радости слепящей,
И на траве прикидываться спящей...

* * *

Цветы и бабочки порхают на лугу,
Меня пленительным чаруя ароматом...
И я бегу по ним, бегу по ним, бегу
Куда-то вдаль, куда-то вдаль, куда-то...
Они зовут меня в волшебную страну,
Они манят меня, как грёзы, как виденья,
И в этой сказке я, как в детстве, утону,
И испытаю снова чудные мгновенья...
Цветы и бабочки — беспечный мир цветной!
Он весь в лучах полуденного света...
Цветы и бабочки порхают надо мной
Как в яркий день распахнутого лета!

* * *

О как высоки были те разливные луга!
Они удивлённо глазами ромашек смотрели!
А в небе дрожала полднего солнца дуга,
И сыпал кузнечик в траву свои дикие трели.
Я падала в солнце, в цветы, в синеву, в высоту!
Вбирала слепой и настойчивый вкус аромата!
А солнце смеялось, свою осознав доброту,
Плескалась над лугом река раскалённого злата!
Крадущийся сумрак входил и ложился на луг
И луг затихал, замирал в первобытной печали...
Тишайшей прохладой земля укрывалась вокруг,
И звуки заката всё глуше и глуше звучали.

* * *

Бабочки летают,
Крыльями машут
Ах, по лугу!
Ароматы навевают,
Сон, тепло, покой...

Тёмно-синее

* * *

Спустились звёзды
С небес на землю,
Остались цветами
Тёмными, синими.

* * *

Падал снег
Тёмный-тёмный,
Синий-синий...
Кругом всё тёмное-тёмное,
Синее-синее...
Снег... снег...

* * *

А улочки тёмные
С закоулочками...
А улочки синие с переулочками...
Там синее всё,
И тёмное всё,
И синее всё...

* * *

Упал на землю
Синий снег
А земля стала голубой...
И светится, светится, светится,
Прозрачная вся
От синего, синего снега...

* * *

Звёзды по улочкам разбежались,
Светло стало на улочках тёмных...
Замерцали улочки звёздным светом,
Засияли в ночи...

* * *

А вот и я! —
Ни тёмная, ни светлая...
Какая же?
Не знаю...
А вот и я! —
Такая вот,
Какая есть!

сентябрь 2019 г.

* * *

По опешившему льду,
По тоске ночной
Хлещет ветер. Я иду.
— Звёзды надо мной!

Зла мороза не унять,
Рвут ботинки рвы,
— Не намерена склонять
Светлой головы.

Я попутчиков ищу
Для больших чудес,
А метель я укрошу,
Заколдую лес.

Даже ветер бы утих,
Вихрь остолбенел,
Если б спутников моих
Голос мне звенел!

Посажу для них цветы,
Выращу траву,
Из небесной высоты
Солнце призову.

Знаю: в солнечные дни
Веселей идти.
Я их вижу — вот они —
Те, кто по пути.

* * *

Средь волн сердитых, рослых
Спокойствие храня
Сидит рассвет на веслах
И смотрит на меня.

Рассвет! — Я недотрога —
Раздольем не мани!
— В моей душе тревога
За будущие дни.

Рассвет расхохотался,
Зарёй меня покрыл:
«Я тех всегда боялся,
Кто робок и бескрыл.

К тебе, весёлый, выйду —
Попробуй не ответь!
Тебе ли панихиду
В такое утро петь.

Где твой весёлый разум,
Его терять грешно,
Мы оба синеглазы,
Так будем заодно —

Плясать в приморском гуле,
Пока душа жива!»
— Мне сердце захлестнули
Рассветные слова.

Теперь бы только пела,
Земля лежит у ног.
И нет мне больше дела
До призрачных тревог.

ПИТЕР — 17 (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Бесстрастен чёрный Летний сад,
дощатых ящиков хранитель.
Их недра — хрупкая обитель
привыкших тешить праздный взгляд...

«Лебяжья»! Кто их тут видал?!
Гранит хранит от влаги сушу.
Ну, да — название греет душу.
Была канавка — стал канал...

О, Императорский дворец!
Могу дотронуться рукою!
Но, нет! Я не беспокою
барокко русского венец!..

Мячи покатывают львы:
— Что, может спрыгнуть с парашюта? —
и, ухмыляясь, ждут ответа
у неприветливой Невы.

Потом, как только ветер стих,
сыграть позвали сфинксов в поло.
Но тех знобило и кололо
внутри от сырости у них.

Они, покинув пьедестал,
вдруг стали медлить отчего-то.
И мяч в ростральные ворота
с другого берега влетал...

О свежевыстроганный борт
стучит топориком Царь-плотник.
В итоге он не просто ботик
срубил, а весь Российский флот!..

А здесь чего-то не хвата...
Мой Бог! Куда атланты делись?!
— Они замёрзли и оделись.
Взгляни, какая красота:

пошли на площадь погулять!
А там!.. Там Ангел на колонне!
В его торжественном наклоне —
благословенья благодать.

Её привычно принимал
любой, без трепета волненья.
И ужас предостереженья
никто увидеть не желал.

Взгляни-ка Ангелу в глаза:
в очах пылают боль, тревога.
Вопит: — В себе узрите Бога! —
И тычет пальцем в небеса.
Но людям очи не видны...
Как жернов, площадь век за веком
всё мелет судьбы человеков.
Печёт история блины!

И уронил главу на грудь
в великой скорби Вестник божий:
«На чьи подобию похожи
они?! Найдут ли верный путь?!» ...

... Утрачен письменный прибор —
одна чернильница осталась.
Всего одна, какая малость!
Одна — Исаакиевский собор!

Массивный, гордый — он легко
имперский дух собой являет.
И снисходительно кивает
в ответ на шалости Фуко...

А там играет Медный Конь.
Его седок, Змее на горе,
ногою твёрдой встал при море,
возжёт над рострами огонь...

Мосты сомкнуты: не сезон.
Их створки, серы и безлики,
угрюмо солнечные блики
хранят до будущих времён...

... Снег одиночества сечёт
лицо. И быстро вечереет.
Ну, что же, Невский и согреет,
и напоит, и развлечёт...

О, Питер! В сердце сберегу
твой образ, строгий и изящный.
Ты приглашай меня почаще.
И не останусь я в долгу!

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Евгения Славороссова

Испанское каприччио

Эссе

Однажды я была приглашена на презентацию книги «Испанские мотивы в русской поэзии XX века» в ЦДЛ. Звучала гитарная музыка, танцовщица испанка исполняла фламенко. Читались доклады о книге. Меня тоже попросили выступить.

Испанская тема давно занимала моё воображение. Страны, как и люди, чувствуют влечение друг к другу и отталкивание. Наверное, самую романтическую, но и самую страстную и мучительную любовь Россия испытывает к Испании.

Переводчики-испанисты, присутствующие на вечере, иронизировали по поводу русской «испанщины» (Это явление блестяще пародирует Козьма Прутков в «Желании стать испанцем!»). Подчёркивали, что очень долгое время Испания была тюрьмой, с жёсткими запретами.

Но русские литераторы создали свою «воображаемую Испанию», свою «небесную Испанию»! Испания — наша легенда, наша мечта. Трудно найти поэта, душу которого не затронули бы «испанские мотивы»! Это благородство и романтизм, любовь и свобода...

Любовь к Испании была и у поэтов пушкинской поры, и у поэтов Серебряного века, и у поэтов эмиграции, и у советских поэтов и у поэтов нынешних.

В «Гренаде» Михаила Светлова уже есть предчувствие гражданской войны в Испании, Николай Заболоцкий писал о «Небесной Севилье» и о «Болеро» Равеля (испанца по матери), а Иван Елагин рассказывал о своей мистической связи с Толедо.

Мне довелось видеть в Москве невероятную картину Эль Греко «Вид Толедо», напоминающую пост-атомный апокалипсис.

Испанские архетипы глубоко вошли в русскую культуру, но обогатились здесь новым эмоциональным и смысловым содержанием.

Дон-Кихот, роман о котором трактовался, как пародия на рыцарские романы, стал нашим национальным героем. Никому он не близок так, как нам. Его имя стало нарицательным, синонимом бескорыстия, благородства, беззаветного самопожертвования, пусть даже непонятого и не оценённого, возникло понятие «донкихотствовать». Потомки «рыцаря печального образа» — и пушкин-

ский «рыцарь бедный», и князь Мышкин, и истинные русские интеллигенты.

А как волнует цыганка Кармен, созданная французом Мериме! От героинь Достоевского к Анфисе Шишкова, Аксинье Шолохова и к «странным женщинам» современности движется эта неукротимая, страстная и свободная душа.

А Дон-Жуан? Русский Дон-Жуан особенный — это не циник и сластолюбец, а живой, мятущийся человек, тоскующий об идеале и готовый отдать за него жизнь. И почти каждый русский поэт, начиная с Пушкина, примеряет его романтический плащ на себя. А Цветаева описала встречу с Дон-Жуаном в морозной зимней России.

Потрясающая литературная мистификация — явление «испанской поэтессы» Черубины де Габриа (с итальянским именем, французской фамилией и шармом). Эта рискованная литературная игра, придуманная Максом Волошиным, довела его до дуэли с Гумилёвым и сломала судьбу талантливой Елизаветы Дмитриевой, которая пряталась под бархатной маской таинственной инфанты.

Неугасающую скорбь в нашей стране вызвала трагическая судьба расстрелянного фашистами поэта Федерико Гарсиа Лорки, ставшего символом замученной поэзии. Многие советские поэты создали стихи, посвящённые его жизни и гибели. Здесь не последнюю роль сыграли изумительные переводы Цветаевой и других прекрасных переводчиков. А вот не менее значительного поэта Мигеля Эрнандеса, погибшего в фашистских застенках, у нас, к сожалению, почти не знают.

Переводчики рассказывали, что испанцы удивляются и не верят в горячую любовь русских к испанской культуре. Россия кажется им слишком далёкой, слишком холодной, слишком непонятной. Когда им говорили о необыкновенном порыве сочувствия во время их гражданской войны, о том, как тепло принимали испанских детей, они отвечали, что бежали из Испании только «сталинские шпионы». А ведь эти дети нашли у нас вторую родину, обрели своё призвание. Рубен Ибаррури, защищая её, погиб на войне. Легендарный режиссёр, актёр, писатель, переводчик Анхель Гутьеррес в шестилетнем возрасте был привезён в Советский Союз. Здесь он воспитывался в детском доме для испанских детей, учился музыке и рисованию. Окончил режиссёрский факультет ГИТИСа (с ним вместе училась моя мама!). Поставил множество спектаклей, был очарован Чеховым. Снялся в знаменитых фильмах «Салют, Мария!», «Зеркало», «Плохой хороший человек» и других. Дружил с выдающимися деятелями искусства. Близкими друзьями его были Андрей Тарковский, Юрий Любимов, Владимир Высоцкий, Глеб Панфилов, переводчик

Анатолий Гелескул. Получил высокие награды и титул «Благородного идадьго испанской и российской сцены за талантливое прочтение А. П. Чехова». (Он и внешне настоящий идадьго!). Вернувшись в Испанию, создал мадридский камерный театр им. А. П. Чехова, участвует в различных русско-испанских проектах. Недавно опубликованы его интереснейшие дневники.

Великий хоккеист Валерий Харламов был сыном испанки из этих спасённых детей.

Любовь к Испании не иссякает в русской душе. Мы влюбляемся в архитектуру Антонио Гауди, восхищаемся голосами Пласидо Доминго и Монсерат Кабалье, слушаем гитариста виртуоза Пако де Лусия, смотрим испанское кино.

Виктория Жданова родилась в Ленинграде в 1977 году. Окончила Московский Финансово-Правовой институт. Писать стихи начала ещё в школе. Печаталась в литературных альманахах и журналах, в том числе «Окно», «Аврора», «Голоса Петербурга».

Автор-исполнитель, участник многих поэтических, антивоенных фестивалей и благотворительных акций. На её стихи несколькими композиторами написаны песни. Руководитель творческого сообщества «Другая среда».

Вдвоём с волною

Жду набежавшую волну —
Пробиться в твердь камней прибрежных.
Пью воздух с привкусом надежды
И остро чувствую вину
За несудьбу, за нелюбовь,
За ненадёжную дорогу,
За птицу счастья-недотрогу,
Что в руки не даётся вновь.
И за счастливые глаза —
В них счастье светится иное —
Мне хорошо вдвоём с волною.
Пусть ветром выбита слеза
И спрятана в осколках вод,
В лицо плеснувших шум прибоя...
Учусь у волн искусству боя,
А у камней — держать оплот.

Отчуждение

Холодно солнцу в текучей воде.
Ветер и время похожи, как братья.
Сердце в истерике — это к беде,
Словно спасенье, ложится проклятье
Отчуждения.
Солнце сложилось из битых зеркал,
Где ни пойдёшь — пролегает граница,
Чью бы ты сторону ни занимал,
В душу упавший кусочек хранится
Отчуждения...

* * *

Сидя на тёплых камнях парапета,
Глядя на тёмные воды канала,
Думала я: «Мне ведь этого мало,
Лучшая песня ещё не пропета».
Ветер в порыве обнимет за плечи,
Вскользь угостив ощущением братства.
Следовать выбору кажется легче,
Чая вернуться, без права остаться.

Вьюга

По царству запертых дверей,
Из заколдованного круга,
В неверном свете фонарей
Меня искрящаяся вьюга

Несла на сотни «может быть»,
Навстречу тысячам «возможно»,
Следов оборванную нить
От взглядов пряча осторожно.

Отринув «но», развеяв «вдруг»,
Закрыв глаза на все границы,
Мой лучший враг, мой злейший друг,
Стелила чистые страницы.

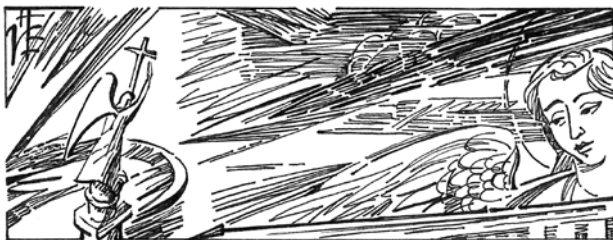
В лицо швырнув колючий смех,
Толкала в спину в пропасть рая,
Не за меня, не против всех —
Судьбой нагаданной играя...

БЫТЬ СТРАННИКОМ

То, что рождалось быть смыслом и сутью,
Вдруг и кнутом обернулось, и пряником.
Страх угощает распутством распутья.
Странное дело — беспутным быть странником.
Нет холодней пепелища забытого —
Болью отравлено, сном припорошено.
Временем выдует пепел прожитого,
Нет здесь плохого — не будет хорошего.

* * *

У неба Питера холодные глаза
И нрав суровый северного бога,
Который судит праведно и строго.
Закатным заревом рисуя образа,
За горизонтом притаюсь убого,
Вновь солнце утром встанет у порога.
И снова взвесив «против» все, и «за»,
Но не найдя желанного итога,
Увижу в монолите монолога —
У неба Питера холодные глаза...

* * *

Напоминает мне о снеге
платок пушистый на плечах,
и о гаданье при свечах,
и о коней ретивом беге,
напоминает мне о вьюге,
о звонкой, рвущейся струне,
о Пушкине, о старине
и о любимом новом друге.

Всё просто

Так трогателен маленький ребёнок —
С игрушками он искренен с пелёнок.
Даюсь я диву — вере малыша,
Как будто в тех игрушках есть душа.
У взрослых нет чудес. У них всё просто.
Наивность отошла по мере роста.
Про душу забывает прохиндей —
Нет веры ни в игрушки, ни в людей.

Первыми не отпускайте

Нежно дочурка прижалась вдруг —
Ласки потребовала душа.
Я, сохраняя объятий круг,
На руки взял её, не дыша.
Стану держать из последних сил.
Время застыло и не течёт.
Если ребёнок любви просил,
Всё остальное уже не в счёт.
Пусть нелегко моему плечу,
Это родительская стезя.
Сам никогда я не отпущу...
Первыми их отпускать нельзя.

Радость

Щетиной ничуть не тревожу
Нежнейшую доченьки кожу.
Нет в жизни занятий приятней,
Чем пяточки поцеловать ей.
Потискаю малость, и хватит,
Несу на руках до кровати.
Мне радостно: доченька рада.
Объятия эти — награда.
Не видел картины чудесней.
Сопение кажется песней.
Спит доченька в мягких игрушках.
И дождиком пахнет макушка...

ОТСВЕТ ЛЮБВИ

Фридерик Шопен

Один из любимых моих композиторов Фридерик Шопен врачевал мою душу. Слушая музыку Шопена, ко мне приходили стихи.

Когда цветут подсолнухи
И спеют арбузы
И пахнет рыбой
И водорослями
Город просыпается
От песен
Маленького скрипача

Фридерик Шопен — Гений фортепиано. В репертуаре композитора ни одной симфонии, оперы — вальсы, мазурки, полонезы.

Музыкально-поэтическую чуткость, внутреннюю разъятость, свойственные Гению, отмечали Войцех Живный и Юзеф Эльснер, первые учителя Фридерика.

Композитор-романтик, основатель польской пианистической школы Фридерик Шопен путешествовал с концертами по Европе. В России игра Шопена понравилась императору Александру I, и он подарил музыканту бриллиантовый перстень.

На пути в Париж Шопен узнаёт о подавлении польского восстания и пишет цикл этюдов, знаменитый революционный этюд.

Творческий взлёт композитора — это Париж. В Париже Шопен создаёт первые музыкальные концерты; знакомится с Ференцем Листом, Бальзаком, Генрихом Гейне, Делакура. Под впечатлением

от поэзии Адама Мицкевича Шопен пишет баллады, посвящённые Польше.

Вальс Шопена — ответ любви, светлая грусть. Мазурка Шопена — лирическое стихотворение, народный танец. Ноктюрн (ночная песнь) Шопена — трагическое переживание. Прелюдии Шопена (цикл из 24-х прелюдий) написаны в форме музыкального дневника.

Осенью 1835 года Шопен вместе с Феликсом Мендельсоном приезжают в Лейпциг и знакомятся с композитором Робертом Шуманом, творческий путь которого завершился трагически.

Баронесса Аврора Дюдеван, известная всему Парижу, издавала романы под именем Жорж Санд. Обладавшая властным мужским характером, она подчиняла себе мечтательного Шопена.

О жестоком законе бунта, столь же священном, как и закон любви, писал Ромен Роллан в «Очарованной Душе»: «Отвращение будет следовать за самыми страстными порывами любви, и страстные порывы за самым глубоким отвращением»...

Но в тот период жизни на острове Майорка в монастыре Вальдемоса любовь к обречённому Шопену покидала Жорж Санд.

Музыка
Рождает стихи
Травы
Ручьи
Слушают музыку
Ветры сбивают
Капли дождя
С одиноких деревьев

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Владимир Пустовитовский

Вальс дождя

Оленьке

1

Вальс осеннего дождя
На наших зонтиках открытых,
На мостовой, где ты и я
Идём, одною грустью слиты.
По улице, за поворот
Свернёт он, не переставая.
И там ещё сильнее польёт,
Но то история другая.
Хотел он другом нашим быть,
Но мы в друзья не принимаем.
И дождик продолжает лить,
Октябрь спутав с тёплым маем.

2

А дождь идёт, идёт, идёт
Недели, месяцы. В тот год
Однообразное звучанье
Не обещало окончанье.
Висели капли, как серёжки,
На ветке. Нас босые ножки
Несли по лужам тротуара,
Служила зонтиком гитара...
Я этой осени потери
Дождями проливными мерил,
И время, близкое испугу,
Неслось за нами и по кругу.
Как потерявший племя вождь,
Нам мстил, преследуя нас, дождь.
Я помню этот эпизод,
А дождь, он до сих пор идёт.

3

Осенний вечер удивлённо
Глядит на ствол и листья клёна,
На лужи в круглых пузырях,
И, потеряв последний страх,
В заполненном водой овраге
Плывёт кораблик из бумаги.
А дождь идёт. Тебя до нитки
Он вымочил и у калитки
Стихи читает, как молитву,
И ветер тусклою палитрой
Рисует на сыром окошке
Сквозь дождевые струйки кошку,
Изящный чёрный силуэт,
Настольной лампы тусклый свет,
И вальс дождя, он за окном,
Он к нам войти желает в дом.

4

Сбегает дождик по ромашке,
По волосам и по рубашке.
Дождинки осени летят
На белый свадебный наряд.
Чей вы исполнили каприз,
Из чёрных туч бросаясь вниз?
И у невесты босоножки
Слетают с тонкой стройной ножки.
А дождик падает на плечи,
Его величьем парк просвечен.
И двое на одной скамейке
Сидят. Их мочит, как из лейки.
На них с дождём сошло сегодня
Благословение Господне.
Сухого места в мире нет,
Но есть в осенний дождь билет.

5

Сквозь пальцы, сквозь мои ладони
Проходит тёплый дождь. Слова,
Сорвавшись, как шальные кони,
Летят, и кругом голова.
Слов бесконечные излучи
Постичь, пытаюсь, не могу,
И, широко раскинув руки,
Лежу на скошенном лугу.
Как будто мокрую тряпицу,
На небе выжимает Бог.
И дождь идёт, идёт, струится
Над перепутьем всех дорог.
И, вальс дождя благословляя,
Мелькает тень любви в окне,
Но то история другая,
Её рассказывать не мне.

6

Весенний дождь дарю тебе,
Летящий на руки, на плечи.
Он по дворам, как по судьбе,
Прошёл, мой главный человек!
Его ты звёздам подари,
Не растеряв и малой капли.
А в переулках фонари
Стоят, как вымокшие цапли.
Ветра по листьям тополей
Летят, как пальцы пианиста,
И делят звук на сто долей
Легко-легко и чисто-чисто.
И разбегаются круги
На речке и по звонким лужам.
О, вальс дождя, побереги
Тепло своих изящных кружев.

Мост над шумным водопадом,
А с небес слетает дождь.
Он открыт, но не разгадан,
Он на свет в окне похож.
Дождь на ягодах рябины,
И в кармане тоже он.
Шёл я смертною долиной,
Слыша долгих ливней звон.
А сейчас весёлый, шалый,
Что-то хочет объяснить.
Разгадать его? Пожалуй,
Этих тонких струек нить.
Я вошёл в него, как входят,
Скинув шапку, в Божий храм.
Имя звонкое Володя,
Не скупясь, дождю отдам.
Понесёт он имя это
По дорогам в дальний край.
Он расскажет всему свету,
Что моя земля не Рай.
Что отдушина бродяге
Этот поздний вальс с дождём.
Так, достав клочок бумаги,
Я пишу карандашом.

24.09.19.

Этим летом я ездила на свою малую родину, на Алтай. Была там целый месяц, в том числе и в столице края — городе Барнауле. Сходила на несколько литературных мероприятий в Алтайскую краевую библиотеку им. В. Шишкова. Познакомилась с замечательными поэтами алтайскими, и, как член редсовета «Истоков», предложила им опубликоваться в нашем альманахе.

Людмила Осокина

Юлия Анатольевна Нифонтова родилась (21.01.1968) в городе Барнауле. Член Союза писателей России с 2007 года.

Произведения Юлии Нифонтовой печатались в литературно-художественных журналах «Алтай», «Русское эхо» (Самара), «Луч» (Ижевск), «Балтика» (Калининград), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Север» (Петрозаводск), «Московский вестник», «Наш Современник» (Москва), и др. Лауреат VIII Артиады народов России в лиге мастеров (Москва, 2006). В 2007 году завоевала премию имени А. С. Пушкина. Лауреат литературных премий: им. А. П. Соболева, им. В. В. Бианки (2011), литературной премии Сбербанка России «Золотое перо» (2012), премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества (2014). В 2016 году была награждена медалью оргкомитета по проведению Года литературы в России. Награждена медалью Николая Рубцова (Вологда, 2018. Региональная общественная организация «Вологодский Союз писателей-краеведов»), Святителя Макария (Барнаульская Епархия, 2019).

Автор 9-ти книг: «Провода гудящих строчек» (2006), «Шиза. История одной клички» (2009), «Осколки Матриархата» (2010), «Предчувствие» (2011), «Не хочу в Нормандию!» (2012), «Шиза в квадрате» (2013), «Мама, это не та больница!» (2016), «12 самых страшных тайн» (Канада, 2016), «Ермошка Добродей и волшебные часы» (2017), «Женские мистерики» (2018).

Степь

Стонет старый крест дорожный.
Стелит в поле суховой
И колышет осторожно
Волосинки ковылей.

Ширь да гладь, куда ни глянешь
Лишь стрекочет саранча.
Выгорел и выцвел глянец
Неба на моих плечах.

Степь течёт и, разливаясь,
Жарким маревом дыша, —
Вызревает, вызревает
Бесконечная Душа...

Париж

Увидеть Париж и умереть!..

– Bonjour! Bonjour! Comment ça va?¹
Четыре поцелуя.
Безостановочно слова
Журчат, и в них тону я.

А здесь шампанское с утра,
И кофе даже на ночь,
И жизнь — не жизнь, а лишь игра.
Упёртый русский завуч —

Я здесь чужая. Я не я.
В щеках, как после пыток,
Под кожей ползает змея
От деланных улыбок.

А здесь отсутствует час пик,
В автобусах — свобода.
Париж похож на Мозамбик
От чёрного народа.

¹Добрый день! Добрый день! Как дела? (*франц.*)

А здесь никак не разобрать,
Когда зима и лето.
Поверь, не стоит умирать,
Увидев город этот.

Улочки детства

Тёплый ветер вдоль Зелёной Рощи¹,
От Меланжевой¹ до Обводной¹
Простыни крахмальные полощет
И вздымает к небу по одной.

По дорожкам, утонувшим в травах,
Стелит ароматные дымы.
Воробьёв весёлые оравы
Разгоняют утренние сны.

На ветвях беременные почки
Скоро к небу вскинут паруса.
Помню здесь все рытвины, все кочки,
Узнаю собак по голосам.

По ночам тут слышен стук колёсный,
Поездов тревожные гудки —
К нам спешат страстей грядущих вёсны,
Жизнь со смертью наперегонки...

* * *

Говорила бабушка, старость праздная:
«Я ещё тудыличи в могу́те была!²»
Трудовые, праздные, будни разные,
Чередую праздников кабала.

И недавно вроде бы было детство,
Близко-близко лужи, земля, трава.
Быстро-быстро бьётся комочек сердца.
Жизнь уже случилась,
сбылась,
была...

¹ Название улиц одного из старых кварталов г. Барнаула

² Я ещё тудыличи в могу́те была! — Когда я была в силе (*устар.*)

* * *

Я систему твою разгадала,
Я постигла нюансы игры,
Оттого меня любят так мало,
Что язык мой, как жало иглы.

Самым верным всегда изменяют,
Самых умных дурачат и бьют.
Нас меняют, меняют, меняют
И посмертно дипломы дают.

В этой трудной пожизненной школе
Я экзамен сдаю выпускной,
Оттого среди грязи и боли
Моё тихое счастье со мной.

Я его заплетаю в косичку,
Умываю его по утрам,
Я его отпускаю, как птичку,
Я его никому не отдам.

Родилась в г. Людиново Калужской области. После окончания Алтайского политехнического института (АПИ) работала на предприятиях Барнаула. В данный момент на пенсии.

Автор шести поэтических книг и двух сборников фантастических рассказов. Печаталась в коллективных изданиях и в лит. журналах Алтая. Лауреат Малой Пушкинской премии. Руководитель студенческой лит. студии АлтГТУ. Член СП России с марта 2016 года.

Осенние стихи

Лист осиновый — чёрную метку осени
ветер северный прямо под ноги бросил
и приговором впечатал в озябшее прошлое —
в жёлтый прах листопада и в снежное крошево.
Собираю и прячу всё то, что не вызрело,
полиняло и выцвело платьицем ситцевым,
почернело, пожухло, сгорело рябиною,
стало чёрною меткой, распадом, кончиною.
Для чего мне всё это, такое ненужное:
эти чёрные метки осинок простуженных,
эта горечь уходов, потери, прощания,
эта ветошь надежд, этот хлам ожидания?
Только прячу зачем-то, и верить мне хочется:
память всё сохранит жадной бабкой-старьёвщицей.

* * *

По непролазной слёзной хляби
стихов осенних и дорог
непросыхающий октябрь
дождями пишет некролог
к очередной кончине лета.
Как прочие, прошло и это.

Казалось бы, пора смириться
с сезонной чехардой утрат,
как лес смиряется и птицы.
Но каждый новый листопад
хоронит большее, чем лето...
Проходит всё, пройдёт и это.

Душевного покоя ради,
сбегу от городских простуд
к заветной Болдинской отраде —
где весь октябрь дожди идут,
где пишешь, пишешь до рассвета...
Проходит всё...
Пройдёт ли это?

* * *

Кляксы наших прощальных записок,
неразборчивый почерк разлук,
эпилоги, душевные кризы,
превращенье Ассолей в старух —

это осень, мой друг. Это осень.
Привыкай к неизбежности драм,
к непогоде в сезонном прогнозе —
к сентяблям... октяблям... нояблям.

Привыкай к листопадным итогам,
к безысходности слякотных дней...
Не жалея, отпусти, ради бога,
перелётных своих журавлей.

Провожать журавлиные стаи
не впервые на нашем веку.
Ты привык? А я всё привыкаю...
И привыкнуть никак не могу.

* * *

Озябший город мрачен и хандрит,
в туманы прячет слякоть и простуду.
Который день свой перечень обид
ему диктует мелкий дождь-зануда.

Терпи, ведь невозможно поменять
ни осень, ни себя, ни этот город.
Впиши в его размокшую тетрадь
свою обиду на промозглый холод.

Вытаскивай себя из луж и слёз,
из цепких и обманчивых туманов,
из города, промокшего насквозь...
Но в лето — поздно, а в сугробы — рано.

Что будет завтра — снова дождь иль снег
в озябшем городе, в твоём продрогшем мире?
Какой прогноз написан на окне
дождливым неразборчивым пунктиром?

Владимир Коржов

Поэт, прозаик, краевед, редактор. Член Союза писателей России с 2003 г.

Родился в Барнауле в 1947 году. После окончания восьмилетней школы работал на заводе «Трансмаш» слесарем. Учился на историко-филологическом факультете Алтайского государственного университета. С середины 1960-х до первой половины 1980-х гг. посещал литературные студии при Алтайской краевой писательской организации, при газетах «Алтайская правда», «Молодежь Алтай». Работал на Барнаульской спасательной станции матросом-спасателем и водолазом, в Алтайском краевом совете общества спасения на водах водолазом, преподавателем, завучем, директором краевой школы ОСВОДА, старшиной спасательного поста на Барнаульском городском пляже.

Лауреат многих краевых литературных премий. Награждён почётной грамотой Правления Союза Писателей России (2008). Автор книг: «Фарватер», «Дыханье полыни», «Белый бакен», «Повествование о городских окраинах», «Листая лоцманскую карту», «Записки спасателя», «А память священна...», и др.

Путь по фарватеру

Печаль холодная струится
На паутину сентября.
И словно раненая птица,
Трепещет алая заря.

Любви и грусти не измерить
В моей несломленной стране...
Уж веры нет, но надо верить,
Не оставаясь в стороне!

* * *

За рекою спокойно и тихо
У костра сентябрёвой порой.
В ранний утренний час облепиха
Прихорашивается росой.

Все светлее, светлее водица.
Можно камушки все разглядеть,
Между ними плотва серебрится...
С тополей осыпается медь.

Совмещаются небо и воды,
Открывается сущности стать.
Эти знаки осенней погоды
Мы не можем никак разгадать.

Вдали от родины

* * *

Тоскливо стало в Барнауле,
И листья желтые метут.
Давно ли были мы в июле?..

... Осенний праздничный уют
Последней птицей откочует
За Обь, в безлюдные поля...
И вновь на Ленинском корчуют
Величественные тополя.

* * *

Изменили устье Барнаулки,
Строят пятизвездочный отель.
Девятиэтажный корпус гулкий
Заслоняет остров, плесы, мель...

Не сидеть, как раньше, по-над кручей
С гольшами плоскими в руке.
Пароходы с песнею певучей
Канули в далеком далеке...

Почему уходят теплоходы?
Даже этот, с именем «Шукшин»,
Не пересечет родные броды —
Перекаты глубиной в аршин.

Не пойдет на родину — до Бийска,
Выйдет к морю у Обской губы,
Покидая порт Новосибирска...
Вне Алтая, словно без судьбы.

* * *

Облака уплывают на север.
Журавли улетают на юг.
Я в сегодняшнем дне не уверен —
Жизнь походит на замкнутый круг.

Листья стелются в чистое поле.
Близ околка застыл серый стог.
Много горя разлито и боли
Вдоль проселочных русских дорог.

Я дойду и до луга заветного,
Добреду до любимой реки...
Жаль, что птица моя безответная
Улетела, как счастье, с руки.

ПОЭТЫ ДАГЕСТАНА

Ночные успокаивающие падежи

Вы бывали когда-нибудь в Дагестане? Мне повезло увидеть этот край. Здесь переплелись седая древность со стремительной современностью. Поэт Расул Гамзатов рассказывал: «Даг — это гора, стан — это страна. Дагестан — страна гор, страна-гора, горная страна, гордая страна — Дагестан».

Я видела величественные горы, парение могучих орлов, кипение горных рек, зелёные воды Каспия, узнала щедрое гостеприимство горцев с долгими застольями и цветистыми тостами, переводила стихи дагестанских поэтов. О Дагестане и его горах писали Пушкин и Лермонтов, Лев Толстой и Александр Дюма.

Путешественники былых времён говорили: «Нет больше такой страны, где так мало народу и так много народностей». В этой небольшой республике их девяносто пять, из них тридцать шесть коренных. Поэтому в Дагестане так много языков. Аварский, кумыкский, лезгинский, даргинский, лакский, табасаранский, татский, ногайский и многие другие. Табасаранский язык (язык очень маленького народа) относится к пяти сложнейшим языкам мира и попал в Книгу рекордов Гиннеса. В нём самое большое количество падежей — пятьдесят два! Есть даже «ночные успокаивающие падежи». Имеются и «трудные буквы», напоминающие звучанием свист ветра, плеск водопада, грохот ущелий. Когда иностранцы просят объяснить, как звучит этот удивительный язык, табасаранцы с лукавой улыбкой кладут в глиняный кувшин три грецких ореха и быстро его вращают.

Языком межнационального общения стал для всех русский язык.

Что ни аул в Дагестане то не только свой язык, но и своё ремесло. Издревле славятся здесь искусные гончары и ковровщицы, ювелиры и оружейники. В одном ауле шьют мохнатые бурки, в Унцукеле из абрикосового дерева создают изящные изделия с серебряной насечкой, табасаранцы ткут разноцветные узорные ковры, в селении Кубачи делают стройные металлические кувшины и блюда с чеканкой, серебряные украшения с бирюзой, куют сабли и кинжалы. А есть ещё аулы ловких акробатов и канатоходцев, которые бесстрашно танцуют на канатах, натянутых над пропастью. Всего и не перечислить.

Девушки из Унцукуля¹

Руки девушек весёлых —
Кто опишет вас пером?
Молоточков хор и соло
Блещут звонким серебром.

Что за руки! Что за косы!
Кто б вас мог угомонить?
Ах, на теле абрикоса
Вьют серебряную нить.
И узора нет чудесней,
Пляшет смуглая рука,
А серебряная песня
Унесёт за облака.

Драгоценная работа!
К небу рвутся голоса.
Золотая капля пота,
Как цветочная роса.

В ней возникнут постепенно,
Растворяя все труды,
Кружевною белой пеной
Кушматинские сады.

О, серебряная школа —
Ваш отныне я и впредь!
Руки девушек весёлых
В песне можно ли воспеть.

Перевод с аварского

¹ Унцукуль — селение в Дагестане, где народные мастера создают изделия из абрикосового дерева с серебряной насечкой.

* * *

Хотя уже встаёт восход,
Расстаться трудно нам.
А солнце радостно идёт
По вспененным волнам.

Про то, что нам пришла пора
Идти гулять в поля,
С весенним ветром до утра
Болтали тополя.

Как хорошо с тобою мне!
Волна на серебре
Дрожит в лазури и огне,
Как роза на заре.

Хохочет весело прибой,
Забрызгав пеной нас.
А я ведь говорить с тобой
Решился в первый раз.

Как рады горные края,
Как блещет луч скользя!
Одно лишь твёрдо знаю я —
Расстаться нам нельзя.

Перевод с лакского

Полудетский взгляд сверкнул
Синим небосводом.
Ты приехала в аул,
Я отсюда родом.

Наши горные края
С дымкою печали.
Каждый день родник и я
Здесь тебя встречали.

Наполнялись вечера
Родниковым пеньем.
Этих встреч уже с утра
Ждал я с нетерпеньем.

И бывал я видеть рад,
Позабыв усталость:
Золотая, как закат,
Девочка спускалась.

Остановится на миг,
Нас не замечая.
Тихо всхлипывал родник,
Сердцу отвечая.

И порой в ночи тайком
Нежностью томимый
Вместе с чистым родником
Пел я о любимой.

С той поры прошли года —
Детство не воскреснет.
Как тогда, поёт вода,
Но другую песню.

И зову напрасно я
Дни, что промелькнули.
Ты уж здесь совсем своя,
Я — чужой в ауле.

Перевод с кумыкского

* * *

Какой сегодня
Шум вокруг —
Шумят деревья
И трава,
И просо на поле,
И луг,
И конский щавель,
И листва,

Отара, ветер,
Дальний гром,
Костёр, собаки,
Пастухи.
Какой сегодня
Шум кругом!
.. И только мы
С тобой тихи.

А ведь была ночь

А ведь была ночь,
Как любовь.
Травы косит коса.

А ведь была ночь,
Как облик твой.
Жаб печальны голоса.

А ведь была ночь —
Слово «навсегда».
Бредит вдохновение.

А ведь была ночь —
Светлая звезда.
В тайне — сокровенное.

Считаю звёзды

Считаю звёзды, словно дни,
Когда ты мною был любим,
Дни восхищения, они
Сияют светом голубым.

... Две, три... семнадцать... двадцать пять...
Огней вселенная полна.
Пусть будут тысячи мерцать,
Но душу ранит лишь одна.

Меня тревожит ясный взор
Звезды холодной голубой —
Она слыхала разговор,
Последний самый
Наш с тобой.

* * *

Смою резкие
Города звуки —
И в аул свой вернусь.
Наклонюсь к роднику
И водицы,
Самой чистой водицы напьюсь.

Я сотку там
Ковёр разноцветный,
И его на заре
Расстелю я для птиц
На высокой.
На зелёной горе.
Прилетят ко мне
Певчие птицы —
Только с птицами
Стану водиться.

Перевод с табасаранского

Жеребёнок

Просторный луг раскинулся без края,
Трава шумит зелёная, густая.
А жеребёнок к колышку привязан
И круг привычным повторять обязан.
Не уведет за горизонт тропинка.
Всё тот же круг, заевшая пластинка,
Ах, не искриться радостью глазам уж!
Всё тот же круг.
... Меня отдали замуж.

Перевод с лезгинского

* * *

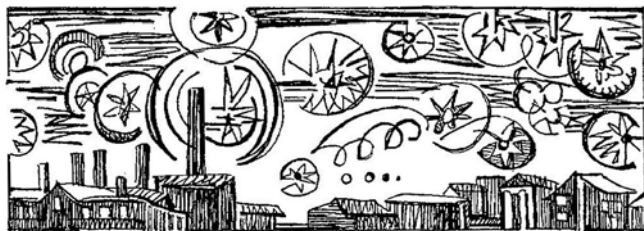
Тебя искал я осенью, зимою,
Твоих шагов ловил пугливый шорох,
Стоял в мороз всю ночь, укрытый тьмою,
Под окнами в причудливых узорах.

Снежинок белых видел колыханье,
Тебя обнять, и мысленно не смея,
Но мне казалось, что своим дыханьем
Я эту зиму растопить сумею.

Пылал, сгорая в муке ежечасной —
Вот, что любовь тогда со мной творила.
Но ждал тебя под окнами напрасно,
Ведь ты другому сердце подарила.

Тебя простил, а ты меня забыла,
Всё так же недоступна и любима.
Но в чьей душе найдёшь ты столько пыла,
Кто для тебя растопит эту зиму?

Перевод с лакского

Горный ветерок

С горы Тарки-тау
Подул веерок
И чувств моих стаю
Унёс за порог.

Струна вдохновенья
Дрожит на ветру,
Его дуновенье
Прогонит жару.

Мой лоб обвевая,
Скользит в вышине.
И песня живая
Возникнет во мне.

Студёного ветра
Глоток ледяной —
Награды поэту
Не надо иной.

В тетрадь без усилия
Ложится строка —
Светла, словно крылья
Того ветерка.

Ручей

В горах — то говорлив, то тих,
Один в глухом краю,
Столь непохожий на других
Он песню пел свою.

Примчавшись к Каспию, с тоской
Он думает: «Беда —
Средь стольких рек в волне морской
Исчезну без следа».

* * *

Помню летнюю ночь. Как светила луна,
Как блеснул её лик над лесами!
И была голубая поляна полна
Растревоженных птиц голосами.

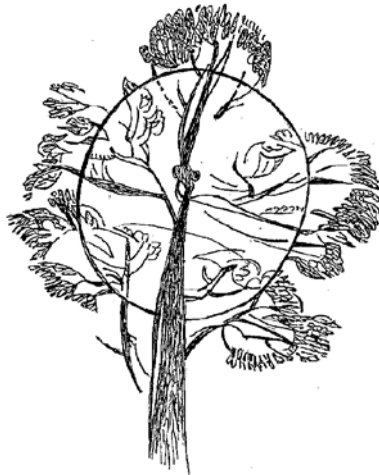
Тёк серебряный свет, и мой дух замирал.
Я неслышно шептал твоё имя.
И боялся коснуться и робко играл,
Как ребенок, косами твоими.

И была так прекрасна под звёздами ты,
Что казалось мне будто я лишний.
А на платье цвели голубые цветы,
Были губы, как спелые вишни.

Эту летнюю ночь не забыть никогда!
Память сердца годам не подвластна.
Под сияньем луны ты всегда молода,
И в душе моей вечно прекрасна.

Вижу я, как за далью промчавшихся лет
Ранней юностью нежно туманной
Ты зовёшь меня, словно серебряный свет,
В щебетании птиц над поляной.

Перевод с даргинского

1948–1993

Ворон

Ворон чёрный — горя птица
Вспоминает, чистя перья,
Как в войну клевал глазницы,
Как тела глодали звери.

Грустен ворон в годы мира,
До когтей объятый тьмою —
Не забыть хмельного пира
Той проклятою зимою.

Голубых, зелёных, карих —
Сколько глаз склевал он в поле!
Но напрасно кружит старый —
Здесь войной не пахнет боле.

Прочь лети, не ставший мудрым, —
Не бывать кровавой тризне.
И проснутся люди утром
Для труда, любви и жизни!

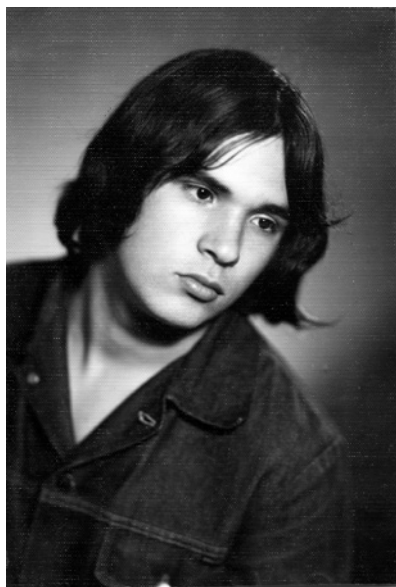
Перевод с табасаранского

Аркадий Славоросов

1957–2005

Прозаик, поэт, эссеист, сценарист

Незаконченная эпиталама в сольном исполнении

«Б-а-вали дни весёл-ы-я», — растягивала в улыбке свой щербатый рот гармошка. Лицо невесты выглядывало из бутылочных зарослей бледно и печально, как тропическая луна. Мне стало её жаль, когда я посмотрел на чёрного жениха, самодовольно освещивающего золотым зубом. На его правой руке была наколота синяя ласточка. За столом, как водоросли в волнах прибоя, раскачивались Близкие и Дальние родственники: они пели про весёлыя деньки. Я опрокинул в себя рюмку, и огненная змейка торопливо юркнула в желудок, обжигая горло. Я начал ковырять вилкой в упорядоченном хаосе ви-негрета.

Потом из-за стола, как гриб после дождя, вырос один из Дальних и Близких родственников и стал говорить тост. Говорил он долго и путано, но вся его речь сводилась к одному: выпить и покричать «горько». Близкие и Дальние радостно и хищно уцепились за эту

возможность, и многоголовое чудище заорало на разные голоса: «Горько! Горько!» Я, отступая перед превосходящими силами противника, тоже вставил свое «горько» неожиданно писклявым голосом. Мне понравилось, что невеста не стала застенчиво опускать глазки и рдеть, как полагается в таких случаях, а встала строго и прямо, только побледнела ещё больше. Жених убрал с лица довольную улыбку и зажёл в глазах искреннюю нежность. Хотя, возможно, он вовсе неплохой парень.

«Ты чьих будешь?» — мокро дохнул мне в затылок краснолицый Близкий или Дальний родственник. — Шугаевых что ли?» Жених степенно поднялся со стула, и я подумал, что ему бы очень пошёл цветок в петлице. «Нет, я **т а к**... Сосед». Синяя ласточка взлетела и присела невесте на плечо. «Какой сосед? — не понял краснолицый. — Чей?» Наступил кульминационный момент — их губы сблизились. Вот и всё, девочка, и совсем не так уж страшно. Жених повернулся к выжидательно притихшей публике, и мне показалось, что он сейчас, по-дирижерски раскланяется, но он лишь горячо выдохнул: «Сладко!» И тут же сладострастно и восхищенно, с некоторой долей зависти, многоголовый дракон подхватил: «Сладко! Сладко!»

«Ну, что, давай, сосед, по маленькой. За молодых». Ещё одна зелёная змейка нырнула в желудок. Теперь их там было две, и я чувствовал, что они не скучают. Нагловатая гармошка уступила место азербайджанскому любимцу женщин, и комнату наполнил странный звуковой коктейль из популярной песни «А эта свадьба, свадьба...», звона рюмок и вилок и обнаженного вопля «Into the fire» из соседней комнаты. Там веселились Друзья и Знакомые.

Краснолицый предложил выпить ещё, и я не отказался. Мне становилось понятно, почему у него такой цвет лица. Рюмки, оказалось, обладали странным оптическим свойством: предательски маленький вид не соответствовал довольно большому объёму. Я уже начинал чувствовать, что подлые змейки превращаются в одного большого и зелёного змия. Краснолицый предложил в качестве закуски холодец, но мне показалось, что холодец, подрагивающий под ножом, похож на огромную амёбу, и я сразу потерял аппетит. Я посмотрел на невесту. Ей было скучно посреди всей этой суеты. Ей было скучно. Если бы это была обыкновенная вечеринка, я запросто увёз бы её отсюда. Но это была свадьба. «Свадьба — это поминки по свободе», — подумалось мне. У меня вообще есть дурная привычка думать плоскими афоризмами.

Дальние и Близкие развеселились вовсю. Жирная заплывшая баба с лицом, похожим на грозовую тучу, кажется, собиралась сплаться.

Я воспринял это её намерение, как намек на то, что мне пора убираться. Откинув все уговоры так полюбившего меня краснолицего, я встал и двинулся в соседнюю комнату. Пол покачивался у меня под ногами и возникало ощущение, будто пробираешься по переполненному вагону метро. Близкие и Дальние, видя, что я капитулировал, торжествовали и особенно больно толкали меня локтями и плечами. Наконец, получив последний многозначительный тычок, я добрался до двери и, собрав последние силы, распахнул её. И, как размашистей удар кулаком в лицо — осатаневшее «Speed king».

В полутёмной комнатёнке развлекались Друзья и Знакомые. Запертый в магнитофонном ящике Ян Гилан бился и кричал от отчаянья. Всюду царил аккуратный беспорядок. Комната принадлежала младшему брату невесты — прыщавому молодому человеку в старательно потёртых американских джинсах. Вокруг него группировались юноши и девушки, предпочитавшие сидеть на полу и мило болтать на англо-русском жаргоне. Они презрительно поглядывали на другую группу молодых людей, постарше, из тех, что устало сидя в креслах, любят рассуждать о Кафке и сюрреализме под аккомпанемент бешеной музыки «Deer Purple». Эти делали вид, что вообще не замечают нагловатых юнцов. Я понял, что не смогу примкнуть ни к той, ни к другой компании. Для англо-русской молодёжи я был староват и не умел вести себя так, как у них принято, а интеллектуальная элита отвергла бы меня, как лишённого присущей ей элегантности и усталого изящества. «Пей, чувак, — сказал златокудрый мальчик с помутневшими голубыми глазами, протягивая мне стакан, — она, говорят, в вине». И снова уронил свою светлую голову на колени. Я посмотрел через полный стакан на мир. Интеллектуалы полулежали в древнеримских позах, лениво переговариваясь, а юные псевдо-хиппи под звуки рок-н-ролла, казалось, пытались проиллюстрировать некий медицинский трактат о болезни Паркинсона. Я вздохнул и выпил. Зелёный змий, как коварный пришелец с далекой планеты из фантастических рассказов современных советских и зарубежных авторов, окончательно завладел моим сознанием. Кто-то завёл популярную рок-оперу, и звуки хлынули из двух динамиков стереомагнитофона. Христа распинали на магнитофонной пленке. Подчиняясь непреодолимой воле зелёного змия, я окунулся в свистопляску теней и тел, с твёрдым намерением выключить музыку и в полный голос сказать всё, что я о них всех думаю. Меня опять толкали плечами, и локтями, но я шёл железной поступью завоевателя. Наконец я вынырнул из водоворота тел и не пальцем — перстом ткнул в угрожающе красную кнопку. Тишина ворвалась в комнату, как сигнал тревоги.

Все головы повернулись ко мне. «Ну и правильно, — вынырнула откуда-то Верка Березовская, — старьё какое запустили. Миша, поставь что-нибудь из «Slade». Незнакомый Миша ловко поменял кассеты, и над головами Друзей и Знакомых поплыло «Everyday». «Потанцуем?» — спросила Верка Березовская, повисая у меня на шее. Я сдался на милость победителя. Мы стали танцевать. Верка Березовская была низенькой, полненькой и даже можно сказать симпатичненькой, Только широкий нос, придававший ей сходство с профессиональным боксером полутяжёлого веса, немного портил вид. Мы танцевали в интимном полумраке.

Когда кто-то, выходя, приоткрыл дверь, я увидел невесту. Из распахнутой двери будто пахло запахом черёмухи, но тут же вернувшийся полумрак оставил мне только широконосое лицо Верки Березовской, застывшее в плеске теней, как лицо тунгусского божка.

Миражи всегда прекраснее реальности. Верка Березовская тихо млела, прижавшись ко мне, и мне казалось, что она уже начинает обмякать и таять, как кусок сливочного масла на солнце.

Мы танцевали, медленно вращаясь, и я, как локатор, ловил мир.

«Что касается Беккета...» — с одной стороны, и рука прыщавого молодого человека, пятиногим марсианским разведчиком пробирающаяся по стройной ножке, обтянутой голубыми джинсами, с другой. Реальность дробилась на куски: «Клёвые трузера, но цвет не очень», — размытое тенями лицо Верки Березовской, — «Но с другой стороны театр абсурда...», россыпь золотых кудрей мертвецки пьяного юнца, «Everyday, when I'm away...», «Пойдём выйдем на свежий воздух?», — медленное вращение кассет, медленное вращение в танце, «Ты что, не слышишь?...» «А?» «Пойдём выйдем на свежий воздух», — повторила Верка Березовская. «Ну, пойдём», — вяло ответил я, и она, тут же энергично схватив меня за руку, ринулась к выходу. Я, пассивно, как зять Межуев, следовал за ней. Мы не вошли — ворвались в большую комнату, залитую ярким светом. Тучеобразная баба отплясывала в центре свой громовый танец. Отовсюду, как в «Сорочинской ярмарке», пялились пьяные свиные рыла Близких и Дальних. Краснолицый спал поперек кушетки.

На столе кровавой лужицей было разлито вино. И только из угла, как с иконы, налитые до краев печалью глаза, и рядом другая пара глаз, налитых вином. Всё это пронеслось передо мною, и судьба в образе Верки Березовской вышвырнула меня на лестничную клетку.

Здесь, на четвёртом пролёте ада, стояло монолитное облако дыма — курили Близкие и Дальние. Четыре этажа мы промчались со скоростью университетского лифта, и ночь пахнула в лицо. Квадратный аквариум двора был доверху наполнен темнотой, лишь

в дальнем углу подслеповато светила лампочка над чёрным ходом овощного магазина. Где-то в глубине шумели деревья. Мы резко сбросили темп и уже медленно подошли к лавочке под высоким тополем. Ночь была свежей, и пахло солёными огурцами. «Хорошо, правда?» — прошептала Верка Березовская. Я, хмыкнув, манерно закурил сигарету и присел рядом с ней. События развивались в духе кинолент пятидесятых годов. «Смотри, звезда упала», — прямо, как в кино, сказала Верка Березовская, прижимаясь ко мне. «Ты загадал желание?» «Загадал», — сказал я. «Какое?»¹ жарко шепнула она мне в лицо. Я посмотрел на неё: голова запрокинута, матово и томно блестят из-под опущенных век глаза и влажные губы приглашающе полуоткрыты. Ей очень хотелось целоваться, но не нашлось партнера получше меня. «Какое?» «Поскорей остаться в одиночестве», — нелюбезно сказал моим голосом зелёный змий. Я проводил глазами обиженное светлое пятно в темноте и глубоко затаился. Я был один. Потом я встал и решил прогуляться по двору. Слегка штормило. Я запутался в штaketнике и, когда, наконец, перевалил через него, из-под ног брызнули в разные стороны две чёрные от ночи кошки. Я люблю кошек за их независимость. Но только не чёрных. «Хотя, если уничтожить всех чёрных кошек, человек не станет счастливее», — выплыл из какой-то окраинной извилины очередной афоризм. Я чуть не врезался в детский грибок. Мне стало одиноко, как в метро в час пик. Темнота становилась материальной. Я ощущал её прикосновение к горячим щекам, как прикосновение влажного шёлка. Почему-то хотелось плакать и улыбаться сквозь слёзы. Вспомнилось белое видение Невесты.

Я всё шёл куда-то сквозь тьму. Зачем-то обошёл по периметру светлый квадрат песочницы. Шелестела ночь. Я подружился с зелёным змием. Он оказался неплохим малым, но скверным собеседником. Он отказывался отвечать на мои вопросы. «Почему?» — спрашивал я, а он молчал. Мне необходимо было с кем-нибудь поговорить. «Бедная девочка», — говорил я, но никто не сочувствовал мне. Неожиданно я заметил, что ночь ведёт себя как-то странно: она становилась то темнее, то светлее. Оглянувшись, я понял, в чём дело. Никакой мистики; просто чья-то одинокая фигура, покачиваясь под порывами нематериального ветра, периодически заслоняла собой одинокую магазинную лампочку. Я несказанно обрадовался этому спутнику в ночи и, стараясь совладать с неустойчивой землей, решительно двинулся в его сторону. По мере приближения черты его выступили из темноты, и я узнал своего краснолицего друга. Он тоже узнал меня, я видел это, он дёрнулся в мою сторону, и неисцелимая нежность и жалость наполнили мое сердце. Я хотел было обнять его, но в последний момент меня качнуло и я, чуть не упав,

пролетел мимо. Я постоял растерянно секунду-другую и повторил попытку, но опять напрасно. Мы были, точно две планеты, летящие сквозь ночь по непересекающимся орбитам. Его лицо, красноватым своим оттенком напоминающее о марсианских пустынях, возникало из темноты, чтобы на следующем витке спирали возникнуть где-то с другой стороны.

Я двигался к нему, но в какой-то момент времени меня начинало относить влево или вправо, а может быть вверх или вниз: в этом кружащемся, изменяющемся релятивистском мире всё было условно. Казалось, под воздействием алкоголя мы выпали из привычной ньютоновской вселенной. Мы попали под действие иных сил, полей, пространственных аномалий, которые сообща не давали нам соприкоснуться и несли каждого по своей орбите. «Зачем?»- кричал я ему сокровенно, а меня волокло куда-то вбок и стучало о стену, пачкая известкой выходной пиджак. «Нелепость», — кричал я, а его лицо проплывало мимо, и, казалось, он хочет что-то сказать, но не может и только редко и сокрушённо икает, трясая головой. «Эта свадьба», — кричал я сквозь темноту, а космическое эхо многозначительно вторило мне,— «непонятно... ненужно... Что это?»... Вдруг мы сошлись почти вплотную, и он крепко ухватил меня за руки.

Движение прекратилось. Мы стояли посреди двора, держась друг за друга, и смотрели друг другу в глаза. Глаза его были пусты, как окошки в Ничто. Он тяжело сопел, и влага дыхания его конденсировалась на моих щеках мелкими тёплыми капельками. «Зачем?» — слабо переспросил я неуверенным тенором. Краснолицый молчал. Потом что-то заурчало в его недрах, заворочались глазные яблоки, и он вывалил непослушным ртом фразу: «На пятом месяце». «Что? — не понял я. Краснолицый уставился на меня. Потом вновь поклокотал пищеводом и выговорил пояснение: «Свадьба этого, того... На пятом месяце баба-то, пора». Я оторвался от него, я стряхнул с себя его руки и отступил в темноту. «Ты лжёшь, краснолицый», — прокричал я ему, теряя из виду свекольный маяк его физиономии. Распалось звено, связующее миры, которое составляли наши сплетённые руки. Я не стал осмысливать его заявление и пошёл к дому. Я шёл, трезвее на ходу.

«А может и не врёт?» — шевельнулось где-то в голове. Но я сразу отмёл подобную мысль. Даже, если это и так, то всё равно это не так, потому что это не может быть так, вследствие того, что так быть не должно. «И думать об этом не хочу», — я стоял возле самого дома. Наверное, было уже поздно: только в двух окнах четвёртого этажа горел свет. Непрочная световая дорожка ложилась на асфальт. Я стоял, не решаясь ступить на неё, вновь возникнуть из тьмы, точно родиться во второй раз (нет, я всё-таки не протрезвел окончательно

но), вновь обрести себя, как вдруг явственно услышал в двух шагах пронзительные взвизги гармошки, прерываемые каким-то размеренным механическим звуком. Навстречу мне на свет вышли Ряженные. Давешняя грозовая баба, одетая в мужские штаны, эффектно обтягивающие её зад, кургузый пиджачок и кепку набекрень, полуприсев и притопывая, с испитым и серьёзным лицом, двигалась по зыбкой световой дорожке, выкрикивая в ритме поршневого двигателя: «Эх-эх-эх-эх». Вокруг неё семенил, постукивая каблуками, круглолицый мужичонка в красном сарафане до колен, из-под которого торчали жалкие безволосые икры недомерка, в розовом платке, лихо завязанном под подбородком. Он выкрикивал через четыре такта: «И-э-эх (раз, два, три, четыре), и-э-эх». Так они следовали по световой дорожке, между двумя стенами темноты, отплясывая свой танец, и скупой свет беднил их лица.

«Эх-эх-эх-эх (и-э-эх), эх-эх-эх-эх (и-э-эх), эх-эх-эх-эх (и-э-эх)». Вслед за ними шёл второй мужичонка, двойник, брат-близнец первого, но в обычном мужском варианте, в чёрном костюме и с гармошкой. Гармошка выгибалась в его руках, как пойманная рыбина, то раскидывая их в стороны, то сводя, и издавала нестройный перевизг (хор мелких запечных бесов). Вслед за Ряженными и Гармонистом валила пьяная молчаливая орава Близких и Дальних, за ними шло пёстрой потёртой гурьбой помятое поп-юношество, посвечивая огоньками сигарет. А дальше разрозненной кучкой брели Почётные Гости, Рефлектирующие интеллектуалы с ускользящими улыбками приобщённых на бледных лицах. Они шли, шли, шли по непрочной световой дорожке, пока не затерялись в темноте. Я с некоторой грустью наблюдал эту символическую картину, впрочем, уже довольно ясно сознавая, что аллегорическим видением мира я обязан всё тому же моему зелёному дружку. Я отвернулся к дому и вдруг услышал своё сердце. Я увидел в мутном окне подъезда женский силуэт. Невеста стояла одна на голой лестничной клетке, прижимаясь лбом к холодящему стеклу. Шуршал, кружа по асфальту, какой-то пёстрый праздничный мусор, Я не отрывал взгляда от окна.

Я подумал, что и она смотрит на меня сквозь пыльное стекло. Мы остались одни, вне времени, связанные тонкой ниточкой взгляда. Высоко-высоко плыли беременные будущим дождём облака. Во рту было горько. «Той стороны обычай», — вертелось у меня в голове. «Той стороны обычай...» Я вошёл в подъезд и поднялся на второй этаж. Невеста смотрела в окно. Она не обернулась на мои шаги, но её плечи заметно дрогнули и напряглись; она приняла моё присутствие у себя за спиной и молча ждала. Я тоже молчал, судорожно выискивая в своём куцем сознанишке подходящие словесные стереотипы.

Но что значили ничтожные слова, слова, слова в сравнении с прощальным одиночеством этой девушки. В сравнении с её позой покорности и отчаянья. Что значил я сам, закомплексованный продукт городской цивилизации, в сравнении с этой девочкой, несущей на закланье свое тело и душу? «Тяжело?» — хрипло спросил я, не узнавая собственного голоса, изменённого акустикой подъезда и волнением. Невеста повернулась и посмотрела мне в глаза. Она посмотрела мне в глаза. Этот взгляд лишил меня слов. После такого взгляда остаётся только, преклонив колени, омыть миром её стройные ноги, Сердце остановилось. Я подошёл к ней и, смиренно склонившись, поцеловал её в щёку, около губ. Мне показалось, что я прикоснулся к оголённому проводу под напряжением в 900 в. Мой мозг жидко бултыхнулся в дёрнувшейся голове, и люминесцентные звёзды полетели сквозь меня.

Некоторое время спустя, я осознал себя лежащим на боку, вжимаясь щекой в заплёванный кафель пола. Перед глазами уходили в перспективу шахматные кафельные поля. Рот медленно наполнялся густой солоновато-кислой слюной, обращённая вверх щека инородно твердела, как сцепившийся цемент. «Железо пахнет кровью», — отметил я и скосил глаза. Надо мной нависла фигура чёрного жениха. Его кулак ещё покачивался, и лакированный ботинок выстукивал нервный синкопированный ритм в непосредственной близости от моего носа. Лица невесты я не видел. «Та-ак», — констатировал жених. «Я не знаю чего он... — готовно отозвалась невеста, неожиданно пронзительным голосом. — Кто его звал, чего он лезет...» Жених взял её за руку повыше локтя и, жестко глядя в глаза, произнёс: «Пойдём домой. Нечего тут делать». Я тем временем, рассеяно слушая этот диалог там, наверху, с усилием притиснулся к стене и кое-как сел. Щека набрякла и пульсировала. В голове было пусто, как под куполом заброшенной церкви, и непрерывно тоненько звенело, будто где-то в подъезде запала кнопка звонка. «Нет, я не святой Егорий». На меня легла тень жениха. Он склонился ко мне и, цепко ухватив за лацканы пиджака, оторвал от пола. Пуговицы затренькали по лестнице, и мне на ум пришёл Макар Девушкин.

«А ты, гундосый, — сказал мне жених, — чем чужих жён по подъездам лапать, вали-ка до хаты и глаза мне не мозоль». Он разжал руки, и я больно стукнулся задом об пол. Зато стало легче дышать.

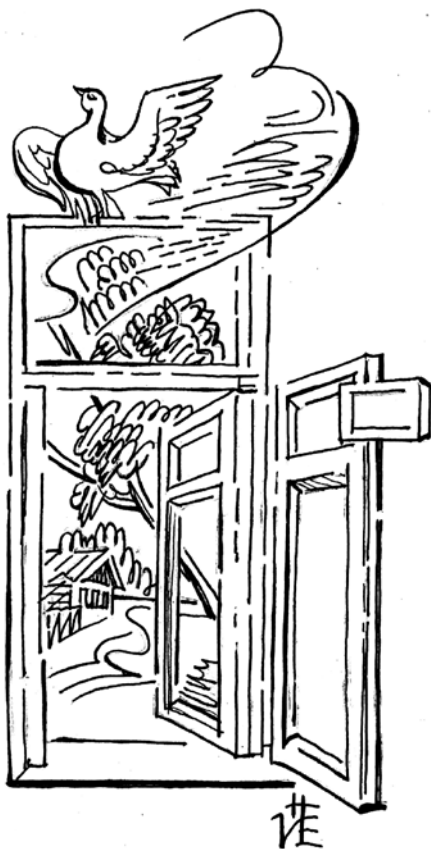
Жених и невеста начали подниматься по лестнице, постепенно исчезая из поля зрения. Некоторое время я ещё видел их ноги, но потом скрылись и они.

Я сидел один, уже совсем один в грязноватом углу обшарпанного подъезда, тусклая лампочка (лампочка?) щурила мне глаза. «Ну и пусть, — думал я, — пусть так. Может быть, и лучше, что так.

Пусть». Неожиданно, с некоторым удивлением, я почувствовал, что моей опухшей щеке стало чуть больней — это могло означать только одно: мои пересохшие губы раздвинула произвольная улыбка. Я улыбался. Я улыбался и щурился на лампу и качал головой. Потом я кое-как поднялся и спустился по лестнице вниз. За дверью, притаившись, ждала целительная темнота. Я вошёл в неё и пошёл сквозь ночной шёпот прочь со двора. Я улыбался и шёл туда, где кончался всякий свет, и во весь рост стояла темнота. Я шёл и улыбался.

Ночь была свежей, и пахло листьями.

1976 год

* * *

Бесконечная лютня звучит,
И ткётся средневековый гобелен.
Не считаешь нот
Или петель сцепленных меж собой.
Жизнь — камушками дней
Нанизывает чётки.
Вот время зрелости и счастья тихого
Мы вместе, мы одно,
Нам не нужны слова.—
О, хоть бы это не кончалось никогда.
Но всё конечно.
И тихая печаль легла на плечи.
Что знаем мы о старости и смерти —
Стараемся не думать, лишь глаза в глаза —
И неба бирюза. А лютня тихая звучит,
И усыпляет думы...

Холодное лето

Холодное лето у нас.
Солнце и ветер, и дождь. Всё наугад. Прорастает в сердце сорняк.
Ветер на даче. Как-то в кино видела ветер без звука. Так.
Все ветви тянутся прямо к лугам. Замерли в повороте на юг.
Но чувствую, что там тоже нет звука — ветер согнул деревья и травы.
Жду тебя. Звуча нет, и ветер застыл. Природа всем существом тянется
Всякой прожилкой к беде. Сила возникла — Но откуда она? Я кричу,
Но не слышу совсем ничего. Тут же тревога. Судьба изменила свой путь.
Наверно случилось то, что страшно предугадать. Или выдумать. Да.
Твёрдый знак. Твёрдый знак. Или ад?
Ладонь разжимаю — там белая галька — не падает вниз.

Музыкант

Вкруг графики ветвей, —
Утраченный гербарий,
Лежат ушедших дней
Поблекшие листы.
Не нотные листы,
В которых юный гений
Вложил восторг
Немыслимый души.
О, Моцарт, — Музыки
Блестящий песнопевец!
Союз небес, любви,
И красоты.
Его громады нот
Не унесут метели,
А музыка шумит, поёт,
Любовь лелеет.
А прошумят дожди,
И Реквием звучит...

* * *

Мне жизнь уроки преподносит.—
Их повторяет без конца,
Пока не выучу урока,
И не отвечу на Ура.
В чистилище стою, сгорая
На медленном огне, кричу.
И вновь урок я отвечаю —
И вдруг встаю с колен — лечу.
Мне зажигает сердце осень,
И искорки любви храню,
И никогда не позабуду
Ловить Дыханье на лету.

* * *

Заземляет наши беды осень —
Странница из лета в мир иной,
След вчерашний сердце носит —
До смерти останется со мной.
След иглы гравёрной, акварели,
Нитью вышивка косым стежком, —
Образ твой встаёт передо мною —
И во сне туманит взор слезой.
И теперь всё реже вспоминаю
От тебя вестей уже не жду,
Только вдруг порою мысль пронзает —
Где ты? Жив ли? И зачем живу?

Я сотку себе платье

Я сотку себе платье из хвои,
Можжевеловый вышью узор,
Плат накину осени поздней,
И пойду через лес на простор.
На полях лишь бурьян да травы
Никто здесь не сеет, не жнёт.
От околицы дальней направо —
В деревушке никто не живет.
На опушке остались сосны,
Подойду к сосне, прикоснусь.
Вы былинкой мне стать позвольте,
Хоть росточком сосны обернусь.
Будут ветки протяжно и гулко
На ветру одиноко рыдать,
И капелью апреля с надеждой
Ненаглядных пташек встречать.

Зимнее 3

Ноты с неба летят, словно снег,
Кольшется всё белое на белом.
Летят они адажио на фоне фонарей,
И утром на ветвях рисуют мелом.

Кружит чуть слышно зимняя соната
Позёмкой на пути своём к весне,
К капели и несбыточному завтра,
Куда-то вдаль на ветреном коне.

Там только грусть поёт нам о разлуке.
Уходишь ты дорогой белой от меня,
И музыки заснеженные звуки
Ещё звучат под вьюги февраля.

* * *

Я смотрела на руку и часы.
Я не знала, что ждёт меня впереди.
Счастливое время —
Кишлак, ледник. —
Сбегать потихоньку
С невысокой горы.
К прозрачной, бурной и
Сильной реке.
К валунам в изголовье её.
Не знать ничего, —
Только видеть вокруг
Улицы горного кишлака
Арык, стариков, старух.
Как беззаботно было
И как легко.
А что впереди — далеко, далеко.
Я смотрела на руку и часы.
Я не знала, что ждёт меня впереди...

СашБаш

*Александр Баилачеву
Рок музыканту и поэту
1980-х годов.*

Колокол во след тебе
Звонит... Звонит...
Не прошло еще
Время колокольчиков —
Твердь разбита в кровь. —
Лежит, молчит...
Ты пел — «Я люблю
Потому что болит».
В чистом поле
Дожди косые, летят —
Это ты пронзаешь песней
Брошенные поля,
И наши горестные сердца.
Там, на небесах
«Вдоль синей речки,
Водишь Солнышко
На золотой уздечке».
Что же делать нам? —
Колокольчики все зовут
На волю дальнюю
И песни все еще нужны.
Твои. Бунтарские.
Страдальные.

Я буду

Я буду странствовать
В воображении,
Пока не погаснет жизни свеча.
Что делать еще в этом
Мире безвременья,
Среди искаженных зеркал.
Природа чиста,
Словно лепет младенца.
Я ей посвящу свою жизнь.
Пусть будет печальна
Осень, — моё просветление,
Бескрайний Отечества дым.

* * *

На сосновых стволах здесь закат
И туманный рассвет на Десне,
Согревается радостью взгляд —
Так свободно здесь дышится мне.
Утром в травах роса холодна,
Звонок шум улетающих стай,
Здесь, как прежде, приходит Она,
Моя светлая Муза — встречай!
Я и окна, и дверь распахну,
Как легко ты бежишь по волне,
Как люблю я тебя лишь одну,
Радость жизни дарящую мне,
Весь огромный, бушующий мир
Со смешливой звездой впереди,
Счастье дружбы, общения пир,
Золотое волнение в груди.
Будь нетленна, отрада моя,
Многоцветьем всей жизни цвети,
Весь я твой, до последнего дня,
Мне с тобой без конца по пути!

* * *

За окном осенняя берёза
В золотистом кружеве стоит,
Нудный дождь прохладные льёт слёзы,
И душа с природой говорит.
Может быть, о том, что отзвенело
И ушло с весеннею порой,
Что тогда другие песни пело,
Забывая отдых и покой.
Вот и осень встала у порога,
И как прежде красоту дарит,
Не ушёл восторг, пришла тревога:
Сердце в осень любит и болит,

Утомлённое в пути ad astra¹,
Через горести утрат в борьбе,
В вазе на столе мне светят астры,
Сберегая свет любви к тебе.

* * *

Был я взят стихами на поруки,
В дивный мир случилось мне войти,
Музы милой трепетные звуки
Песнями сложились на пути.
Мне журчал стихом ручей весенний,
Осень музыкой лесной звала,
Летний дар был живопись цветений,
Снежной сказкою зима была.
Чтобы всю любовь в душе поэта
Человеку, Родине отдать
И не ожидать наград за это,
Ведь любовь уже есть благодать.

* * *

*Не я пишу стихи...
Б. Пастернак*

Не я пишу стихи,
Они приходят сами,
Невидимы в пути,
Неслышными шагами.
Какой-то тайный мост
Нас вдруг соединяет,
Какой? Вопрос не прост,
Поэт и сам не знает.
Пока в душе живёт
Стихами озаренье,
Оно само придёт,
Моё стихотворенье!

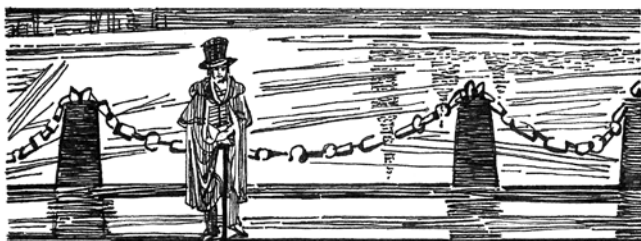
¹ad astra — к звёздам

Весна

Весь лес опять черёмухой пропах,
Весенних соловьёв чарует пенье,
И ни в каких не выразить словах
Души полёт, восторг и изумленье.

Поэзии и поэтам

Когда я не вижу просвета,
Скрыт тучами мой небосклон,
На помощь приходят поэты,
Которыми я приручён.
Живою водою стекают
Строка за строкой для меня,
И сердце в любви оживает,
Мой путь от унынья храня.
И снова дарит изумленье
Всей жизнью природа чудес,
Слетает с небес вдохновенье,
А тучи уходят с небес.

ИЗ АФГАНСКИХ РАССКАЗОВ

Первая осень

... Тропинка круто изгибалась влево. Старшина первой роты прапорщик Гетьман миновал поворот и вышел на пологий склон. Горы расступились, открывая вид на уходящую вверх дорогу. Слева показалось полуразрушенное двухэтажное здание с вылинявшим красным флагом на крыше. Блокпост. Неказистые деревца вокруг. Пыльный танк под рваной маскировочной сетью, грозно вытянувший хобот орудия в сторону развалин кишлака, который все почему-то называли Аминовкой. А дальше — горы, горы и горы...

— Где лейтенант Пройдисвет? — строго спросил Гетьман у скачавшего возле дверей часового.

Тот неопределённо махнул рукой. — Там где-то командир взвода, в лощине...

Лейтенант Пройдисвет сидел перед землянкой и кидал камешки в высокий валун, стараясь приноровиться так, чтобы они отскакивали вверх. Ребячья забава для командира взвода, конечно. Лучше бышний раз боевое охранение проверил, или с солдатами поговорил. Здесь от тоски у многих на душе кошки скребут. Да и у Пройдисвета вид совсем невесёлый. Отдохнуть бы с недельку лейтенанту. Довоевался уж до того, что насквозь светится...

Заслышав хруст щебёнки, взводный встал.

— Старшина! Пополнение сегодня придёт, надо принимать. Подготовьтесь.

— Есть подготовиться! — Гетьман провел рукой по подбородку, гладкому от утреннего бритья.

Потом угольки глаз под козырьком хитро засветились и губы прапорщика раздвинулись в улыбке, показав ровные, редкой белизны зубы.

— Скажу, чтоб парни побрились.

Пройдисвет понял деликатный намек и потрогал ладонью густую щетину. Блокпосты... Служба на них такая, что ну её в баню... В полку хоть раз в два-три дня он ухитрялся бриться, а здесь, — от ледяной воды и тупого лезвия, — искры из глаз сыплются.словно кирпичом трёшь по физиономии. Да ещё старшина, чистюля, на его голову навязался...

Гетьман смотрел на лейтенанта и сиял зубами до тех пор, пока тот не сдернул кепи и не стал копать в пухлой полевой сумке, отыскивая бритву.

Старшина сразу перестал улыбаться и пошёл по тропинке, направляясь к пулеметной ячейке, где возле единственного во взводе станкового пулемёта ДШК лежал низкорослый, круглоголовый ефрейтор Умаров.

— Шавкат! — старшина тронул пулеметчика за ногу. — Опять дрыхнешь... Бойцы к нам сегодня придут, пополнение.

— Хорошо, — согласился Умаров и, пятась как рак, выполз из каменной ячейки. — Второго номера мне дайте, товарищ прапорщик. Тяжело одному «дашку» таскать, всю шею сбил.

— Да, — пообещал прапорщик, критически разглядывая пулемётчика.

Тот стоял перед ним, расставив ноги в растоптанных кроссовках. Брюки жирно лоснились на коленях, кургузая куртка прожжена на плече и вымазана машинным маслом, на ремне штык от калашникова в чёрных облезлых ножнах.

— Почиститься тебе надо, Умаров. И куртку зашить. Подворотничок бы хоть свежий подшил...

Ефрейтор глядел на старшину сонными глазами, кивал круглой головой и поддакивал. Он знал, что Гетьман говорит ему все это для порядка, что чиститься он не будет и с курткой тоже не станет возиться. Уйдёт прапорщик, он снова ляжет возле своей «дашки» и, опустив лоб на ручки пулемёта, подремлет. Может, пять минут, может, двадцать пять. До тех пор подремлет, пока не учует, что спать больше нельзя.

Гетьман хорошо понял пулемётчика, взглядевшись в его глаза, прикрытые припухшими веками.

— Ходишь, как чушка, — сказал он. — Будешь дальше дисциплину нарушать, откомандирую тебя в вечный наряд на кухню. Там повар тебя живо порядку научит.

Умаров мечтательно прикрыл глаза. Жаль, никак из взвода нельзя уйти, а то он обязательно бы довёл старшину до того, чтобы тот выполнил угрозу и отослал его на кухню. Уж там бы Шавкат наверняка раздобыл себе хороший кусок мяса, по которому так истосковался его живот. Жирный, большой кусок мяса, горячий и сочный, с мозговой косточкой... С поваром бы Умаров в два счёта договорился. Он научил бы его делать бешбармак... Жаль, нельзя уйти из взвода...

— Следить за собой тебе лень... — Выговаривал старшина Умарову. — Ты же воин-интернационалист, комсомолец. Должен быть примером во всём...

Тот слушал сердитые слова и ни капельки не боялся старшины. Ещё в учебке Умарова все, — начиная от командира отделения и кончая командиром роты, — гоняли по внеочередным нарядам за грязные сапоги и плохо затянутый ремень, а однажды, — когда на тактических учениях он заснул под кустиком, — даже на трое суток посадили на гауптвахту. Теперь Шавкат знал, что он почти неуязвим перед самым грозным начальством. Что такого с ним сделают?..

Умаров застенчиво улыбался. Он уважал Гетьмана за строгость и порядок. Сейчас ему было просто неловко, что такой взрослый, серьёзный человек разговаривает с ним, как учительница в школе. Пулемётчик вздохнул, сбил ладонями пыль с коленей и ответил:

– Слушаюсь, товарищ прапорщик.

Потом проводил глазами старшину, который пошёл вниз по тропе, и отправился к своей «дашке». Жаль, что у него не было чистого подворотничка. Так и быть, подшил бы к куртке. Пусть бы старшина не расстраивался. Эх, жаль, нет подворотничка...

Пройдисвет сидел на камне и старательно тёр холодный помазок о розовый обмылок. Помазок уже давно намылился, но он тёр и тёр его, отдавая ту минуту, когда придётся скоблить щёки тупым лезвием. Наконец решился. Приладил в камнях крохотное зеркальце и осторожно провёл рукой по лицу. Зарос, как дикобраз, глаза провалились, губы чёрные, скулы обветрены до синяков. Видик, нечего сказать...

Взводный взял станок и стал сдирать щетину с подбородка.

Давно уже ротный Куманьков просил у комбата пополнение. А Пройдисвет клянчил людей у ротного. И вот теперь, когда людей наконец дали, сообразил, что за этим скрывается. Если присылают пополнение, значит, взвод не будут сменять. Взвод. Четырнадцать человек... Курам на смех. По-хорошему, чуть больше отделения. Ну, пяток ещё добавят. Станут девятнадцать солдат дальше охранять здесь дорогу, неделями сидеть на блокпосту, — заросшие, небритые, а то и с бородами... Форма у кого просто грязная, а у кого — насквозь промасленная... Только продукты им будут подвозить, да боеприпасы, — время от времени...

Пройдисвет ошибся, предполагая, что ему дадут человек пять. Во взвод пришло десять человек. У троих были автоматы. Остальные стыдливо теребили полы бушлатов.

– Так, — хмуро сказал Пройдисвет, оглядывая прибывших. Он остановился возле длиннеего солдата с румяным детским лицом и серыми ласковыми глазами.

– Автомат где?

– Обещали выдать на месте, товарищ лейтенант, — парень смутился, и уши у него порозовели.

— Они там в батальоне думают, что у меня здесь свой оружейный завод имеется.

Голос лейтенанта вдруг сорвался, и левое веко предательски задёргалось.

Взводный сердито сбил кепи на затылок и вытер ладонью сухое лицо.

— Гетьман! — крикнул он. — Сколько у нас в оружейке лишних автоматов наберётся?

— Штук пять, — отозвался прапорщик. — И пулемёт от Лёши Меркушова остался... Приклад у него малость осколком повредило, а так ничего, пулемёт добрый...

— Тащи всё, что сыщешь, — приказал Пройдисвет. — Раздай им и покажи, где цинки с патронами. Пусть из сидоров барахло лишнее повыкинут и патронами запасутся.

Веки у взводного уже не дёргались, а часто-часто моргали.

— Не дуже гарний ти став, лейтенант, — подумал старшина.

И отвернулся, чтобы Пройдисвет ненароком не прочитал его мысли.

При раздаче оружия пулемёт достался Гвоздику. Просто потому, что тот не спрятал руки за спину, как это сделали другие, не хотевшие таскать на себе громоздкую «гитару».

— Теперь топайте окопы строить, — распорядился взводный, наскоро распределив прибывших по отделениям.

— Передохнуть бы нам малость, товарищ лейтенант, — попросил крупнолицый рослый солдат. — Вторые сутки почти без отдыха. Подмётки и те гудят...

— Знаю, — сказал лейтенант. — Времени нет. Тут вам не Союз, не поваляешься в казарме. Перекурить десять минут — и за работу. Фамилия?

— Рядовой Аникеев!

Утром дневальные принесли вчерашний обед. Гетьман отвинтил крышку термоса, понюхал гороховый суп-пюре и брезгливо поморщился. В студенистой массе белели лохмотья разваренной рыбы. К стенке термоса прилипла рыба кость.

В Союзе за такую стряпню старшина устроил бы шум на весь батальон, к командиру бы сходил, добился, чтобы повара на гауптвахту посадили... Раньше хоть горячий обед приносили, а эту неделю суп как вода в Панджшере, хлебаешь — пальцы от ложки стынут.

— Чего так долго не шли? За смертью вас посылать. Небось дрыхли где-нибудь в затишке, за камешками?..

Солдаты молчали, понурились.

У Гвоздика было хорошее настроение. То ли оттого, что утро занялось тёплым и тихим, то ли оттого, что удалось лишний часок

поспать в каменной нише, куда они с Аникеевым настелили арчовник, чуть пахнувший сырой землей и хвоей. После обеда он достал из мешка растрёпанный блокнот.

– Погрею немного руки...

Карандаш то и дело недоуменно останавливался, не в силах схватить непривычное множество линий, которые были вокруг в причудливых уступах, в навесах скал, в овалах раскиданных на склоне валунов. Много линий и утомительно однообразный тускло-серый цвет гор. Над ними высокое небо, в котором полыхает солнце. Солдаты с котелками и воронёный ствол пулемёта, который старательно трёт промасленной тряпкой Аникеев.

– Ты вон Якута нарисуй, — сказал Аникеев, увидев, как Гвоздик растерянно оглядывается вокруг. — Смотри, у него какая винтовка, с оптическим...

Гвоздик поглядел на Аникеева непонимающими глазами и машинально поднял карандаш, чтобы нарисовать снайпера, круглое лицо которого, казалось, было придавлено тяжестью стального шлема.

– Ты попросись в штаб, парень, — заглянув в блокнот, негромко посоветовал прапорщик Гетьман. — Будешь в полку, а то и в дивизии стенгазету выпускать. Или там оформлять Ленинскую комнату... С таким талантом и в солдатах можно хорошо прожить. Верно тебе говорю!..

«Верно говорю», — отдалось в голове Гвоздика. В глуховатом голосе старшины, в его словах, сказанных почти на ухо, было что-то стыдное. Гвоздик инстинктивно отстранился от прапорщика и встретился с напряжённым взглядом Аникеева. Только тут до него дошёл смысл сказанного. Гвоздик почувствовал, что краснеет. Раскрытый блокнот упал на землю, закатился под камень карандаш. Он обрадовался, что, разыскивая своё имущество, может наклониться и спрятать лицо от глаз Аникеева.

– Нет, не буду проситься! — Гвоздик энергично стряхнул с блокнота пыль.

У Аникеева отмякли плечи, а глаза стали простецкими, и он добродушно подмигнул Гвоздику.

В ночь они с сержантом Гурьяновым пошли в боевое охранение. Пулемётное гнездо было укрыто под валунами на ровной площадке, которая обрывалась узким, — метров тридцать ширины, — ущельем. За ущельем начиналась каменная осыпь.

В охранении Гвоздик впервые увидел духов. Две тени в долгополых балахонах так быстро проскользнули по склону за осыпь, что Гвоздик сначала подумал, не привиделось ли ему. Но когда за осыпью чуть слышно звякнул о камень металл, он понял, что нет,

не привиделось. Перед ними минуту назад прошли те самые враги, о которых он слышал, много думал, и с которыми он пришел воевать.

Сердце вдруг заколотилось, и ладонь, охватившая рукоять пулемёта, стала потной. Захотелось прижаться, прилипнуть к камням, стать маленьким, незаметным, забиться под валун. Чтобы те двое не увидели его, не узнали, что он совсем рядом. Сердце в груди бухало так, что казалось, будто сотрясается вся каменная площадка, на которой затаились Гвоздик, Аникеев и сержант Гурьянов.

Слева чуть хрустнула щёбёнка. Скосив глаза, Гвоздик увидел, что Гурьянов осторожно ворочается.

— Шнурок на ботинке развязался! — сержант процедил это сердито, ни к кому не обращаясь.

— Какой? — глуповато спросил Гвоздик.

— Правый!...

Этот короткий, нелепый разговор почему-то приглушил отчаянный стук сердца и даже прояснил голову. Но страх не исчез. Он просто забрался куда-то вглубь и притаился там, холодный и липкий, как неожиданный пот, выступивший на ладонях.

— Духи за камнями, Женя, — шепнул Гвоздик сержанту. — Двое, сейчас только проскользнули!..

— Видел, — Гурьянов, скорчившись, лёжа шнуровал ботинок. — Ты не высовывайся, чижик... Они нас не достанут.

Только тут Гвоздик сообразил, что груды камней, за которой скрылись духи, и площадку разделяет глубокое ущелье с отвесными стенами.

И страх сразу сменился любопытством. Простым любопытством, которое заставляет мальчишку взбираться на самое высоченное дерево или на крышу, чтобы немножечко, хоть одним глазком увидеть то неведомое, что лежит за холмом, либо за речкой, либо за соседней улицей.

Гвоздик подался вперёд и высунулся из-за валуна.

— Без моего приказа не стреляй, — услышал он шепот Гурьянова.

Гвоздику и самому совсем не хотелось сейчас стрелять. Он просто старался рассмотреть тех, кого называли боролатыми, духами, басмачами...

За камнями послышался осторожный шорох. Потом что-то лягнуло, и через минуту ветерок донёс запах дыма. Такой ясный и близкий, что Гвоздик невольно покосился на Гурьянова: не закурил ли тот? Нет, сержант лежал неподвижно, распластавшись на камнях. Да и запах дыма был не табачный, а какой-то сладковатый и сытный, немного тошнотворный даже. И Гвоздик догадался, что курят за каменной осыпью.

– Вот обнаглели басмачи, — двинув бровями, шепнул Гурьянов. — Под носом у наших постов косяки задвигают!..

Сержант громко слотнул слюну. На скулах его прокатились желваки.

– Кумарьте, сволочи, а мы потерпим... Мы народ терпеливый. Верно, пацаны?..

Гвоздику тоже захотелось курить, и он, чтобы прогнать это желание, стал жевать веточку арчовника.

Скоро он увидел врага. Из-за камня с левой стороны осыпи сначала показался ствол автомата. Покачался из стороны в сторону, словно принохиваясь, и исчез. Вместо автомата из-за камней выглянула голова в пуштунке грязно-бежевого цвета. Под сдвинутой на затылок пуштункой — самое обыкновенное, совсем мальчишечье лицо с широким лбом, круглыми щеками и чуть приплюснутым толстым носом. Брови сдвинуты, насторожены. Глаза любопытно глядят по сторонам. Ни хищного оскала, ни чёрной бороды, ни злобного взгляда...

– Гляди, Женя, — шепнул он Гурьянову. — Один из-за камня высунулся.

Сержант поднял голову, посмотрел на духа и длинно сплюнул на щёбёнку.

– Щенок, а туда же, — воевать с нами лезет...

Он, видно, хотел сказать ещё что-то очень злое насчёт молодости афганца, но промолчал. Потом приказал не суетиться и смотреть в оба.

Гвоздик и так смотрел во все глаза. Он рассматривал каждую чёрточку чужого лица, видневшегося над камнем на другой стороне узкого ущелья.

«Обычный пацан», — удивлённо подумал Гвоздик и в этот момент почувствовал, что дух тоже заметил его. Он не уловил, каким движением выдал себя. Просто увидел, как окаменело лицо духа и застыли в одной точке его глаза. Затем сразу всё исчезло. И автомат, и пуштунка, и любопытное круглое лицо. Через несколько секунд прогремела автоматная очередь. Пули выбили на валуне беловатые отметинки. Мелкая каменная крошка секанула Гвоздика по шее, насыпалась за воротник. Он проворно спрятался за камень. Гурьянов ударил из автомата по осыпи за ущельем.

Гвоздик тоже взвёл затвор, но сержант остановил его:

– Не торопись, нефиг нам свою огневую мощь духам демонстрировать. Прижухните, чижи, пока не скомандую...

Гвоздик прижух под валуном. Духи дали ещё несколько беспорядочных очередей, потом успокоились. Стало быстро темнеть.

Темнота шла снизу, из ущелья, поднималась по каменным склонам, вязко густела в расщелинах, задёгивала дымкой камни и редкие кусты.

Из ущелья вдруг потянуло таким пронизывающим холодом, что Гвоздик невольно поёжился и даже бестолково попытался натянуть на колени короткие полы бушлата.

В ночной мгле грохотали где-то пулемётные очереди, наискось прорезали чернильное небо зеленоватые ракеты. Мороз донимал зло, без жалости. Колючий озноб забирался под бушлат. Невыносимо мерзли колени, до боли холодело между лопатками, коченели руки.

Гвоздик осторожно ворочался, дул на скрюченные пальцы, тёр ботинок о ботинок, подтягивал колени к животу, стараясь свернуться калачиком. Но это мало помогало. Рядом так же неуклюже возился Аникеев. Вдобавок ещё чёртовы валуны, под которыми они лежали, стали холодными, как глыбы льда. От них исходила лютая стужа, от которой не было спасения. К полуночи Гвоздик и Аникеев уже дрожали от макушки до пяток, зубы выбивали отчаянную дробь, а свирепый холод наплывал и наплывал из темноты, как шуга на осенней реке... И только сержанта Гурьянова, казалось, холод и не пробирал вовсе. Он только иногда крутил головой и прикладывал ладони то к одному, то к другому уху.

— Не спите! — то и дело слышал Гвоздик злой шёпот сержанта. — Не спите! Говорю вам!

Если он не отзывался, Гурьянов подкреплял шёпот жёстким тычком кулака. Гвоздик одурело тряс головой, на минуту сбрасывал сонливость и вглядывался в темноту. Слушал шорох осыпающегося где-то щебня и шум ветра.

— Неужели война — это такой вот холод, ледяные валуны, сонливость, словно кинутая в глаза горсть песка, тычки сержанта в бок и скользкие куски консервированной рыбы?..

Полжизни отдал бы сейчас Гвоздик, чтобы закурить бесплатную сигаретку «Памир». Полжизни!

Но курить было нельзя. Он глотал набегавшую слюну, кутался в бушлат и тоскливо ждал рассвета над вершинами гор. Под утро с той стороны ущелья снова потянуло приторным дымком.

— Вот же суки! — взорвался сержант и приложился к автомату. — Бейте, пацаны! Бейте, чтоб им тошно стало! Бейте...

Гвоздик торопливо дёрнул затвор, и, раскатисто отдаваясь в ущелье, загрохотали пулемётные очереди. Там, где в белесой предрастветной мгле виднелась осыпь, пули цвинькали по камням и жалобно звенели...

День рождения

Он всегда не любил канун своего дня рождения. Вообще, не любил месяц март. И надо же, чтобы в этот день...

Накануне вечером их с Аникеевым срочно вызвал ротный.

— Товарищ старший лейтенант, по Вашему приказанию... — начал он, привычно бросив ладонь к виску.

Ротный явно был не в духе, поэтому только отмахнулся досадливо.

— Значит, такое дело, парни. Мне приказано передать один пулемётный расчёт инженерной разведке. Временно. Так что завтра вы поступаете в распоряжение лейтенанта Новака. Пойдёте с минёрами в кишлак, на обеспечение операции. На их бронетранспортёре. За вами в арьергарде пойдёт отделение Матвейчука на девятьсот двадцать двойке. Готовность к 6:00. Вопросы... есть?

— А почему мы, товарищ старший лейтенант? Почему не Умаров с Князевым? — Брови Аникеева взлетели вверх.

— Несущественный вопрос, воин. Ещё что-то?

— Всё ясно! Разрешите идти?

— Идите!.. Сержант, а ты задержись.

Когда Аникеев вышел, ротный посмотрел на него в упор, глаза в глаза.

— Слушай меня внимательно, сержант. Позицию свою передадите молодым, Шевцову и Ютову. Укажете им ориентиры, сектор обстрела и... — Ротный замолчал, словно вспоминая ещё что-то, очень важное. — Ладно, иди!..

Когда он прикрывал за собой дверь, то услышал, как ротный сказал негромко, но отчётливо: «Хода хафез!» («С Богом!»)

Лейтенант Новак был молод, черноволос, с тонкими офицерскими усиками. Он даже немного играл в Лермонтова, хотя совершенно не был на него похож. Наверное поэтому его и прозвали Дантесом. Впрочем, среди старослужащих у него было куда более прозаическое прозвище — лейтенант Зелёный, или просто Зелёнка.

Это говорило и о недавнем выпуске лейтенанта из училища, и о малом сроке его пребывания на войне. Сегодня лейтенант Зелёный лично контролировал погрузку группы в БТР.

— Приданные пулемётчики? Погодите, ну куда, куда вы прёте со своей гитарой? Внутри и без вас не повернуться! Вы, и радист — со мной, на броне. При высадке поддержите группу огнём, если потребуетя.

— Слушай, Гвоздик, — тронув его за плечо, вполголоса спросил Аникеев, — У меня есть два вопроса. Зелёнка что, совсем за салаг нас держит, если думает, что мы хотели под броню залезть?..

– Тише ты!

– И ещё! Зачем ему понадобилась наша огневая поддержка, если у них два своих пулемёта в башне?

– Простая арифметика, Ника. — Он пожал плечами. — Три больше, чем два!

Наконец забрались на броню. Радист, долговязый веснушчатый парень с наушниками на шее, протянул руку.

– Здорово, мужики.

– Четоур асти! Хуб асти! — Аникеев энергично пожал его вялую ладонь. — Ту кисти? Аз коджа асти? (традиционные афганские приветствия)

– Да ладно вам, парни, — радист криво улыбнулся. — Я Игорь с Могилёва, для своих — Гоша Шуп.

– Будем знакомы! Гвоздик и Ника. Для своих. — коротко хохотнул Аникеев.

– А для чужих? — глуповато спросил Гоша.

– Для чужих — товарищ сержант и рядовой Аникеев...

– А-атставить разговорчики! — лейтенант Новак поднялся к ним ловко и пружинисто. — Трогаемся!..

Спустя полтора часа боевые машины свернули с основной трассы на грунтовку, ведущую к переправе. Тут оказалось, что грунтовая дорога резко сужается, лишая отряд всякого маневра, — ни развернуться, ни объехать, ни повернуть назад. Позади колонны осталось засеянное поле. Справа — довольно крутой обрыв к реке, слева — высокий дувал. За дувалом раскинулся большой кишлак. До переправы по такой дороге им предстояло проехать метров триста-четырееста. То, что это идеальная ловушка, они с Аникеевым поняли сразу. Наверное, это понимал и лейтенант Новак, но продолжал сосредоточенно изучать в бинокль окрестности.

Радист Гоша сидел на краю люка с отсутствующим выражением лица. По всему видно было, что мысли его сейчас где-то очень далеко.

– Да-а, хреновато — протянул Аникеев, затравленно оглядываясь по сторонам, — глаза злые, беспокойные, к губе приклеена забытая сигарета. — Торчим тут, как три тополя...

Беспокойство Аникеева передавалось и ему. Руки требовали какого-то занятия, и он резким движением взвёл затвор пулемёта. Радист Гоша вздрогнул и вопросительно оглянулся на характерный звук.

– Чего головой вертишь, воин? — он физически ощущал нарастающее напряжение, и это его раздражало. — Лучше вынь ноги из люка. А то случись чего — оторвёт по самое не балуй!

Радист испуганно выбрался на броню.

— Если чего случись?

— Ты сколько воюешь, Гоша? — спросил Аникеев, указывая не-
зажжённой сигаретой ему в пуговицу.

— Долго... Уже третий месяц я здесь...

— Да ну-уу? Аж третий месяц?! Это, конечно, срок! — Аникеев ёр-
ничал и забавлялся, но глаза по-прежнему оставались тоскливыми,
ждущими. — Мог бы уже и понимать, что к чему!

Он привычно сложил руки ковшиком, и чиркнул спичкой,
прикуривая. Так совпало, что одновременно с появившимся в его
ладонях огоньком сзади рвануло. Рвануло с оглушительным тре-
ском, — там, где несколько секунд назад прошуршали шины их
бэтээра.

Сокрушительный удар в спину оторвал его от брони, поднял
и перевернул в воздухе. Стремительно проваливаясь в пустоту, он
ещё успел подумать: «Эх, угораздило же...»

— Угораздило же нас влезть сюда! — жёлчно сказал неизвестно
как оказавшийся рядом покойный прапорщик Захаров, щурясь от
табачного дыма. — Ты парень совсем молодой, а я уже кое-что по-
видал в жизни. Помяни мои слова, — разделают они нас тут под
орех, как вьетнамцы американцев, — дай только срок. А на наше
качественное и количественное превосходство они положат... пенал
с принадлежностью. Тем более, что у местных рафиков только чарс
хорош, а бойцы из них, как из говна пуля. Вони много, а толку мало.
Даже охранять резиденцию Борьки Карамелькина своим аскерам не
доверили, охраняла наша рота...

— Перрвая рота! Станови-иись! — неожиданно звонко перебил
Захарова старший сержант Устюжанин, убитый прошлой осенью
при миномётном обстреле.

— Р-рравняйсь! Смир-ррна! Первый взвод прямо, остальные на-
праа-ву! С места, с песней! Шагом... Арш!

— Розпрягайте, хлопці, коней, та й лягайте спочивать.

А я піду в сад зелений,

В сад криниченьку копать! —

Завёл звучным тенором ротный запевала Андрусь.

... Маруся раз, два, три, калина.

Чорнявая дівчина в саду ягоди рвала!

— Подхватил разноголосый хор.

— Фью-фьють, ах-тах-тах — взвилась лихая соловьиная трель. —
... Маруся раз, два, три...

— Ать, два, три!левой!левой!.. — звенел Устюжанин, и обвальню
гремели сапоги.

... Копав, копав криниченьку
У зеленому саду.
Чи не вийде дівчинонька
Рано вранці по воду?..

Он, потеснив кого-то, поспешно протиснувся в строй, и занял своё место в шеренге.

— Привет, Гвоздик! — толкнул его локтем шагающий рядом Волчков.

Одет он был как-то странно, — широченные галифе, гимнастёрка со стоячим воротником, — такая форма была у солдат той давней, большой войны.

— Что, хабэшкой моей любиешься? — перехватил его взгляд Волчков. — Не удивляйся, — меня так приодели ребята перед тем, как в цинк запаять. Это ещё ничего, иногда нашего брата запаивают вообще не одевая. Даже и такой формы на всех не хватает. Но это пустяки. Ты вот скажи лучше, почему не полетел со мной?

— Я не смог. Замполит предлагал, а я испугался. Представил, как буду смотреть в глаза твоей матери, и не смог. Видишь, какой я трус, оказывается...

— Да не трус ты. Просто себя пожалел.

— Прости меня, Саня!

— Не мучайся. Ты когда вернёшься домой, всё же съезди к мамке моей. Только всего не рассказывай, — ни к чему ей это. Пусть лучше думает, что меня сразу насмерть... Хотя знаешь, умирать не больно совсем. Больно, пока ещё живой. Вообще, смерть — такая странная штука...

Смерть и впрямь оказалась странной штукой. И если бы смерть настигала только в открытом бою, — это было бы легче намного. Но она принимала разные обличия, и всегда была рядом.

Иногда она оказывалась в шумной стайке оборванных, босоногих мальчишек. Пока солдаты раздавали им конфеты, смерть их хуленькими ручонками прикрепляла к броне магнитную мину.

Она смотрела в спину через оптический прицел, и появлялась вместе с чавкающим ударом пули в человеческое тело.

Смерть представала в виде пожилых женщин с мозолистыми, натруженными ладонями, — такими же, какие бывают у русских, украинских, белорусских крестьянок. Две такие крестьянки убили Костю Леоновича. Они закололи его деревянными вилами, когда тот, раненый, заполз с улицы во дворик, чтобы укрыться от пулемётного огня и перезарядить автомат. Его нашли через час, окровавленного, но ещё живого, с торчащим из живота обломанным черенком. Автомат с отстёгнутым рожком валялся рядом, — пере-

зарядить его Костя так и не успел. Он уже не узнавал никого, но цепляясь слабеющими пальцами за руку санинструктора Агафонова, прохрипел: «Они же нас... как фашистов в Белоруссии... Бабушка рассказывала...» И умер.

Порой смерть оказывалась юной и стройной девушкой у колодца. Именно такая досталась Вите Дёмину, — она ударила его узким острым кинжалом, — прямо под рёбра, когда Витя хотел помочь ей наполнить канистру водой. Он был ещё новичком на этой войне.

Смерть караулила повсюду — на дорогах, на улицах, в домах. Она таилась в бесчисленных фугасах и минах. Это назойливое присутствие многоликой и невидимой смерти угнетало людей. Они становились раздражительными, переставали улыбаться.

Надламывался дух, и это бессилие духа порождало унижительный, липкий страх. Постоянный страх наполнял сердца ненавистью.

Ненавистью, разрушающей душу, лишаящей рассудка. Боль, страх и ненависть вызывали жгучее желание мстить. Мстить всем без разбора. Именно эта слепая, нерассуждающая жажда мести плескалась в глазах того добродушного парня, который меняя магазины, стрелял от бедра длинными очередями по толпе, не обращая внимания на крики женщин и детей.

Жажда мести разьедала мозг сержанта Матвейчука, когда он в упор расстреливал безоружных пленников, и глядя на летящие кровавые комья, дурашливо выкрикивал: «Пельмешки! Пельмешки!...»

— Так им и надо! — вдруг забормотал у него над ухом сержант Лопатин. — Их бы вообще всех истребить, до последнего! Я тут уже двух друзей потерял, я теперь за каждого из них сотню местных положу. А женщины, дети — это мне без разницы, — я за друзей мщу!..

— Врёшь ты, Лапоть. Аж слушать тошно! — Грубо оборвал его вновь появившийся из ниоткуда Захаров. — Себя ты оправдываешь, потому как вовсе не за друзей, а за свой собственный страх мстишь. Ведь погибшим, по большому счёту, до лампочки твоя месть...

— Тут всё замерцало разноцветными огнями, поплыло, теряя очертания. Лица стали неузнаваемыми, голоса слились в однообразный шум, и он неожиданно оказался на берегу реки. И не голоса вовсе, а деревья негромко и убаюкивающе шелестели над обрывом. Мягко светило летнее предвечернее солнце. Все мысли вдруг закончились. Он лежал на тёплом песке, и по телу волной растекалось блаженство. Только вот почему-то очень трудно было дышать, — воздух никак не хотел наполнять лёгкие.

Последним усилием он всё-таки заставил себя подняться, сделал несколько неуверенных шагов к реке, забрёл по щиколотку.

Медленно, едва переставляя ноги, пошёл по кромке воды.

– Гвоздик!

Он с трудом оглянулся, и увидел Катюшку в ярко-синем купальнике, загорелую, с двумя смешными косичками.

– Гвозди-иик! Я тебя зову-зову, а ты не слышишь! Ты чего какой-то не такой, — еле-еле идёшь?

– Ничего, Катюш, просто мне дышать тяжело — ответил он, и удивился, что она такая маленькая.

То есть, она конечно и была маленькая, но сколько же лет прошло! И откуда она знает, что он Гвоздик? В той, прежней жизни его звали совсем по-другому...

– Ты устал, наверное?

– Устал, Катюша, очень устал...

– А чего ты делал?

Он задумался. Как объяснить ей всё?

– Ну... Бегал, стрелял, снова бегал, опять стрелял, ползал...

– А-аа! — она снисходительно посмотрела на него, как старшая.

– Опять с мальчишками в войнушку играли? — Покачала головой сокрушенно, совсем по-бабьи. — Это же неинтересно! И как только не надоест вам?

– Надоело, Кать. Не то слово.

– Тогда давай лучше купаться?

– Купаться? Прямо сейчас?

– Ну да! Ты же мне обещал! — Она обиженно надула губы. — И ещё обещал, что на новых мостках покажешь, как прыгать в воду рыбкой!

– На каких новых мостках?

– Разве ты забыл? А на Вдовьей яме! Пойдём! — и она уверенно пошла вперёд.

Он послушно двинулся следом, но в это мгновение налетел порыв ветра, и принёс ему под ноги шелестящий бумажный листок. Он машинально наклонился, и поймал его. Обычная страничка из школьной тетради в клеточку, сложенная вчетверо, и протёртая на сгибах до дыр. С обеих сторон исписана страшно знакомым почерком. Он узнал бы этот листок даже в темноте, на ощупь.

Первое письмо от мамы, полученное им здесь. Он долго носил его в нагрудном кармане, но постепенно оно совсем обветшало, распалось и исчезло в военной неразберихе.

«... Из твоего короткого письмеца я так толком и не поняла, где ты сейчас. Пишешь про Таджикистан, но при этом так путаешься в географии, что мне поневоле в голову приходят разные тяжёлые мысли, которые я боюсь додумывать до конца...»

... Вчера встретила Ольгу Петровну, она передаёт тебе привет.

Знаешь, у неё случилось ужасное горе — летом погибла её младшая дочь Катя. Ты её конечно помнишь, вы с ней очень дружили в детстве. Они с одноклассниками пошли ночью, после выпускного вечера, купаться на ваше любимое место, на Вдовью яму. Народу было много, поэтому хватились её только утром.

Долго искали, и на третьи сутки нашли, — оказалось, она нырнула, ударилась головой о какую-то корягу, потеряла сознание и утонула. Удивительно, как Ольга Петровна смогла всё это вынести. Нет ничего страшнее на свете, сынок, чем пережить собственное дитя. Поэтому обещаю тебе, что будешь очень осторожен...»

У него нестерпимо заломило в груди. Он оторвал взгляд от письма, и понял, что больше не видит Катюшки — она ушла далеко вперёд, — на влажном песке осталась только цепочка маленьких следов. Он пошёл по этим следам, потом побежал, словно мог ещё что-то исправить.

Мостки на Вдовой яме действительно были новыми. Свежеоструганный жёлтый настил, ещё не затоптанный, с капельками выступившей на солнце смолы. Он добежал до самого края, до обреза досок.

— Катя! — крикнул отчаянно, почти без голоса.

Но её нигде не было — только спокойная гладь реки расстилалась перед ним. И тогда он прыгнул. Глубоко ушёл в жёлто-зеленоватую воду, — так глубоко, что ушам стало нестерпимо больно, и чугунно загудело в голове. Сделал несколько торопливых движений, разорвал эту мутную пелену...

И резко сел, натужно кашляя и сплёвывая на камни кровавые сгустки.

Совсем близко перед собой увидел белое лицо, распахнутые белые глаза. Белые глаза на белом лице! Почувствовал цепкие пальцы на воротнике. Коля! Совсем на себя не похож. Что он говорит?

Тут только он заметил, что на дороге, и по краю обрыва земля, как живая, вздымается высокими жирными фонтанами. Бешеный танец этих серых фонтанов показал ему плотность пулемётного огня, но мир вокруг по-прежнему был погружён в тишину. Не отрываясь, он несколько мгновений рассматривал рытвины от тяжёлых пуль, потом крепко прижал руки к ушам, поддержал мгновение, и рывком приблизил ладони к лицу. Крови на них не было. — «Слава, те... Целы барабанные перепонки! Оглушило только. Но что говорит Коля?» — Он ещё и ещё раз встряхнул головой.

— ...Гвоздик, Артюхов там... Артюхов... Да очнись же! — голос словно издали.

Медленно, страшно медленно возвращалось сознание.

— Коля. Ты откуда. Здесь взялся? Где все остальные?

– Не знаю я, ничего не знаю! Как бабахнуло — всех сбросило с брони, кого куда. Я вот сюда отлетел... А Артюхов...

Постепенно мир вновь наполнялся звуками, и он отчётливо различил отчаянный крик.

– Мама! Мама! Мне больно! Санитар!.. — крик был настолько страшен, что на какое-то мгновение он даже пожалел, что не оглох. — Санитар! — истошно вопил кто-то рядом с ними.

Он глянул и оторопел. Молодому стрелку Артюхову, прибывшему в роту с последним пополнением, взрывом оторвало обе ноги. Одну выше колена, вторую посредине голени. Откинувшись спиной к камню, Артюхов смотрел на свои оторванные ноги и тонко верещал:

– Санитар! Санитар! Мама!

На его восковом лице темнел широко раскрытый рот, а в нём язык, прижатый к зубам.

– Сани-та-ар! — Крик с каждым разом становился всё глуше.

Артюхов сидел неподвижно, но правая рука лихорадочно двигалась. Пальцы ощупывали камни, густо забрызганную кровью щебёнку.

– Ищет ноги он... Ноги... — сдавленно прошептал Коля.

Он почти с ненавистью посмотрел на Колю, и склонился над раненым. Хотел снять с приклада резиновый жгут, но, глянув в стекленеющие глаза понял, что перевязывать поздно уже.

– Потерпи, парень, — сказал он, ухватив солдата за плечи. — Ты ложись, легче будет...

Артюхов не сопротивлялся, но правая рука его, как и раньше, ощупывала всё вокруг короткими ищущими движениями. Растопыренные пальцы ткнулись в бок Коле.

– Мама! — откидывая голову, будто его ударили в поясницу, прохрипел Артюхов. — Мамочка моя...

Потом сразу обмяк, и закрыл глаза.

– Мамочка моя! — зеленея лицом, повторил Коля последние слова Артюхова. Его мучительно вырвало — Мамочка моя!..

Наверное, лицо у Гвоздика было тоже зелёное, и тошнота подступала к горлу. Он скрипнул зубами.

– Ладно, Коля, ты пока посиди. Посиди здесь, покури. Перво-на-перво нам осмотреться надо...

Приникая к земле, он осторожно выбрался на обочину. За спиной звякнуло что-то, зашуршало, осыпались камешки. Обернулся. Оказывается, Коля на четвереньках неотступно следовал за ним. Видимо, ему страшно было оставаться одному, рядом с мёртвым искалеченным Артюховым. Эх, мамочка моя!..

Тяжёлую бэу взрывом развернуло поперёк дороги, сорвало башенку и бросило на корму. Четвёртый и пятый катки слева были

начисто вырваны. На их месте и дальше, на днище, виднелась большая, в треть корпуса, вмятина в броне. Прочные сварные швы лопнули, как бумага, по сгибу. Из них на дорогу выливалось смешанное с маслом топливо. Но пламени нигде видно не было.

Разбитая гусеничная лента, как гигантская браслетка, безжизненно лежала позади машины.

А бэтэр стоял на дороге чуть впереди, с виду совершенно целый. Укрываясь между его колесами, и разбросав ноги, как на учениях, лежал за пулемётом Аникеев. Радист Гоша, серый от пыли, с потёками ещё не запёкшейся крови на лице, монотонно бормотал в микрофон: «Утёс-2, Утёс-2. Я двадцать третий. Просим помощи. Просим помощи. Основные силы отряда разбиты. Нас осталось только двое. Закрепились на окраине кишлака. Просим помощи...»

Аникеев, — словно почувствовал его взгляд, — оглянулся, тоже густо пудренный пылью. Растянул в улыбке рассечённые губы.

— Живой, Гвоздик?

— Живой, живой. Ты-то цел?

— Вроде цел. Только вот стрелять не могу, — разве что в небо, — чёртов дувал весь обзор закрывает.

— Погоди. Успеешь ещё пострелять, Ника. Да, похоже влипли мы... Ещё живые есть, не видел?

— Несколько человек с обрыва к реке сыпанули.

— А офицеры?

— Да чёрт его знает! Вон лейтенант Новак на броне лежит. Мёртвый, как тот всадник.

— Какой всадник?

— Который без головы. Голову ему оторвало. А остальные, — горю же, — по обрыву вниз рванули.

— Глупо как... И добежал кто? Ладно, ничего мы здесь не вылезим, всё равно ни хрена не видно. Надо отходить.

Укрывшись за краем обрыва, они вчетвером торопливо курили.

— Что делать будем, парни? — Аникеев привычно раздавил сигарету о подошву, и сразу машинально закурил следующую.

Что делать? Эх, кабы знать. Пробираться к своим? Вон, бой грохочет где-то совсем близко, на юго-западе. Но если выходить к своим, это километра полтора по открытому полю, на виду у всего кишлака. Даже если только ползком, по пластунски, — такие мишени для снайпера просто находка. Да что там снайпер, хватит и пары хороших автоматных очередей. Ждать здесь? Чего?

Пока наши штурмом возьмут кишлак? Это можно так сутки просидеть в этом овраге.

— Интересно, почему по нам не стреляют больше? — без особой связи с предыдущими мыслями подумал Гвоздик. — Хотя это

понятно, — бэxu они подорвали, бэтэр подбили... А нас всех духи считают покойниками, — зачем им стрелять впустую? Это, конечно, хорошо, что не стреляют...

Тут, словно отвечая ему, длинно и раскатисто ударил ДШК. Коля дёрнулся, и упал на живот. Ника как-то весь съёжился и уменьшился в размерах. Гоша растеряно закрутил головой.

Гвоздик не пошевелился, — пули прошли очень высоко над краем обрыва. И вслед за этими, улетевшими в небо пулями, к нему неожиданно пришло решение.

— Слушай, Ника, давай заведём бэтэр.

— Ты думаешь? — Аникеев посмотрел на него очень внимательно, что-то медленно, но прочно соображая. Они вообще неплохо понимали друг друга.

— А если движку хана?

— У него два движка, не может быть, чтобы сразу оба накрылись.

Если что, отключим от одного силовую, на другом дотянем.

— Хреново, что негде развернуться... Сожгут.

— Хреново. А мы сядим назад, и в поле крутанёмся. Может, духи не успеют очухаться. Только бы не мины.

— Если мины — тогда точняк кранты... Нет, не получится, Гвоздик. Сзади подбитая бэха поперёк дороги стоит!

— Одно название, что стоит. Висит над обрывом. Толкнём легонечко, она в реку и сползёт.

— А если нет?

— Э, если, если! Хорош болты болтать, пора войну воевать...

Пока они обменивались этими короткими фразами, Коля лежал безучастно, словно прислушивался к себе, а Гоша Щуп непонимающе переводил взгляд с одного на другого.

— Значит так, мужики. Мы с Гошей забираемся в люки командира и механика. На тебе, Гоша, вся забота о рации. Ты, Ника, — с Колей, через десантные. Эй, Коля, хватит землю нюхать! Ника, сядешь на место стрелка. Как только тронемся, дашь из обоих стволов по верх дувала, чтобы никто там даже головы не поднял.

— Если тронемся.

— Когда тронемся, Ника!..

Подобравшись к бэтэру, он некоторое время поглаживал колесо, словно живое существо, которое боялся спугнуть. Стрельбы не было. Приподнялся, увидел, что крышка люка механика открыта.

Успел подумать: «Хорошо, что открыт!» Подтянулся на руках, опустился в тёмный провал. Внутри — косые лучи света через дыры от крупнокалиберных пуль. Большая пробоина с оплавленными краями. Гранатомёт. Остро пахнет бензином, взрывчаткой, порохом, кровью. Механик, выпрямившись и вцепившись в руль, строго

смотрит прямо перед собой. Во лбу — круглая дыра, затылок вырван безобразно.— «Эх, мазута, вот оно как выходит, — воевать с открытым люком...»

Лязгнул металл. Шумно и неуклюже ввалился в командирский люк Щуп.

Где же Ника и Коля, чего тянут? Наконец заскрежетало по броне, раскрылся светлый проём в десантном отделении. Забрался внутрь

Ника, за ним — Коля, озираясь затравлено.

— Слушай, Гвоздик! — Коля шарил глазами по его лицу. — Там, в десантном, ребята мёртв... — он не договорил, увидев на сиденье убитого механика.

— Зачем мы сюда впёрлись? Нас же здесь всех перебьют, как мух перебьют! Зачем, Гвоздик?! Это же дырявая консервная банка, гроб на колёсах! — голос его звенел истерически, казалось, ещё немного, и он расплачется.

— Домой поедем. Я отвезу тебя домой, Коля! — зло повторил он.

Потребовалось некоторое усилие, чтобы оторвать от рулевого колеса мёртвые пальцы механика. Он перехватил его за плечи, указал подбородком на ноги — «Ника, помоги!» Вдвоём они опустили безжизненное тело на пол.

Он сел на сиденье. Собравшись с духом, положил руки на руль, ещё липкий от чужой крови. Вздыхнул глубоко.— «Ну, как учили в автошколе...» Нажал кнопку стартера. Левый двигатель кашлянул раз, другой, третий, и вдруг загудел сильно и ровно.

Ладонью он стёр холодный пот со лба, всё ещё боясь поверить в невероятное своё везение. «Это чудо. Чудо Господа Бога... Или Аллаха... Только не спешить, дать выдержку. Десять, девять... Восемь... Теперь правый стартер...»

Второй двигатель завёлся легко и охотно, словно только и ждал этой секунды.

— Живём, парни! — включил заднюю передачу, тронулся.

И тут же заревело, заклокотало в башне.

Самострел

Утро началось для Гвоздика с рыжего ротного радиста Жоры Полякова. Тот протиснулся в блиндаж, сияя конопатым лицом, как начищенной бляхой.

— Кончай ночевать, сержант! Тебя комбат вызывает. Срочно.

Ничего хорошего Гвоздик от таких срочных вызовов не ждал, поэтому спросил на всякий случай:

— А зачем вызывает? Ты случайно не знаешь, Ржавый?

— Я не Ржавый, а Золотой. Комбат мне не докладывает, что да зачем. Сказано, что срочно, и всё — пожал плечами радист.

Гвоздик помедлил минуту, ожидая, не скажет ли Жора ещё что-нибудь. Не дождался, снял со стены автомат и стал выбиратьсь из блиндажа.

— Не спеши выполнять приказание, Шальной! — крикнул вслед Поляков. — Оно может перемениться!

— Шли бы Вы... Подальше со своими советами, товарищ рядовой! — беззлобно огрызнулся Гвоздик, и выскользнул наружу.

Привычно проверил магазин, поправил ремень автомата и огляделся вокруг. Из-за гор уже выглянуло оранжевое солнце, и серые камни преобразились. Тёмный выступ на склоне, похожий на голову орла, заиграл светло-коричневыми отблесками, а груда валунов у его подножия стала тёмно-фиолетовой. Заросли в лощинках вспыхнули такой нарядной медью, будто каждый листочек, уцелевший на ветках, вычистили и отполировали. Даже тёмные расщелины, похожие на глубокие складки на гранитном теле гор, и те в лучах восходящего солнца стали густо-синими, как омуты на реке.

«Хорошо! Словно и войны нет...», — подумал Гвоздик и не спеша спустился на склон. Там возле высокого красноватого валуна разбежались тропинки. Он выбрал крайнюю правую, которая вела в штаб батальона, и пошёл вдоль склона. Ему нужно было перевалить через гребень, затем пересечь лощинку, за ней — снова небольшой подъем, и там уже батальон.

Когда до штабных модулей оставалось метров двести, он услышал за камнями осторожный металлический лязг.

«Духи! — мелькнула в голове тревожная мысль. — Засаду устроили!» Он проворно упал на землю и огляделся. Нет, на засаду непохоже. Камни, за которыми звякнуло, были метрах в тридцати в стороне от тропы. Духи не дураки. Зачем же они станут устраивать засаду так далеко? Пока оттуда добежишь, любой опомнится.

Может, просто послышалось? Нет, лязг металла раздался очень отчётливо. Тревога не покидала Гвоздика. Он осторожно сполз вниз по склону, скрытно перебежал метров пятнадцать, потом с другой стороны стал подбираться к валунам. Тяжёлые, бурые, они грудой были навалены в небольшой выбоинке на открытом склоне. За ними что-то снова лязгнуло, донеслось невнятное бормотание.

Гвоздик пополз быстрее, разыскал расщелинку, втиснулся в неё, с трудом пробрался ещё метра три и выглянул.

За камнями он увидел Таранца, снайпера из первого взвода. Присев на корточки, тот торопливо рылся в вещевом мешке. Гвоздик уже хотел было встать, но его одолело любопытство. Интересно, для чего Таранка спрятался за валуны? Может, тайком что-нибудь со-

жрать хочет? У него в вещевом мешке всегда хавчик припрятан. Как он только умудряется его добывать? Вроде все друг у друга на виду, а у Таранца частенько в мешке лишняя банка тушёнки оказывается... Таранец, то и дело осматриваясь, вытащил из мешка полотенце. Он быстро обмотал им кисть левой руки, ещё раз оглянулся по сторонам и пристроил в камнях снайперскую винтовку.

Раздался выстрел, а за ним глухой стон. Полотенце, опалённое выстрелом в упор, быстро окрашивалось кровью.

— Таранка! — крикнул Гвоздик, выскакивая из своего укрытия. — Ты чего?..

Таранец дернулся, будто его в спину ударили. Уставясь на Гвоздика, он торопливо срывал полотенце с окровавленной руки.

— Как же это ты, Таранка? — Гвоздик подбежал к валунам. — Осторожнее надо... погоди, я помогу...

Таранец, сопя, запихнул полотенце куда-то в щель между валунами.

Только тогда он повернулся к Гвоздику. Тот опешил и невольно подался назад. Обычно худое лицо Таранца теперь показалось одноцветным, плоским, как доска. И на этой доске две дырки, заклеенные серой фольгой, — серые без зрачков глаза, уставленные куда-то в живот Гвоздику. Капли крови, брызнувшие на щеку Таранца, краснели, как раздавленные вши.

Гвоздик вытащил из подсумка индивидуальный пакет и тронул Таранца за плечо.

— Давай руку, перевязать же надо... Гляди, как кровичка хлещет.

Таранец послушно протянул окровавленную руку и, словно очнувшись, торопливо заговорил:

— Ишь как она выстрелила... Сама выстрелила, Шальной. Ты ведь видел, как она сама выстрелила. Нечаянно... За камень спусковой крючок зацепился, она и бабахнула...

Он охнул от боли и попросил:

— Перевяжи, Шальной... Перевяжи скорей, а то вся кровь вытечет...

Перебирая коленями, он все ближе и ближе подбирался к Гвоздику, на весу держа развороченную выстрелом ладонь, на которой не было большого пальца.

— Надо ведь, как руку разнесло! Как я теперь без пальца-то стрелять буду?..

И в поспешных, каких-то липких словах его, вдруг невольно прозвенела радостная нотка. Прозвенела и снова спряталась. Но Гвоздик уже всё понял. Он отстранился от Таранца и встал.

— Гадина ты, — тихо сказал он, еле удерживаясь, чтобы не ударить носком ботинка в это плоское серое лицо. — Сука паршивая!..

Таранец стрельнул глазами по пустому склону, и тело его вдруг напряглось.

— Заложить меня теперь? — всё так же торопливо пробормотал он. — Нечаянно, не хотел же я... Жить ведь надо, Шальной. Мы же с тобой из одного котелка ели... Булатов вчера подорвался, его в клочья разметало... Всё, что осталось от него, мы собрали в плащ-палатку, вышло килограммов пятнадцать всего... Жить хочется, Шальной!.. Жить! — Говорил, а сам медленно подбирался к Гвоздику. С искалеченной ладони капала кровь, оставляя на камнях бурые пятна. Здоровой рукой Таранец всё пытался ухватить Гвоздика за полу куртки.

— Сашу Волчкова позавчера убили. Пуля в живот... — бесцветным, ровным голосом откликнулся Гвоздик. И вдруг сорвался на какой-то свистящий шёпот. — Людей убивают, а ты жить хочешь, гнида?!..

— Не губи, Шальной, — жалобно ныл Таранец, а глазами зорко обшаривал склон. — Не закладывай... Я тебе чеков дам, у меня чеки есть...

— Руку перевяжи, — брезгливо сказал Гвоздик, и сплюнул. — Смотри, кровью изойдёшь. Иди в роту, там с тобой пусть разбираются. Тоже мне, снайпер...

— Не закладывай, Шальной, — в голосе Таранца появились вдруг твёрдые, угрожающие нотки. Он нашарил винтовку, отлетевшую под валун.

«Вот сволочь, за винтовкой полез», — без страха подумал Гвоздик. Он понимал, что должен опередить Таранца, взять автомат наизготовку, окриком поднять его на ноги и так, под конвоем привести в роту. Но ему было противно смотреть на Таранца, до тошноты противно видеть его перекошенное страхом лицо, его пустые глаза. Слушать эти бессвязные слова. Он повернулся и молча пошёл прочь по склону.

— Смотри не заложь, Шальной! — догнал его тонкий выкрик. Затем возле валунов лягнул затвор, и Гвоздик ощутил на спине зрачок винтовочного дула.

«Неужели выстрелит?» — как о чём-то постороннем, подумал Гвоздик. Но не повернулся, а нарочно замедлил шаги.

— Шальной, миленький, не закладывай!.. — донесся от валунов стонущий крик.

Струсил, гад, не смог выстрелить. Может, самому развернуться и врезать из автомата по этой мокрице, чтобы воздух не портил? И давить, давить на спуск, — пока магазин не кончится, — с удовольствием глядя на разлетающиеся кровавые комья... «Пельмешки! Пельмешки!..» — отчётливо и звонко прозвучал у него в ушах

голос Матвейчука. Гвоздик внутренне содрогнулся от собственных мыслей. Он понял, что не повернётся, и не изрешетит Таранца. У него на это просто не хватало ненависти.

Родник и дыни

... Однажды возвращались с проводки колонны по дороге на Пули-Хумри. И уже довольно близко от «дома» механик водитель решил полихачить, — крутанул «пятак» на развороте. Это, когда не сбавляя скорости тормозят одну гусеницу, и машина делает полный разворот на месте, оставляя круглый след — «пятак». Но тут вышла незадача — бэха «разулась» — слетела одна гусеница. Это часа два возни...

— Ну, командир роты психанул (его понять можно), наорал на меня — мол, твоё отделение, твой водитель машину разул. Вот, дескать, и обувайтесь теперь тут, на жаре, как хотите. А через два часа чтобы были в расположении части. И укатил с двумя оставшимися машинами...

Делать нечего. Пока инструмент достали, то да сё... А я знал, что метрах в трёхстах от дороги, — в укромном местечке, — есть родник настоящий. Вообще, там сырую воду пить нельзя категорически — смертельно опасно. А тут — чистейший родник...

В общем, взял я две канистры пластиковых. Хотел взять с собой своего второго номера, да передумал — как олухов своих без пулемётчика оставлять? Позвал с собой чиж (молодого бойца), и пошли мы с ним по воду, — как в деревне...

Прошли поворот дороги, вышли на склон, спустились метров на двести, — там тропинка узенькая, козья — прямо к роднику.

Обогнули каменный выступ... Смотрю, возле родника, — вокруг небольшой впадины с прозрачной водой, — сидят духи. Человек десять. Рядом, пристроенные к камням, стоят автоматы, парочка гранатомётов... Пулемёт стоит на сошках. А бородатые люди мирно едят дыни внушительных размеров. Дыни лежат прямо на земле, горкой — как пушечные ядра...

Встреча оказалась совершенно внезапной для всех: сидящие у родника застыли прямо с ломтями дыни в руках. Я смотрю, а у моего напарника лицо стало белым-белым, как гипсовая маска. Я, правда, успел ему сказать: «Только не хватайся за автомат, и ничего не бойся. Всё обойдётся». А что именно, и как оно «обойдётся», я и сам не знал.

Подошёл к сидящим у воды людям. Всё происходящее было для них настолько неожиданным, что в ответ на моё «Салам алейкум»

одни лишь переглянулись, другие произнесли нечто невнятное. Я тогда демонстративно прислонил свой автомат к камню, — прямо рядышком с их оружием, подошёл к роднику и стал умываться. А они просто наблюдали за мной, — без движений, без слов, без эмоций.

Умывшись родниковой водой, я повернулся, и, — совершенно неожиданно для себя самого, — спросил: «Хатакай ширин аст?» — «Дыня сладкая?» До сих пор не знаю, кто меня надоумил сказать именно эту простенькую фразу. Мой вопрос мгновенно разрядил гнетущую обстановку: все захохотали так, словно в жизни не слышали ничего более смешного. Все разом загалдели, а человек, сидевший возле дынь, стал щедро их разрезать, протягивая мне и подошедшему следом бледному напарнику большие куски.

Думаю, сработал многовековой закон восточного гостеприимства. Мы превратились в гостей, в путников, подошедших «на огонёк».

Точнее, «на водопой» Не поделиться в тот момент с нами куском дыни, а тем более нас убить, для афганца было просто невыносимо, — как, например, нанести оскорбление собственным отцу или матери. Ситуацию в тот момент мог испортить только законченный фанатик, или наркоман, не контролирующий своих действий. Видимо, среди тех, с кем мы повстречались у родника, таких не было. Совершенно не помню, о чём был разговор. И был ли вообще. Мы вполне мирно расстались минут через десять, без преувеличения показавшихся вечностью.

А вот прощание было почти трогательным. Мы ушли восвояси с двумя канистрами воды и с двумя дынями.

Воспоминание

Цвела земля, трудились пчёлы,
Кузнечиков пел сводный хор.
Я беззаботно, увлечённо
Поляны слушал разговор.

Вдыхал июньский жаркий полдень,
Цветов и трав густой настой,
Чтоб навсегда его запомнить,
Как запах родины лесной.

Познал тогда я слово «счастье».
Теперь-то знаю — счастлив был,
Когда в лугах, как на причастье,
Медовый тёплый воздух пил

Таинство

Приходит час заметный,
вечерний поздний час:
беседую с поэтами,
общением лечась,

всего лишь книга —
таинство,
строкою за строкой
в меня стихом вливается
широкою рекой.

Живое слово дорого,
как дорог близкий друг.
Оно подобно пороху —
прочтёшь и вспыхнешь вдруг.

Гармония

Вот так бы сидеть,
отрешённо смотреть —
На реку, на лес,
на ромашковый луг.
Пытаться понять,
как живет муравейник —
Загадка природы
у старой сосны.
Забыть обо всём —
нет прекрасней минуты.
В гармонии мира вдруг
место найти...
С собою не спорить
и, всё понимая,
Быть птицею и небе
иль рыбой в реке...

* * *

Лето катится в осень
незаметно и споро,
созревают плоды,
и отпели все птицы.
Всё в природе разумно,
и невидима скорость:
смена времени года
не имеет границы.

Удивленья достойны
паук и травинка.
Жизнь во всём многоцветье —
природы подарок.
Человек, по легенде, —
это лишь половинка,
а вторую найдёшь —
будто током ударит!

Быть счастливым —
задача не всегда выполнима.
Всё успеть невозможно,
да и нужно ли это?
Нелегко полюбить,
нелегко быть любимым...
Незаметно и споро
в осень катится лето...

Осенний вальс

Желтый лист на асфальте заплатой,
клен меняет свой летний наряд.
В моде осенью желтое платье —
холод красит, а ветры кроят.
И окажется платье ненужным
где-нибудь на пороге зимы.
Листья кружатся, листья кружат...
Вместе с листьями кружимся мы...

ГОЛОСА ЗЕМЛИ КАЛУЖСКОЙ

Баклашкина Лидия

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА РОССИИ САДЫХА БАГИРОВА 18.08.1940–15.05.2015

Калужский бакинец

Багиров Садых Иман-оглы (по-русски это звучит, как Иманович) — член Союза художников России, родился 18.08.1940 года в городе Баку — столице Советского Азербайджана. Детство и юность до призыва в Вооружённые Силы, прошли, именно, в этом прекрасном уголке нашей Великой Родины. Здесь проявились его способности к живописи и графике. Отслужив в рядах Вооружённых Сил, молодой человек поступает в Саратовское художественное училище им. А. П. Боголюбова, а затем на факультет промышленной графики Харьковского художественного института имени И. Е. Репина. С 1978 года Садых Багиров жил, творил, передавал свои знания и опыт своим ученикам в городе Калуге. «Мой адрес — Советский Союз», — говорил сам художник. «Считаю себя настоящим гражданином СССР». В городе Калуге Садых Иманович нашёл свою «тихую семейную гавань». В Калуге прошла лучшая половина его яркой творческой жизни.

Оборвалась жизнь Мастера кисти неожиданно — 15.05.2015 года, за полгода до его Юбилейной выставки.

Встречи с прекрасным

15 мая 2015 года ушёл из жизни радужный, солнечный человек и яркая творческая личность — талантливый художник — Садых Иманович Багиров. В быстротечности наших будней и событий, в наше такое непростое время, я не заметила его ухода. Мне казалось, что видела его совсем недавно, выходящим из Дома художника. А в витринных окнах выставочного зала рассматривала — работы его учеников. Ведь Садых Иманович был руководителем студии «Вдохновение». И от друзей до меня доходили слухи, что все родители детей, поступающих в студию С. И. Багирова, просто рвутся попасть в группы к самому Мастеру и только к нему.

Прохожу мимо Выставочного зала, как всегда заглядывая в витрину...

Пронзила афиша: 18 ноября 2015 года в калужском Доме художника состоится открытие выставки Садыха Имановича Багирова (18.08.1940–15.05.2015) ... Долго стояла я у афиши. Силась понять — как же так?!. Художник готовил её к своему 75 — летнему Юбилею, но ушёл в мир иной за полгода до её открытия. В печали вглядывалась я в картины Мастера, выставленные в витринных окнах Дома художника, но не видела изображения, слёзы застилали глаза. В зал, на Выставку в этот день я не пошла...

Встречи бывают разные: деловые, дружеские, одноклассников...

А бывают встречи с прекрасным, встречи — знакомства с радушными, удивительными, талантливыми людьми...

Стояло жаркое лето 1992 года, июнь месяц... С произведениями художника Садыха Багирова калужане могли познакомиться, даже не заходя в Выставочный зал. А многие из них, в том числе и я, каждый день проходят мимо витрин Выставочного зала и останавливаются хотя бы на мгновение, как будто заряжаясь на целый день добротой, любовью, хорошим настроением.

«Осенний день», «Летний полдень», «Пробуждение», «Летний день» и, конечно же, «Раздумье». В этих работах художника естественный цвет, смело используются тени, что придаёт изображению большую объёмность, рельефность. И вместе с тем присутствует своё понимание природы, понимание чисто психологическое.

Картины художника не зеркальное отображение действительности. Это — результат его глубоких внутренних переживаний. В каждое полотно художник вложил частицу своей поэтической души. Всё вместе создаёт тот неповторимый эффект, когда верится, что, раздвинув стёкла витрин и коснувшись полотна рукой, вы почувствуете, как бьётся живое сердце.

Я с волнением и трепетом, прихватив, попавшийся мне наудачу букет из 19 маленьких роз, переступила порог приёмной Председателя калужского отделения

Союза художников России (Садых Иманович исполнял на тот момент его обязанности). Как поклонник таланта художника, сказав слова благодарности, вручила ему букет. Как радушный хозяин, он предложил присесть. Завязалась непринуждённая беседа. Моё мнение по поводу выставленных картин Садых Иманович с вниманием выслушал, спросив не журналист ли я?! Я ответила, что это моя не реализованная мечта. Тогда художник сказал мне: « А Вы попробуйте написать всё, о чём со мной поделились! У Вас обязательно получится, и опубликуйте». Так Садых Иманович стал и моим Учителем. Очерк — заметка была опубликована в областной газете «Знамя» несколько позже Дня Учителя. А к Дню Учителя по заказу редакции мной была написана заметка — очерк о заслуженном Учителе школы № 5 Харитоновой Н. Г.. Так с лёгкой руки Садыха Имановича осуществилась моя мечта.

А в небольшой мастерской художника разместился весь его реальный мир. Здесь, рядом с картинами, написанными маслом, соседствуют акварели, томики стихов на полках — с пластинками. Здесь всё, что так дорого мастеру, здесь рождаются его полотна. Вот и запомнившееся «Раздумье»... На первом плане в центре — одинокая берёзка трепещет на ветру, седой туман повисший над водой, — явление временное — рассеется с лучами восходящего солнца. Пробивающийся солнечный свет свидетельствует о наступлении нового ясного дня, вселяет веру и надежду...

Хотя, по словам художника, каждый волен трактовать идею картины по-своему, ведь название картины к этому располагает.

Хороши акварели из серии «Калужские дворики». Вот дворики в районе Космодемьянской и Успенской церквей, а это знакомая всем «Смоленка». Во всех этих работах неотъемлемой частью пейзажа являются церкви и храмы, которыми так богат наш город. Рамки картин расширяются, чувствуется присутствие высшей духовной силы.

А на мольберте — незаконченная картина. Всего несколько взмахов кисти не хватает для того, чтобы вдохнуть в неё жизнь. И с вопросом, когда же мы сможем увидеть новую работу, — я обращаюсь к художнику. Он в растерянности помолчал, а затем ответил:

— Художник — это не профессия, а состояние души. А оно зависит от эмоций ...

— Считаете ли Вы, что самая главная вершина в Вашем творчестве взята?

— Нет, не считаю, так как мечта — каждого художника быть похожим только на себя. Его картины должны быть узнаваемы без фамилии на рамке. Именно к этому я стремлюсь...

— Ваши ближайшие планы?

— Всё-таки окончить начатую работу и продолжить работу над серией «Калужские дворики».

Садых Багиров — патриот своей Родины, просветитель, художник, педагог

Тема Родины всегда жила в Садыхе Имановиче. Он помнил напутствие родителей — не отрываться от своих корней. Много путешествовал по Азербайджану. Немногие азербайджанцы могут сказать, что путешествовали по своей стране и изъездили её вдоль и поперёк, как Садых Багиров. И, прожив в России сорок лет, считал её также своей Родиной. В одной из бесед Садыху Имановичу был задан вопрос: « Как быстро он вошёл в русский пейзаж?!». Ответом было: « Я загораюсь, я влюбляюсь в русский пейзаж. Сразу берусь за кисть. Пишу и забываю, какой я национальности... Я — русский!»

Первая персональная Выставка работ Садыха Багирова прошла в Саратовской области в 1962 году. Он участник городских, областных, республиканских выставок.

Но и, как педагог, Учитель, Мастер — Садых Иманович большую часть своего времени уделял своим ученикам. А среди его учеников были не только дети, но и взрослые дети. С детьми художник и педагог работал в художественных школах и других школах города, в студии «Вдохновение». Садыхом Имановичем также устраивались Выставки работ его учеников. Так портрет Татьяны Баклашкиной — поэта и музыканта — работы Андрея Чепикова — ученика Садыха Багирова можно увидеть на именном стенде поэта в кабинете литературы, в музее средней школы № 5, а также в книге Татьяны «Прикосновение любви» издательства Валерия Лебединского, 2018 года.

На Выставке Садыха Имановича Багирова (18.08.1940–15.05.2015), открывшейся 18 ноября 2015 года в Доме художника было выставлено более двухсот картин. Выставка фактически прошла под знаком 75-летнего Юбилея со Дня рождения и дня Памяти замечательного художника. Посетителей Выставки встречал парадный автопортрет художника в белой раме, на котором художник запечатлел себя торжественным, удивительным, благородным, лучезарным и узнаваемым, как и все его необыкновенные полотна.

В картинах, выполненных в масле и акварели, образы милой Калуги и Калужского края, и образы старого и нового Баку, колоритные азербайджанские мотивы.

Среди русских пейзажей большое полотно «О, Русь моя!». Есенинские мотивы: красота, удаль, даль, равнина с перелесками, церквушка вдали... «Перед грозой». Поле скошено. Тучи кучевыми облаками сгущаются, небо, ещё светлое сверху и темнеющее у горизонта. Мужичок на возке торопится до грозы успеть домой. Несомненный дар художника передать различные состояния очарования русской природы.

Яркая, праздничная, лучистая «Ночная Калуга». Центральная улица города Калуги — Кирова. Картина «Каменный мост» в овальной раме. Ночной вид. Таинственно и сказочно, с силуэтами старых храмов на светлом фоне лунного неба... Из-под кисти многих художников выходили работы с достопримечательностями родной Калуги, но картины Садыха Имановича узнаваемы без надписи на рамке. Восторжествовала мечта художника — быть похожим только на себя...

Колоритные азербайджанские мотивы. Портрет азербайджанской поэтессы 19 века Натаван в национальной одежде. Она и сегодня вместе со своим народом. Азербайджанцы бережно хранят память об этой удивительной женщине, любят её поэзию.

Большая многоплановая картина, посвящённая трагическим событиям в Карабахе в 1992 году. Многострадальная земля ждёт мира.

Самой любимой темой художника была Бакинская тема — «Девичья башня». Рисунки и современной и прошлых веков. Скорее фантазии на тему. Любовная легенда о Девичьей башне вдохновляла Садыха Имановича. Существует в Азербайджане легенда о девушке из богатой семьи, которая полюбила бедного юношу. Отец нашёл ей богатого, видного жениха. Но несчастная девушка не захотела его принять и кинулась с высокой башни прямо в пучину вод. Волны выбросили бездыханное тело красавицы в красном платье на камни. Изображена башня и бедный юноша, нашедший девушку. Красивому преданию посвящены стихи, поэмы, опера, балет, но картины нет. Так родилась идея создания картины. Так была создана картина «Девичья башня. Легенда». (Первый вариант «Легенда»)

Работы художника находятся в частных собраниях России, Азербайджана, Польши, Германии, Франции, Италии, Бразилии и др.

Год 2020 будет Юбилейным годом: 18 августа исполнилось бы семьдесят лет со Дня рождения С. И. Багирова, а 15 мая — в День Памяти исполнится пять лет ухода его в мир иной. В Калуге Мастер творил, здесь же почил, здесь же покоится его прах...

Садых Иманович мечтал, чтобы в Баку открыли его музей или галерею. Конечно, его мечта должна осуществиться, как память о настоящем патриоте своей Родины, просветителе, талантливом художнике, прекрасном педагоге и общественном деятеле. Он живёт в нашем мире в детях, внуках, учениках, в своём неповторимом творчестве и наших сердцах. Творчество неиссякаемо...

Вечная и светлая память Мастеру!

Читая Тютчева

«Мысль изреченная есть ложь»
Ф. Тютчев

Мысль изреченная ложью становится
В миг изречения, в неправедный час.
Праздное слово поспешно промолвится,
Дальше — хоть что-то зависит от нас?

Слово-признание — теряет значение,
Слово-обет — не спасает от бед.
Мысль изреченная будит сомнения,
В слове не видим мы истины свет.

Мысль первозданна, в ней — суть сохраняется,
Можно понять её даже без слов.
Слово предаст тебя, смысл в нём — теряется,
Сам от него ты отречься готов.

Чувства, надежды, мечты и желания
В слово легко не старайся облечь.
Взглядом, улыбкой, святым пониманием
Истину мысли попробуй сберечь.

Пастернак

«Мне Брамса сыграют»...
Б. Пастернак

Я издавна мучима странным желаньем
Была, и поведать не смела о нем:
Полжизни могла б я отдать за свиданье
С любимым поэтом в обличье живом.

Сказали мне люди: он наш современник,
Есть хроники кадры и съёмки тех лет.
Затея не стоит ни жертв и ни денег:
Включи свой компьютер, зайди в Интернет.

Так вот он зачем — всех премудростей кладезь,
На сотни вопросов дающий ответ,
Сулящий свиданья нежданного радость,
Мне в прошлое давший обратный билет!

Поэта увижу — замру суеверно:
Тот профиль знакомый, в полуоборот,
И лоб, так природой очерченный верно,
Пронзительность взгляда и брови вразлёт.

Высокий, красивый, такой элегантней,
Казался чужим он в безликой толпе.
По сути, он был одиноким гигантом,
Что шёл по своей — гениальной — тропе.

Поэта услышу — и вдруг онемею...
Явление чуда иль сбывшийся сон?
Я голос негромкий забыть не сумею
И тембра особенный, искренний тон.

Я знаю: в другом, ритуальном прочтенье
С экранов звучали стихи, и со сцен,
И зрители новых, иных поколений
Легко и светло попадали в их плен.

Кому помешали те честные строки,
Что мы не устанем стократ повторять,
Зовущие жить без борьбы и без склоки
И жизнь, как сестру, как подругу, — обнять?

Кому помешали — чернильницы грани
И вечной свечи восковая слеза,
Седые туманы в предутренней рани
И ландыш, по-детски открывший глаза?

Поэзия знала большие антракты,
Россия теряла своих мастеров.
Времен безголосых стоят артефакты...
Могли обойтись мы без этих даров!

Все те, что кричали: «Стихи его плохи!»,
Ушли, не оставив в веках — ничего.
Вы звали его быть достойным эпохи,
Была ли эпоха — достойна его?

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Ксения Наровчатова

* * *

Из простора Руси
Вековой колокол
Слышен далеко в душе
Соединяет вечное с земным.

* * *

Рядом с чуткими цветами
У могильного памятника,
Заросшего мхом
Постою,
Стершееся имя различая —
Жизнь бабушки уже давно прошла
Под защитой
Скупых небес.

Вселенский снегопад

В. Е. Субботину

Мои сны от меня далеки:
Я шла по кладбищу, следов не оставляя.
Жив Василий Субботин
В заснеженном сне:
Из вечности оберегает
Родные тени он незримо,
С улыбкой, глядя на меня издавека.
Тени, успокоенно, ушли в земную жизнь,
Оставляя светлые следы.
Поэт Субботин — возвышенно сиял,
Своей могилой отделенный от меня,
И все спокойнее, крупнее
Вселенский снегопад над нами,
И сон невидим стал.

24.04.2019 г.

* * *

Русская земля.
Заповедные места —
Пушкинские горы.
С высоты своих столетий
Старый дуб шумит...
Я тонких листьев
Чуть касаюсь —
Их бабушка моя
Изящными руками
Когда-то в книгу положила.
Таят они далёкий аромат.

* * *

Бабушка моя
В былые времена
Старинные иконы
Обновляла.
Строгий лик
Николая Угодника
Нас соединяет
Затаенным светом.

Воспоминания Арво Метса

(сон)

Как в затерянное прошлое
Вхожу в листопад сна:
Собираю прохладу
Жёлтых листьев.
Повеяло дыханьем лёгким:
Тонко проступил
Образ Арво Метса
Над тишиной стихов —
Так приходит молитва
В осенние леса.

22.04.2019 г.

Спасение

А. А. Парпаре

Над обрывом сна
Шёл по улицам города
Поэт Парпара —
Он был молчалив и крепок,
Сила в каждой строке
И хранил в себе мудрость эпох.
А жизнь вокруг была бурна —
И прямо подо мной
Медленно и неуклонно,
Расходились каменные плиты.
Поэт Анатолий Парпара,
С улыбкой, вернулся ко мне
И подал надёжно руку,
И вновь пошёл сквозь века.
Безмолвно ему поклонилась
И долго смотрела вслед.
И ясно в душе
Свыше голос звучал:
«Вот они — Столпы человечества».

5.10.2018 г.

* * *

Лёгкие цветы —
Вишен внутренний свет
Просиял, как чистая совесть.

* * *

Шмель, облетая день,
Чутко знает
Каждый цветок.

* * *

Пролетел шмель —
Тихий голос утра
Затерялся в цветах.

* * *

Тяжело жужжа,
Поднялся летний день
И скрылся,
На меня не взглянув.

* * *

Солнца дождь!
Так и приходит весна —
По тонкому льду.

Старенькому чижикю
поэта Виктора Гончарова

До перьев седых
Чижик в клетке дожил.
И вырвался
В иссушенное лето.
Так тяжело и неуверенно летел
И вольной птицей умер.

* * *

Настежь открыта калитка
Для торжества Весны —
Солнце цветущим светом
Сад преобразило.

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Элена Виткова

* * *

Пытаются внушить, что надобно стыдиться
Истории своей и робко прятать лица,
Стесняясь русским быть. И якобы с колен
Недавно поднялись. Что всё бывшее — тлен.

Но восстаёт волна узорчатого шёлка,
И Лада бьёт крылом. И гусли ропщут громко.
И корни разбудил огнём народный гнев.
И плавится душа, корысть и боль презрев.

Ах, русские мои, негромкие, простые,
Вы дышите душой и сердцем, как святые,
На ласковой земле, открытой всем ветрам,
Где эхо гулкое разносит: « Аз воздам!»

А тихим вечером, когда душа томится,
Горят экраны, шелестят страницы.
И льётся предков сказочный напев,
На детских душах золотом осев.

И добрый ангел строчки нам предложит:
«Я вас любил, любовь ещё быть может...»
Нельзя историю нам забывать и речь,
Что вместе с верою доверено сберечь.

Валерия Шубина — прозаик, эссеист, публицист. Автор ряда книг прозы, в том числе «Мода на короля Умберто», «Гербарий огня», «Женщина-катафалк», «Недобитые, праздные», «Портрет из холодного воздуха». Последняя книга «Колыма становится текстом» (2018 г.) — монтажный опыт автобиографического повествования, где автор не отделяет свою жизнь от судьбы узников Колымы, выдающихся заключённых ГУЛАГа (В. Шаламов, Г. Демидов, Л. Бородин), соотносит их пребывание в этом мире с мифическим странствием Орфея, вынося в заглавие первой части: «Орфей, ты только убит». Книга вызвала ряд интересных рецензий в прессе («Независимая газета», «День литературы», журналах «Литература», «Дон», «Дружба народов», «Москва»). В одной из рецензий замечено: «... на традиционное повествование о репрессиях этот, как всегда, изысканный и обстоятельный текст не похож».

Публиковалась в журналах «Москва», «Континент» (при В. Максимова), «Литературная учеба» (при А. Михайлове), «Странник», «Знание-сила», «Истина и жизнь», «Предлог» и др. Постоянный автор «Литературной газеты» конца 70–80 годов (вторая тетрадь, раздел «Человек и экономика», тираж 5 млн.), а также отдела прозы «Литературной России». Одно время была под запретом ЦК КПСС за публицистический материал об охоте в «ЛГ». В Союз писателей рекомендована Юрием Домбровским.

Самым точным отзывом о своей работе считает мнение Ильи Миньковецкого, заслуженного деятеля искусств (постоянного оператора кинорежиссеров Владимира Басова и Рустама Хамдамова), высказанное в интервью. Давая положительный отзыв ее рассказам, эссе, повестям, И. Миньковецкий говорит: «Тем удивительнее, что это пишется в коммерческое время, когда в ход идёт не столько добротное, сколько доступное».

Заливанский-Непросыханский-Нащокинский, или по другую сторону матрицы

Всё, что описано ниже, случилось в Нащокинском переулке. В Москве есть такой недалеко от Пречистенки. Сюда на новую аренду переехал банк, где в 90-е я получала проценты от акций, добытых за бумажку под названием «ваучер». Не так чтобы я презирала эти гроши, но, ступая в Нащокинский, я думала о другом. В моей насквозь литературной башке крутилось: «А не отсюда ли вышла «Пиковая дама»?» Ведь здесь у Нащокина жил Пушкин. Играл в карты. Не тут ли задумал встречу старой графини с таинственным чудачком Сен-Жерменом, знавшим тайну трёх карт. Ведь во времена Пушкина само это место называли Сен-Жерменским предместьем. Писали как о злачном уголке, куда тянуло разношерстную эксцентричную публику: от артистов до шарлатанов. И Нащокин Павел Воинович, живший здесь, отличался чудачествами. О нём как о фантастическом сумасброде вспоминают мемуаристы, и всегда хорошо. Пушкин любил его, хотя в письме к жене жаловался: «... дом его бестолочь и ералаш... Всем вольный вход, всем до него нужда, всякий кричит, курит трубку, обедает, поёт, пляшет...» В письме ничего о карточной игре, но именно она привлекала народ. И, конечно, деньги. Нащокин давал в долг, обратно не требовал, если не отдавали, прощал, зла ни на кого не держал. И Жуковский, и Баратынский, и Гоголь, Брюллов... всех не перечесать! дивились его расточительству, но всегда с уважением. Отмечали его чистую совесть, великодушные. Особняк Нащокина знал каждый извозчик и вез к нему по одной только фамилии.

Собственно, пребывание Пушкина и сохранило небольшой дом от сноса, к тому же наградило мемориальной доской. А приятелем Нащокин был верным и близким. Не всякого попросил бы Пушкин одолжить ему фрак для венчания, что Нащокин и сделал, и не во всяком фраке Поэта положили бы в гроб. Да и не всякого выручал бы Пушкин деньгами, сам не богач, когда бесшабашный приятель оставался с пустыми карманами, так что и дрова не мог оплатить — топил домашние печи своей мебелью красного дерева.

И вот в очередной раз, оказавшись в Нащокинском переулке, по дороге из банка я неожиданно встретила знакомого. Он уже не числился у меня хорошим и добрым, «паном Завязанским» не состоял. В этом звании он пробыл всего три дня, за что и получил от меня подорожную вместе со словом «завязка», чтоб не сказать «трезвость». Однако, обретя человеческий образ, он обнаружил в себе муки совести и превратился весь в дипломатию. И так и этак подъезжал — всё

зря. Он был в курсе моих маршрутов и знал, что из банка я часто возвращалась ни с чем: проценты не столько перечисляли, сколько кормили «завтраками». Оттого плут и надумал подкараулить меня, чтобы передать небольшой пакет. Нет-нет, не деньги в нём были. Из обёрточной бумаги я вытащила миниатюрный потрёпанный фолиант.

Пока я дивилась подарку, знакомый подался за угол, как сказал, на пару минут. Но не вернулся и через десять. Человек он был странный, не без заскоков и выходов, в своем стиле — оригинал. В прошлом картёжник не столько игравший, сколько дороживший зрелищем азартной игры.

И вот я стояла, держа ворох бумажных обёрток, не зная, как быть со старинной книжкой. Романтика в голове побуждала увидеть в ней рыцарское подношение. Плут не чурался высоких движений, в том числе и раскаяний за прошлую пьянку. Иногда последний кусок отрывал от сердца ради одного только безмолвного жеста. Он, как и я, пробавлялся пером, и, набив руку на разных исторических байках, тискал их в жёлтых газетках за подписью «Архивариус». Но в отличие от меня кое-что зарабатывал. Он, например, выуживал какую-нибудь Диану де Пуатье из роскошного будуара и, освободив от пары-другой стилистических оборотов, выставлял на всеобщее обозрение: читайте, почтенная публика, жили же люди!

Дома я подробнее рассмотрела издание.

Книжка напоминала растрепанную колоду карт, засунутую в переплёт. Ни фамилии автора, ни названия. Странички летели, готовые рассыпаться на глазах. Но из оглавления было ясно, что речь о королях Франции в том смысле, насколько они привержены дамскому полу. Начиная с Франциска I, таинственный автор тащил их через спальни, ничуть не заботясь, по душе ли монархам такая бесцеремонность. Нравы двора, интриги, капризы фавориток — всё выворачивалось наизнанку, монаршее правление представлялось сплошным маневрированием от одной юбки к другой. Возможно, оно так и было, и, следя за мытарствами королей, читатель мог с уверенностью сказать, что фаворитки — дело далеко не простое и не каждому по зубам. Не одно поколение читателей держало эту книжку: такой затрёпанностью не всякая классика могла похвалиться.

Характер другой утраты (помимо заглавия) тоже говорил сам за себя, придясь на беспорочного Франциска II. Этот юнец, может, и превзошёл бы предшественника, но слишком рано скончался. Его супруге Марии Стюарт ничего не оставалось, как наверстывать упущенное за него. Она, известно, преуспела сверх меры, однако на территории Англии, а эта страна не подлежала авторскому рассмотрению. Так что выпадение второго Франциска не нарушило строй-

ности изложения: в чём оно не нуждалось, так в примере целомудренности и поста.

Надо же угадать — жизнь королей пришлась кстати.

Когда банк снова оставил меня на бобах, я взяла эту книжку рассеяться. Она лежала на глазах и как бы просилась в руки. Я приняла эту милую ветхость с тем чувством, с каким прежде вынимали вещи из бабушкина сундука. Прелый запах страниц, желтизна бумаги — обаяние исходило от всего, а тут ещё реверансы графинь, исполненные старой орфографии, полустёртые «яти» и «еры», миниатюрное поле набора — здесь среди парчовых камзолов и пудренных париков искали утех монархи. На ночь глядя и не заметила, как маски, кавалеры, венерины игры перетянули к себе. Из прочих выделился крошечный человек — рыжий, с зелёными глазами. Как видно, любовный театр представлялся ему сатирой на род человеческий, он явно не притязал тут на роль, да и внешность его такой скромности потакала. Увидев меня, он представился: «Маркиз Квинола». И несколько не огорчился, что имя мне ничего не сказало.

– Не трудитесь вспоминать, — сказал он. — Мои современники: Казанова и Сен-Жермен, их имена навязли в зубах, а мне удалось проскользнуть незамеченным. Я не знаменитый любовник, не маг, как они, признанием времени не запятнан и, смею уверить, не доби-вался его. Опыт научил остерегаться внимания...

Я удивилась, привыкнув слышать обратное.

– Порой и самому скрытному персонажу, — продолжил Квинола, — выпадает выйти на обозрение и предъявить свой счёт, тем паче: исчисление цифр — его занятие

– Так вы чернокнижник?

– В той же степени, сколь и доморощенный математик, и тайный доброжелатель одной загадочной дамы... Увы, её ранняя смерть послужила успеху соперницы.

Я навестила уши.

– У меня не вошло в привычку афишировать свои действия, и моё появление вас ни к чему не обяжет. Однако маленькая импровизация в духе Рамо, наверно, не помешает.

– Рамо... Композитор... да он уже пару веков, как вышел в тираж, — сказала я с уверенностью профана. Но внутренний голос одернул:

«Нет, не в тираж. То ли Стравинский, а скорей Дебюсси его вперёд Глюка поставил. А кто такой Глюк, если не сам Орфей». — И мелодия флейты... не то чтобы почудилась... Без звука её исполняла память.

– В мою пору Рамо был в большой моде, — продолжал Квинола. — Его оперу давали при дворе. Король слушал её не раз, и злые

языки уверяли, что на представлении он обратил внимание на одну приметную даму. И в своём интересе вышел за рамки. Не столько на сцену, как на неё смотрел и смотрел. Её звали маркиза де Шатору. Тогда она была статс-дамой, успела овдоветь и весь пыл употребила на карты. Со своей тётушкой герцогиней просиживала за игрой до утра. Людовик XV, равнодушный к соблазнам иной игры — игры сердец, терял в её глазах половину достоинств. Маркиза благоволила лишь к карточным игрокам. Подобная цельность натуры хороша, когда не касается королей. Тем паче Людовиков. Пятнадцатый полагал, что и без карт значит кое-чего. Но, увы! Маркиза решила не утруждаться любовью, если одна сторона взяла на себя этот труд. Людовик XV был готов на глупости, когда маркиза потребовала безумств. Ни много, ни мало как самую высокую ставку желала она разыграть с самолюбивым монархом. Тогда по Парижу пошла гулять шутка, что, избрав наслаждение выигрыша, она доставит любовнику наслаждение проигрыша. Необузданные влечения заводили её далеко. Как-то играя, она покрыла козырем карту одной влиятельной дамы и помешала ей сорвать банк. Король не обратил на это внимания. Однако недоброжелательница повела себя по-другому. С помощью бокала вина от мрачного лекаря-мавра она впоследствии рассчиталась с соперницей.

Слушая, я не раз и не два вспоминала «Пиковую даму», слова Томского о Венере Московской, её проигрыше герцогу Орлеанскому в Париже, при дворе Людовика XV. Я находила много похожего, но была далека от того, чтобы считать Квинолу Томским. Он был историческим персонажем, и, похоже, горел донести блеск былого безувеличительных стекол.

Из его дальнейших слов выходило, что в угоду азартной особе Людовик XV освоил игру, преуспел в ней и скоро начал оставлять свою наставницу позади. Выигрыши он брал себе, проигранное высчитывал из казны сообразно собственным утверждениям: «Государство — это я» и «После меня хоть потоп».

— Однажды она проигралась до последнего су и не знала, что делать. Король ей напомнил: «У вас в остатке поместье». Маркиза прикусила губу и признала себя побеждённой. Неизвестно, поостыла ли она после этого к картам, но больше её не видели за игорным столом. Поговаривали, что она приобщилась одной любви. Но это не так. Она кинулась играть в лотерею. Это изобретение только начало утверждаться. Три восходящих награды ждали счастливец: ямб, терн и кватерн. Но маркизе не повезло и здесь: едва она делала ставку, как прежние числа выходили в тираж. Надежда отыгратся отступала всё дальше. От досады маркиза готова была броситься к первому встречному шарлатану. Я не притязал на любовь, но её всесильный

поклонник вызывал у меня неприязнь. Одно то, что в глазах всех он назывался Возлюбленным... Одного этого довольно.

Маркиза просматривала объявления об очередных индийских набобах и чародеях, когда явился я и попробовал изложить ей свои законы выхода номеров лотереи. Она скорее не слушала, чем слушала, как вдруг швырнула газету и приказала отправиться даже дальше, чем можно представить. Грубость, впрочем, не произвела на меня впечатления. Я ответил, что да, пойду с удовольствием, куда ваше превосходительство посылает, но, учитывая мою наружность, это непросто и надобны деньги, к тому же немалые. Она рассмеялась, дальше мы говорили приятелями. В первый раз я открыл ей два номера, математически точные и выверенные, из пяти счастливых. Она выиграла ямб. В другой раз я назначил ей три цифры, которые принесли терн. Наконец, она ставит всё состояние на предсказанные четыре номера и получает кватерн. В приступе благодарности маркиза готова была на всё. Красная лента, должность при дворе, прочие привилегии — я мог получить их в последовательности нарастающих величин. И кто знает... Не намеревалась ли она дополнить свою благосклонность чисто французским расположением... Однако, не будучи космополитом по части наград, я предпочел удалиться к себе на родину, в Италию. Я уступил её королю. Говорят, Людовик XV был очень доволен. Он любил её не в пример больше последующих фавориток, и в день её неожиданной смерти предполагал скорбеть до конца жизни. Правда, скоро ему помешала маркиза де Помпадур.

Маленький Квинола помолчал и спросил:

— Вам, сударыня, ничто не напоминает эта история?

«Конечно же!» — я хотела сказать, но вместо этого вздохнула, и как будто сбросила с себя наваждение. Ушла и мелодия флейты. Было темно и тихо. Слышалась только улица за оконными стёклами. Её глухой мерный гул оставался обычным, пока какой-то байкер на бешеном мотоцикле не погнался смерть в сторону ада. Мелодия Глюка на секунду воскресла, но с маркизой де Шатору она уже не вязалась. Если её блаженная тень и являлась, то вряд ли из рая. Она виделась мне в коллаже пасьянса неверных игральных карт. Неподалёку от какого-нибудь мрачного лекаря-мавра, который спровадил её на тот свет.

Конец интриги показался мне мелким. Чрезмерное благоразумие слишком банально, чтобы восхищать в исходе романов, даже реальных. Тем не менее, и оно напрашивалось на примечание к «Пиковой даме»! Меня давно не устраивала связь повести с именем одной Натальи Петровны Голицыной. Верно, что Голицына, мать московского генерал-губернатора, бывала в Париже и что внук её, прия-

тель Пушкина — игрок, однажды удружил поэта рассказом о трёх картах, поставив свою бабушку в центре. Но это не означает, что гения питает один источник. Скорее спросишь: уж не поработал ли случай нарочно, чтобы скрыть истину.

Случай или закономерность? — гадала я, отложив старинную книжку. Почему именно с ней плут подался в Нащокинский переулок? Да и сам подарок? Не принес же он Мандельштама или Булгакова. Они тоже жили в Нащокинском. Тогда переулок назывался улицей Фурманова. Но их писательский караван-сарай снесён, а нащокинский домик стоит, ещё и бесценный макет имеет. Два с половиной метра на два эта игрушка из красного дерева. Со всеми комнатами двух этажей и полуподвалом. Со всей обстановкой. Только крошечной. Часы там показывают время, простым глазом неразличимое. А шлепанцы в спальне впору разве божьей коровке. Коврик под ними в абстрактную крапинку. И главный человечек имеется. Фарфоровый Пушкин. И книжки высотой с напёрсток. А в книжках человечки вроде Квинолы, холодные, зеленоглазые, рыжие. И бокальчики в гостиной на каплю вина. Для пиров, которые хозяин устраивал. «Подали на стол мышонка в сметане с хреном в виде поросёнка» Не романтический мистик Гофман, задавший моду на куклы, автор Щелкунчика и Коптелиуса, написал эти строки, а Пушкин в письме к жене, жалея, что у Нащокина не было гостей, кроме него.

На кукольный домик Нащокин угрохал всё состояние. Сам остался на съёмных квартирах. Переезжал с семьёй с места на место. Под конец разорился. Волшебный домик отдал в заклад. Но выкупить не успел.

В самый раз было расспросить плута обо всём.

Моему телефонному звонку он не обрадовался. Такое всегда неприятно. Тогда я без церемоний спросила:

— А скажи, каким ветром тебя занесло в Нащокинский?

На другом конце провода сделалось тихо, потом голосом плута было сказано:

— Интересно, какая зараза тебе сыпанула в глаза песок. Раньше ты хоть людей различала. Да я сто лет не был в Нащокинском. Как «Прагу» закрыли и магазин букинистов попёрли.

— Ты что из пана Завязанского сделался Заливанским? А может, Непросыханским? Забыл, как передал книжку и смылся?

— Какую книжку?

— Ту самую, что я целую ночь читала.

— Да-да, — сказал плут печально. — Что русскому здорово, то после 22-х часов не купишь. У тебя всегда был букет ментальных расстройств.

Частые гудки разорвали наш разговор. Видно, прозвище «Непротыханский» разозлило, и плут бросил трубку.

Я не знала, что и подумать. Либо он разыгрывает и не хочет признаться, либо, вздремнув над книжкой, я вобрала её в сон и всё, что увидела и саму встречу с плутом, переместила в кукольный домик. А там уже тени приснились не мне, а я — им; потому и ударились в откровения, что призракам всё нипочем. И то и другое было мило своей подчёркнутой несерьёзностью. Тем и правдивей: экспромт диктуется чувством, объясняется же умом. Судите: снимая жильё, Нащокин переезжал с места на место, но свое огромное состояние вложил не в дом для себя, а в драгоценную историческую игрушку. Мог бы и порядочное поместье купить. Да ещё впридачу с крестьянами. Затея его разорила, вынудила жить в заклад. Под конец он и домик заложил. А выкупить не успел. Фантастически жил, фантастически умер. Мгновенно. В храме. Окончив молитву, не поднялся с колен.

Что это, если не знаковое достояние знаменитого переулка? Не код, влекущий людей? Тех же Мандельштама, Булгакова, Гоголя, Кропоткина, Герцена, Надежду фон Мекк, Мстиславского, Шаламова... В разное время они жили неподалёку. Каждый в логике необычного; по другую сторону матрицы бросал вызов судьбе.

Ничего удивительного, что и плута, помешанного на пушкинской «Пиковой даме», достала магия Нащокинского переулка. Странно было бы его там не встретить. Да просто на автопилоте явился. Законно выглядело и другое.

Когда нелёгкая опять погнала меня за процентами и я оказалась на златном месте, то сквозь большое замызанное окно увидела пустое помещение банка. На стекле чёрным по белому объявлялось: АРЕНДА. Я поняла, что крутые ребята кинули вкладчиков, и меня в том числе. Дивиться их оборотистым креативным умам и посылать им чертей хорошо, когда считаешь себя овечкой. Но это не так. «Поделом, — сказала себе. — Научишься отличать зов от свиста».

Раздосадованная, я повернула обратно и, дойдя до бульвара, пошла к монументальному Гоголю. Через Арбатскую площадь памятник со значением глядел в сторону своего согбенного бронзового двойника, которого когда-то согнали с этого самого, законного, места. Всей машиной, поднятый на пьедестал во весь рост, советский Гоголь показывал, что утвердился здесь навсегда. Поблизости, около клумбы, прыгали дети, догоняли друг друга, кричали. Только один мальчик, бледный и худенький, пластмассовой соломинкой пускал мыльные пузыри у скамейки. Они взлетали, крутились, сияли радугой, лопались, за ними взлетали новые. От резвых приятелей мальчик отличался и броской бело-сине-красной футболкой;

надпись на ней так и била в глаза: «И во сне и наяву я за Борю всех порву».

«Да ну их, — решила я. — Лучше пойду переулками. Там меньше понтов». И, перейдя на другую сторону, положила себе: найти в Собрании Гоголя всё о Нащокине. Такие люди, как Павел Воинович, — благородные, начитанные, щедрые, мягкие, добрые, — всё это самой высокой пробы и всё заодно с безалаберностью, безрассудством, слепыми увлечениями и страстями — клад для писателя. Смешно было бы не найти Нащокина на страницах Гоголя, близко знавшего его. Мнения Пушкина мне показалось мало. Ведь Пушкина самого надували.

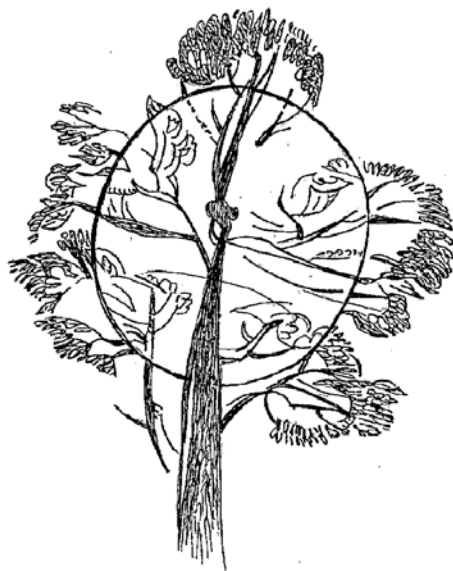

Баллада о пропавшем короле

Однажды жил король-чудак,
Изрядный сумасброд:
Любил он редкостных собак
Сильней, чем свой народ.
Он на охоту выезжал
С постели, натошак,
Когда рассвет едва дрожал
В глазах его собак.
Вздымались зеленью луга,
Ром душу согревал (или в душе азарт играл),
И ветер — каверзный слуга
На шляпах перья рвал.
Король утратил всякий стыд
И жалость потерял:
Летят цветы из-под копыт,
Убиты наповал.
Часы летят, и солнце жжет,
И горяча земля,
И неудача стережет
Лихого короля.
Как куропатка из травы,
Давно взлетел рассвет.
Затерян в зарослях — увы —
Звериный лёгкий след.
И кони чуткие дрожат
В ознобе, как во льду,
Собаки жмутся и визжат:
Почуяли беду.
Совсем светло. Скрипит седло.
Тоскует пистолет.
Собаки дышат тяжело,
А зверя нет, как нет.
За зверем след, за следом — лес,
Он тёмн и велик,
И если кто в лесу исчез,
Поможет вряд ли крик.

Проворный шут с лошадки слез,
На свиту страх напал —
Налево — лес, направо — лес,
Потеряна тропа.
День на деревьях опочил,
Лучи к земле склоня.
Король в досаде соскочил
С усталого коня.
И крикнул бешено во тьму,
Отчаяньем звеня:
— В награду всё даю тому,
Кто выведет меня!
И муравейник у берёз
Со злостью пнул ногой.
Вдруг чей-то голос произнес:
«Король! — Ступай за мной!».
Король схватился за стилет:
«Явиться мне изволь!»
Но был ему один ответ:
«Ступай за мной, король».
«А что в награду просишь ты?»
Он прошептал с трудом.
Ответ услышал сквозь кусты:
«Прошу я новый дом.
А лес я знаю хорошо,
Живу здесь много лет...»
Король подумал и пошёл,
— Другого шанса нет.
И все за ним пошли во тьму,
Их голос направлял.
И уж вопросов никому
Никто не задавал.
Когда рассвет на них упал,
Зашли они в тупик,
И голос, ведший их, пропал,
И не помог им крик.
Никто не слышал, как в траве,
Туманом налитой,
Смеялся тихо муравей
В короне золотой.
Смеялся тихо и шептал:
«Что!? Домом одарил!?
Ты муравейник растоптал,

В котором я царил.
Сгубил ты дом мой и семью,
Теперь живи в лесу!
Я за твою погибель пью
Пьянящую росу».
Покрылась листьями земля,
Дожди косые шли.
Искали долго короля,
Да так и не нашли.
Лишь муравей всё знал о том,
Что приключилось с ним.
Но он и не был муравьем,
Он был царём лесным.

Владимир Пустовитовский

Облачное молоко

В синем небе облака
Из парного молока
От Буренки и Пеструшки,
Наливайте дети в кружки!
В молоко и я влюблен,
Я принес с собой бидон.
Молоко польется с неба,
Будет завтрак с мягким хлебом.
Говорит моя подружка,
Доставая с полки кружку:
«Молоко я пить не стану,
Дай клубнику и сметану».

Ленивые лягушата

У лягушки у малышки
Не читают детки книжки.
Вместо чтения им охота
Прыгать с берега в болото,
Кроме «ква-ква-ква-ква»
Не известны им слова.

Сверчок

Грея маленький бочок,
Спит за печкою сверчок.
И не слышится пока
Песня долгая сверчка.
Он проснется, мы вдвоём
Песню громко допоём:
Про метели за окном
И про зимний тёплый дом.

Умная лягушка

С молоком коровьем кружка,
В кружке плавает лягушка.
Говорит она подружке:
«Маловато места в кружке,
Прыгай в топкое болото,
А меня здесь ждет работа!
Лапками взбивать я стану
На обед друзьям сметану».

Кот капитан

По бульвару белый кот
К нам в вразвалочку идет.
До чего же он хорош,
Чёрный китель, брюки клеш.
Плавал кот по океанам,
Был мурлыка капитаном.
Плавал долго. Плавал много.
И теперь штормит дорога
По которой белый кот
На побывку к нам идёт.

Оборванная дружба

*След уже почти исчез,
Но в памяти он свеж и ярок...*
А. Фет

Дорогие нам люди всегда запечатлеваются в нашей памяти, даже если они уходят от нас — на время или безвозвратно. Таким для меня был Иван Онучин, оставивший глубочайший след в моей душе.

Нас свёл случай в октябре 1967 года. Мы были сверстниками, и Иван пришёлся мне по душе. Он тогда учился в Приморском сельскохозяйственном институте (в Уссурийске) и жил в общежитии — недалеко от моего дома. Наши встречи стали регулярными, и говорили мы обо всём — прежде всего, конечно, о литературе и книгах.

Однажды вечером Иван продемонстрировал мне своё искусство сочинительства. Отбивая ритм ногой, он в течение двух часов то в рифму, то белым стихом вёл захватывающее повествование о приключениях прелестной девушки и её кавалера в южной Франции середины 18 столетия.

Зимой 1967 года мы уже вместе разработали развёрнутый план романа, действие которого происходило в современных США. Это было большое полотно: в негритянских гетто нескольких городов одновременно вспыхивало стихийное восстание, на его подавление бросали армию, звучала слюнявая речь президента... До сих пор помню тот вечер, наши споры и интереснейшие замыслы.

На летние каникулы 1968 года Иван уехал в посёлок Ярославский (Хорольский район), где он жил с родителями, сестрой Татьяной и братом Василием. Соскучившись по общению с ним, я отправился к нему в гости. Поехал без предупреждения, без предварительной договорённости, что называется с бухты-барахты. Встретили меня немного удивлённо, но приветливо. Из погребка извлекли бутылку марочного вина «Кубань» трёхлетней выдержки и разлили по крохотным стопочкам. Потом повторили. Закусили, помолчали. Затем батюшка Ивана задал мне вопрос (вполне традиционный, как позже с мягкой улыбкой объяснил Ваня) об отце Ганнибала и его клятве. Время пролетело быстро. Уехал я последним автобусом в тот же день. Меня уговаривали остаться на ночь, да и самому мне не хоте-

лось покидать доброжелательный дом Онучиных, но я не хотел волновать мать, не ведавшую о моей поездке ни сном, ни духом. Иван, проводив меня к автобусу, заставил меня пообещать, что я непременно приеду ещё раз.

С этих пор Иван стал мне ближе и интереснее.

Снова я гостил у Онучиных весной 1971 года, приехав в пятницу вечером и уехав последним автобусом в воскресенье. До сих пор помнится то время, пролетевшее, к сожалению, как один миг. Иван с щедростью раскрыл мне свои богатства, и я наслаждался ими в самой полной мере; все три дня были насыщены до краёв. Слушали пластинки (особенно запомнились «Монолог Мерилин Монро» в исполнении Дорониной, «Кукарача» из альбома 30-х годов и «Манчестер-Ливерпуль» из «Кругозора»), одновременно разглядывали удивительное множество репродукций старых мастеров (от большого формата до набора открыток), а затем я увидел сокровища старых шкафов, где книги стояли в три (!) ряда, при этом Ваня всё время говорил, без усталости рассказывая и комментируя. Для меня это был пир духа.

В воскресенье в одном из шкафов я нашёл стопку старых журналов — не то «Красная нива», не то «Красная новь», — изданных во второй половине 1920-х годов. Листая их, я вдруг увидел рассказ Александра Грина с персонажами знакомыми мне по фильмам-экранизациям, прочёл, и он мне неожиданно понравился. Аккуратнейшим образом я его переписал.

А. С. Грин

Негаданная встреча

Хлопнула дверь. Вошедший — по виду охотник — быстро осмотрелся.

Трактир был самым обыкновенным: у входа длинная стойка с восемью высокими табуретами, затем пятачок для танцев, а за ним продолговатый зал с десятью столами в окружении стульев. Посетителей пока не было; только вальяжный хозяин сидел на стуле по ту сторону стойки, а у её конца, облокотившись на прилавок, стоял официант.

— Ещё один бродяга пожаловал...

— Молчи, — шикнул хозяин. — Ты мне всех клиентов распугаешь.

Охотник сел за стол наискосок от двери, снял шляпу, бросил её на стул и постучал по столешнице костяшками пальцев.

— Любезный, одно аракенское пиво.

– Заказ принят, — хозяин налил кружку до краёв из крана, вставленного в торец бочки, подал её официанту. — Больше ничего?

– Это пока всё.

Снова хлопнула дверь. Вошёл капитан, одетый не без щегольства, обвёл быстрым взглядом помещение и подошёл к стойке. Он оглядел полки с бутылками за спиной хозяина и спросил:

– Есть у вас дауганское розовое вино?

– Для вас, капитан, найдём, — хозяин встал со стула, снял с полки бутылку причудливой формы и поставил её на стойку.

– Сколько вам?

– Побольше. Сушь в горле как в пустыне.

Хозяин вынул из-под прилавка стакан из цветного стекла, поставил его на стойку, затем осторожно откупорил бутылку и налил вина.

– Отлично, — сказал капитан.

Он взял стакан, отвёл его от себя, полюбовался игрой света и сделал маленький глоток.

– Лучше и быть не может. — Как поживаете, капитан Грэй?

Капитан резко обернулся. Охотник в знак приветствия отсалютовал кружкой с пивом.

– А вас не сразу можно узнать, господин Горн. Но я помню вас, дорогой Авибей, — Грэй подошёл к столу и положил руку на спинку стула.

– Вы разрешите присоединиться к вам?

– Прошу, мой капитан.

Грэй поудобнее устроился на стуле и улыбнулся.

– Вы были хорошим секундантом в той дуэли. Помните её?

– Как же не помнить? Хоггей получил по заслугам.

Авель Хоггей, крупный миллионер, известный своими причудливо-бесчеловечными капризами, на это раз превзошёл самого себя. Была похищена Изабелла Гаммонд, примадонна театра «Одеон» в Гель-Гью. На своей вилле «Гауризанкар» для немногих избранных, натур утончённых, Авель решил устроить ночное зрелище сожжения красавицы на большом костре, но представление не состоялось. Изабелле удалось бежать, и Грэй, оказавшийся по воле судьбы у неё на пути, укрыл её от погони. Через две недели, встретив Хоггея на каком-то балу, Грэй публично его оскорбил и вызвал на дуэль. В поединке Хоггей был убит, а Грэй легко ранен.

– Не всем понравился результат дуэли, — задумчиво сказал Грэй, делая очередной глоток из стакана.

Фергюсон, правая рука Хоггея, затаив злобу, подготовил тайное и подлое убийство Грэя, но Горн, узнав об этом из пьяной болтовни в кабачке какого-то проходимца, вовремя предупредил капитана.

– Нас свёл случай, мой дорогой Авибей. Вы стали моим секундантом в дуэли. — Грэй задумчиво вертел в руке стакан.

– А потом вы мне жизнь спасли. Такое не забывается.

– Пустое. Есть такое правило: если ты сделал кому-то доброе дело, забудь об этом.

Грэй улыбнулся.

– Но если это доброе дело сделали для тебя, запомни это. Я ведь искал вас и не мог найти.

– Зато вас, капитан, найти было легко. Молва о вас твердила в тысячу уст. Вас даже прозвали: Капитан Грэй Краснопарусный.

– Краснопарусный? — Грэй засмеялся. — Сейчас у меня паруса обычные — бело-серые. А в память о прошлом я оставил два красных паруса: один на носу, другой — на корме.

Они помолчали, думая каждый о своём.

– И всё же ваши следы я отыскал в колонии Ланфиер, — сказал Грей. — Вы там оставили о себе громкую славу...

– Вы видели Эстер? — живо спросил Горн.

– Эстер? Кружильницу голов?

– Да. Да!

– После вашего... э-э-э... исчезновения в колонии Ланфиер случилась небольшая золотая лихорадка... — Нашли золото в голубом ручье, — пробормотал Горн, — ... и многие разбогатели. Больше всех Астис, отец Эстер. Что ему делать в нищей колонии? Теперь он живёт в Зурбагане и даёт балы, желая подыскать Эстер хорошую партию для замужества...

Хлопнула дверь трактира, влетел матрос. Оглядевшись, он воскликнул:

– Капитан!

Грэй посмотрел через плечо.

– Летика? Чего тебе?

Матрос быстро подошёл, наклонился и прошептал что-то Грэйю на ухо.

– Хорошо, Летика. Иди на корабль и скажи, что я буду минут через двадцать.

Матрос быстро ушёл.

– Мне нужно идти, поэтому буду краток. На одном из балов я танцевал с Эстер, и она расспрашивала меня о вас. Она вас не забыла.

– Давно это было? — голос Горна дрогнул.

– Всего два месяца назад.

Горн порывисто вскочил.

– Куда вы, мой дорогой Авибей?

– В порт! Искать корабль, идущий в Зурбаган.

– Не надо искать. Мой корабль завтра утром снимается с якоря и идёт в Зурбаган. У меня фрахт. Сегодня вечером я жду вас на корабле. Вы для меня — желанный гость. Поэтому я с вами не прощаюсь.

Грэй встал, подошёл к стойке, расплатился с хозяином и, приветственно махнув Горну рукой, вышел из трактира.

– Любезный, ещё кружку аракенского, — потребовал Горн, чуть улыбнувшись.

Этот рассказ — первое моё прикосновение к Грину. Насколько я знаю, его нет ни в одном собрании сочинений писателя.

После окончания Иваном института наше знакомство не оборвалось. Мы встречались, хотя и не слишком часто, когда Ваня проезжал через Уссурийск, держа путь в дом родителей.

Один из вечеров запомнился мне особенно хорошо. Побродив по городу около часа, мы решили посидеть в ресторане. Здесь — за шампанским — мы неожиданно заговорили о судьбе и миссии человека, о его поведении в обществе. Мой визави сказал, что я зря временами сторонюсь людей, держусь особняком, что было подмечено очень верно.

Иван развернул передо мной интереснейшую теорию. Необходимо находиться в самой гуще жизни. Человек — умный и тонко чувствующий! — должен ощущать своё единство с людьми, чувствовать себя своим среди своих.

При этом очень важно уметь владеть всеми тонкостями лексики: с рафинированными интеллигентами полезно говорить умные словечки, а с серыми работягами — употреблять мат. Именно в таком общении можно постичь всё разнообразие жизни и познать её всесторонне.

Теория казалась просто великолепной, но я решил уточнить: работяги, особенно серые недоучки, терпеть не могут умных и талантливых, чуя их прямо-таки нюхом, и никогда не упустят случая сделать пакость, которая может кончиться... самым плачевным образом. Я вовремя спохватился и не сказал: «может кончиться смертью». Иван хотел возразить, но я сжал ему руку и закончил призна-

нием: он мне дорог, и я не хочу его потерять. Ваня чуть улыбнулся, мы помолчали и заговорили о другом.

Только потом я понял, что томимый неясным предчувствием, невольно прозрел его судьбу.

Года два-три я не видел Ивана и думал, что с ним всё в порядке. О его смерти я услышал от шапочного знакомого и долго не хотел этому верить. Подробности я узнал летом 1979 года, когда приехал в посёлок Ярославский. Иван тогда работал главным бухгалтером в селе Благодатном (того же Хорольского района). И вот однажды (в 1975 году?) он весело проводил время в компании «химиков». Был вечер воскресенья, они пили, закусывали и оживлённо обсуждали животрепещущие проблемы. «Химики» убралась поздно, и кто-то из них, уходя, закрыл (случайно ли?) трубу ещё не прогоревшей печи. Ваню нашли только во вторник.

С тяжёлым сердцем я вернулся от Онучиных. Мне очень хотелось сказать Татьяне, сестре Ивана, что-то сострадательно-сочувственное и об умершем брате, и об отце её, который медленно погибал от рака горла. На её плечи легла ноша неизмеримой тяжести. Но разве могут невыразительные и бесцветные слова передать всю степень нашего участия?

Иван Онучин был на редкость одарённой натурой и умницей в полном смысле слова. Прошло много лет с тех пор, как оборвалось наше приятельство, но я не забыл ничего. Иван по-прежнему жив — в моей памяти.

Лучший друг

Ещё издали вижу его — походка вразвалочку, рубашечка белая, навывпуск над спортивными штанами, кроссовочки шарк-шарк. Улыбка белозубая, наглая. Девочки все: «Ах, Дато, Дато!..» А у меня от этой улыбки лишь тоскливое, сосущее чувство под ложечкой — вот, сейчас начнётся.

– Яша! Яшунчик! Дружочек! Друганчик!

Рядом стоят его подхалимы, лыбятся, щурятся. А у него самого — глаза широко открыты, светлые, ленивые.

– Давно тебя не видал, че-т. Всё книжечки читаешь, с девчонками играешься? Не мужик, да? Баба, да?

Подхалимы послушно хихикают. Я смотрю в его глаза — зрачки чёрные, продолговатые, как у зверя. Хочется ответить что-то, но горло сдавила липкая, потная лапа — ни слова, ни звука, ни повода, авось уйдёт, авось обойдётся.

– Уже волосы растут кое-где! А ты все как баба! Вот, смотри!

Он сбрасывает школьный рюкзак, растаптывается и вытягивает руку.

– Ну-ка... ты, — на подхалима почти не смотрит. — Поборись-ка с моей одной левой! Давай, давай!

Тот раболепно повисает у Дато на левой руке. Через несколько секунд он двигает плечом, и подхалим падает на землю.

– Какой ты сильный, Дато! Вах... Слушай, чуть руку мне не сломал!

Дато презрительно улыбается.

– А теперь — твоя очередь.

Я беспомощно оглядываюсь — ни одного взрослого во дворе.

– Давай, давай, баба! До трёх считаю: раз, два...

Не знаю, как так получилось, не ожидал ли он или не успел сгруппироваться, но — смотрю я в его глаза сверху вниз, а в них: удивление и злость. Подхалимам даже оттаскивать меня не пришлось; сам отпрянул испуганно. Сердце птицей бьётся, ноги ватные.

Вскочил Дато, схватил меня за руку.

– Ну держись, сука! Держись...

Я смотрю в его глаза: светлые, зрачки чёрные, продолговатые, напряжённые. Всё тело пропитано липким страхом. Цепляюсь за его руку изо всех сил и делаю шаг. Другой. Подошвами сбиваю камни

с тропы, и они дробью падают на острые валуны десятью метрами ниже. Моя нога скользит вслед за ними, но Дато вытягивает.

— Одной левой! — хвастливо говорит он, когда мы сидим на крепостной стене и пытаемся отдышаться. — Вытянул тебя, даже не почувствовал! Вот, потрогай мускул.

Я трогаю дрожащими пальцами. У меня всё дрожит: пальцы, колени, даже язык во рту.

— Сколько ты там стоял, пошевелиться боялся? Хорошо, что я вернулся! Так бы и грохнулся без меня, ссыкло! Как баба!

Благодарно смотрю на него:

— Ты мой лучший друг, Дато!

Он довольно скалится белозубой, нагловатой улыбкой грузинского малолетнего хулигана.

Не ходите, дети

Давно это было. Познакомился с подругой — она жила в районе Бруклина, где под цветущими липами гуляют молодые мамыши из среднего в высший класс. Говорю ей:

— А теперь ты ко мне приезжай, в Алфавет-Сити.

— Как ты вообще живёшь там, — скривилась она, — в Алфавет-Сити?

— А чё, — говорю, — нормально живу.

Приехала. Сидим в малазийском кафе — кислый дух, липкие меню и острый карри-суп. Из кухни периодически звучат крики, ругань, аккорды из запальчивых и обидных нот верхней октавы. Многочисленные посетители пугливо озираются, втягивают головы в кофты, но не разбегаются, сидят, как влитые. Из горячей точки вываливается хмурый официант с подносами, со звоном расшвыривает их по столам и спрашивает, не хотим ли ещё чего. Подруга говорит:

— Может, пересядем за столик на улице?.. Как ты вообще жрёшь тут?

— А чё, — говорю, — нормально жру.

На улице — душно, ходят панки, из-за угла доносится тоскливый вой заблудившейся скорой помощи. Уличная официантка разносит пиво, добродушно не замечает огоньки сигарет. За соседним столиком мужик кормит своего мопса карри-супом. Мопс сидит рядом с тарелкой, под рылом у него подвязан слюнявчик. Мимо столика проходит дядя с догом на поводке — голова дога проплывает в двух сантиметрах от головы мопса. Собаки тянутся друг к другу, и дядя послушно останавливается.

— Ах, как мило! — говорит подруга. — Если б эта собачка не залезла на стол, этот королевский дог её даже и не заметил бы.

Мопс с догом трогательно обнюхивали друг друга. Казалось, они вот-вот поцелуются.

— Так и ты, Яш, — продолжала она. — Если б не приехал тогда ко мне в Парк-Слоуп...

Вдруг дог клацнул челюстями и пол-мопса исчезло в его пасти — только жопа семенила ногами в воздухе. Крики, рычание, откуда-то издали доносится тоскливый вой заблудившейся скорой помощи. Хозяин дога дёргает за поводок, хозяин мопса — за задние ноги.

У подруги истерика:

— Сделай, сделай что-нибудь!

— А чё, — спрашиваю, — делать-то?

Пробегающая официантка выхватывает у меня пиво и выплёскивает полный стакан догу на голову. Тот немедленно выплёвывает мопса обратно на стол.

— Нормально, — говорю, — столько шуму, а пострадавший только один — я.

Официантка немедленно принесла мне ещё пива и убежала на кухню. Мопс ошалело мотал башкой, на которой не было ни одной царапины. Дог и его хозяин неспешно ретировались, провожаемые ленивыми рекомендациями, где такую громадину можно усыпить.

— Как ты живёшь тут?.. Отвратительный район! Как ты вообще тут по улицам ходишь?

— А чё, — говорю, — нормально хожу.

Проводил её к метро.

— Слушай, — говорю, — и не лень тебе столько домой тащиться?

— Нормально, — говорит. — Тем более это ведь в последний раз.

И действительно.

Натуральная медицина

Наташа открыла оздоровительный центр натуральной медицины в двух шагах от Брайтон-Бич. В меню — ароматерапия, магнитотерапия, рефлексотерапия, фитотерапия, имеются кабинеты для озонотерапии и клизмотерапии. Стенки заставлены пузырьками с витаминами и настойками. На столе гордо стоит машина Райфа.

— Ого! Машина Райфа! — сказал я.

Наташа посмотрела на меня влюбленно.

— Мой мальчик, ты — первый человек, который вообще знает, что это такое. Здесь народ считает, что натуральная медицина — это водка с перцем и бесплатные массажи по Медикейду.

Вообще-то, центр натуральной медицины на Брайтоне — это отличная идея, если со страховок можно на этом бабла срубить. А если нельзя и просто полагаться на самосознательность и платежеспособность местного населения (того самого, которое водку с перцем), то идея открыть на Брайтоне натуропатическую клинику могла прийти в голову только Наташе

Но, как ни странно, дела пошли. Заходили бабуся, послушать про БАДы, алкаши — про натурально завязать, редкие брайтонские американцы — прикупить витамина це.

Очень скоро у Наташи уже работали две ухватистые девицы на массажах. Зашёл я как-то за витамином це, и одна из них как раз высунулась из кабинета и посмотрела на меня.

Говорю Наташе:

— А на массаж записаться можно?

Лежу в тёмной, душной комнатке. Девушка приятно гладит меня по голой спине и так далее.

— Жарко, — говорю.

— Хочешь еще жарче? Сто баксов.

Я пересчитал в уме наличность.

— А за двадцать?

— За двадцать могу трусы снять.

Усталый, но довольный, я почти выскользнул из клиники незамеченным. В последний момент — Наташин крик:

— Эй! Ты ж забыл витамин це!

Виновато возвращаюсь.

— Ну как массажик? — спрашивает Наташа.

— Ничего так, — говорю.

— Полегчало?

— Угу-м.

— Ещё бы! Правильный массаж — это мануальный реалайнинг меридианов, стимуляция чакры кундалини, восстановление энергии ци. Мои девочки — настоящие волшебницы, когда дело доходит до энергии ци.

— Да, — соглашаюсь, — настоящие волшебницы.

— Три недели как у меня работают, а наплыв такой, что пришлось кабинет ароматерапии им отдать. Ты приходи ещё, обязательно.

Через несколько месяцев витамин цэ подошел к концу. Я надел чистое нижнее белье и поехал на Брайтон. Наташа сразу протащила меня в свой кабинет. Там почти ничего не изменилось. Стены были заставлены пузырями с настойками и дорогим коньяком. Через окно виднелся новенький, блестящий Лексус.

— Ого! Лексус! — сказал я.

Наташа гордо посмотрела на меня.

– Мой мальчик, кто бы мог подумать что на Брайтоне столько ценителей натуральной медицины!

Она приоткрыла дверь в приёмную — там, в порядке живой очереди, дружно сидели русские, хасиды, пакистанцы, мексиканцы и даже два индуса, изменяющие своей аюрведе.

– Девочки еле справляются. Желающих столько, что все кабинеты магнитотерапии, рефлексотерапии, фитотерапии и озонотерапии пришлось переоборудовать под массажные комнаты.

– И кабинет клизмотерапии?

– Нет, — пробормотала Наташа задумчиво, — клизмотерапия осталась. Есть у нас пациенты...

Глаза её затуманились на минутку.

– Слушай, — сказала она, — дай-ка мне две пробирки и вон тот пузырёк, с верхней полки.

– А что в нём? Какая-то настойка целебная?

– Перцовая, — кивнула она, — понижает давление, стимулирует чакры...

Из массажного кабинета высунулась растрёпанная девица:

– Следующий!.. На кунилини!

– ... В общем, за натуропатию! — сказала Наташа.

Мы чокнулись

За что арестовывают в Нью-Йорке

Изя взяли буквально за один пых. Не успел выдохнуть, как из кустов: полиция, вы арестованы, руки за спину и так далее. Привезли в отделение, там очень вежливый мент, оглядев Изины голубые глаза и причёсочку под полубокс, отворил совершенно пустую камеру; в других было как-то темно и людно. Там Изя полчаса сидел графом Монте-Кристо, пока не привели какое-то животное, которое сначала пьяно мычало, но компренде на вежливые ментовские просьбы снять шнурки, а потом было невежливо брошено практически Изе под ноги — уже без шнурков и ботинок. сосед пытался начать общаться снизу вверх, но Изя брезгливо отпрыгнул в дальний угол камеры. Его док-мартенсы клацнули по бетонке, и сосед испуганно затих.

На тишину прибежал вежливый мент, которого Изя спросил, почему он сидит с анонимными алкоголиками, когда в соседних камерах публика воеет от недостатка новых лиц. Как ни странно, аргумент сработал, мент забрал латиноса в негритянский фольклор, в процессе подмигнув Изе и сделав губами еле-слышное «white powder», отчего Изя сначала офигел, а потом офигел ещё больше, снова забившись в дальний угол камеры. Было о чём подумать.

Через час Изю проводили за стол, где, посмотрев в его голубые глаза, посоветовали не находиться в этом районе после наступления темноты и выписали повестку в суд за раскуривание контрабанды. Изя уже десять лет жил в этом районе, но спорить не стал, махнул снизу вверх вежливому менту и, стараясь не озираться, лёгким прогулочным шагом невинного человека удрал оттуда к чёртовой матери.

В общем, как любит говорить Изя, приняли за курение мексиканской дички, а выгнали за превосходство белой расы. Взяли как уголовника, выпустили как нацика...

– Слышь, — перебиваю его, — а чем закончилось? В суде-то?

– А, да! — говорит.

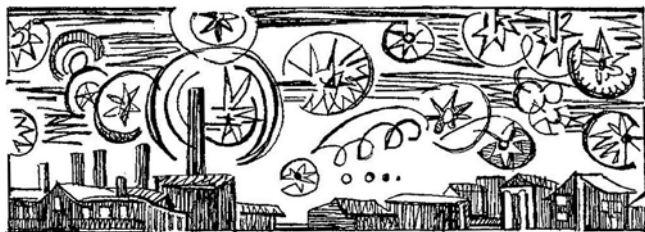
– Прихожу в суд. Подходит там ко мне один в костюме, смотрит на мою причёсочку, на док-мартенсы и говорит:

– Господин Изя? Я — ассистент прокурора Эйхман. Должен сообщить, что мы не можем найти ваше дело, поэтому все обвинения против вас снимаются. Вы свободны. Что вы стоите?

Тут я, конечно, вежливо сказал «спасибо» и, стараясь не озираться, лёгким прогулочным шагом невинного человека удрал оттуда к чёртовой матери.

В общем, как любит говорить Изя, и судили непонятно за что и отпустили непонятно за что. Оставили при своих.

А нет! Восьмушку отличной травы отобрали, свиньи.

ЗАБАВНЫЕ ОПУСЫ

Зелёный петух

Было муторное утро.
С тоски я открыл окно.
В комнату влетел зелёный петух
И клюнул меня в темя.
«Проклятая птица!» — закричал я,
Изо всех сил отбиваясь от него.
Но вдруг петух заорал
Разбойничьим басом
И дыхнул на меня чесноком.
Я заскрежетал зубами и проснулся.
Было муторное утро...

* * *

За окном на ветке
Сидела ворона
И дразнила меня:
То подмигивала
Левым глазом,
То вертелась, как заведённая.
Когда мне это надоело,
Я открыл окно
И хотел прогнать птицу,
Но она
Вдруг как закричит:
«Кар!
Я — твоя совесть!»
С тех пор стараюсь на этих птиц
Внимания не обращать.
У меня с совестью всё в порядке!

* * *

Он сидел в номере гостиницы
Маленького заштатного городка России
И мечтал,
Что скоро будет во Франции,
Посетит Париж,
Увидит Лувр и Нотр Дам де Пари...
Свершилось!
Но почему он теперь
Скучает
По маленькому городку?
Что ему Франции
Не хватает?

* * *

Однажды сижу у кабинета врача.
Вдруг открывается дверь
И выползает
Огромная черепаха.
Я в ужасе вскакиваю.
Черепаха поворачивает голову
И громко кричит:
«Будьте вы прокляты
С вашим таким лечением!»

* * *

Летел самолёт,
Мчался поезд,
Плыл теплоход.
Внезапно возникли
Несколько механиков
И переоборудовали их
Соответственно:
В огнедышащего дракона,
Огромного слона
И белую акулу.
А людей разбудить
Забыли!

* * *

Я пришёл на работу
Пьяным в стельку,
Смотрел на всех
Безумными глазами
И плакал навзрыд.
Вы думаете,
Это заметили?

* * *

«Думай поэтически!» —
Твердила мне муза» —
Сколько можно повторять
Одно и то же.
«А если этих мыслей нет!
Что тогда?» —
Спросил я.
«Будь философом!» —
Выкрикнула она
И вылетела в окно.

* * *

Классно
Справляли
Праздники
У меня на работе.
На радостях
Или в пьяном угаре
Мужчины подбрасывали женщин
И наоборот.
Но однажды кто-то «стукнул»
Начальству.
С тех пор
Никто никого
Не подбрасывает,
А желающие
Вылетали сами.

* * *

По моему столу полз муравей.
Я его стукнул книгой и убил.
Затем на стол забралась небольшая собачка.
Я схватил её и выбросил в окно.
А потом прискакала кенгуру,
Схватила меня за шиворот
И бросила себе в карман.
Вот тогда-то я пожалел
Муравья и собаку!

* * *

Пришёл в парикмахерскую
Постричься.
А вместо этого
Синяк под глазом поставили
И зуб выбили.
Зашёл к стоматологу
Его вставить,
Но меня подстригли под ноль
И руку сломали...
А вдруг
Это случится
Наяву?

* * *

Даю на отсечение руки.
Вместо них появляются две другие,
Более мощные, чем были.
Даю на отсечение ноги,
Но тут же вырастают две,
Которые бегают ещё быстрее,
Чем отрубленные.
Даю на отсечение голову,
Вместо неё появляются две,
Во сто крат умнее прежней.
Но кому я нужен,
Такой урод?

* * *

Исполняю обязанности
Честного
И справедливого человека.
Но тяжела эта ноша.
Однажды споткнулся.
Упал.
Очнулся.
Тюрьма!

* * *

Когда я в последний раз был на рынке
(а это было несколько дней назад)
Я приобрёл генерала по сходной цене,
Просто так, от нечего делать.
Военный почему-то упирался и не хотел идти.
Я схватил его за шиворот и положил в сумку.
Идя домой, думал,
Что генерал уже есть
И не мешало бы, купить армию,
На всякий случай.

* * *

Я всегда мечтал быть
Серебряным колокольчиком
И звенеть
Нежно и протяжно,
Созывая людей
На важные мероприятия.
И вдруг я стал им,
Но чья-то волосатая рука
Спрятала меня
В шкатулку.
Вот и лежу
Без дела.
А так хотелось
Быть полезным.

* * *

Я всегда был загружен работой,
Но находил минутку, чтобы черкнуть пару строк.
Но на этот раз
В порыве вдохновенья,
По рассеянности,
Записал пришедшие строки
На документе строгой секретности.
Вскоре меня объявили
Американским шпионом.
Долгие месяцы лучшие специалисты страны
Мучились над расшифровкой строки:
«Объелся вечер светофорным блеском»,
Но так и не расшифровали.
А вы сможете?

В больнице

Длинный светлый коридор.
Назвали его почему-то Бродвеем.
В первый день пребывания
Окликает меня
Нервного вида мужичок
С неприятным лицом:
«Послушай, дружище», —
Говорит он, —
«Как пройти к скверу «Сиреневая ночь»
И послушать косматого Гарри?»
Я пожал плечами
«Ты новенький!» —
Вздыхнул незнакомец.
Ну, тогда
С прибытием в Штаты, дружок!»
«Вот сумасшедший», — буркнул я
И пошёл дальше.
С тех пор по коридору
Стараюсь не ходить.
Мало ли кого можно встретить
В этой Америке!

* * *

Я могу выдвинуть себя
Только на премию
Имени Осла.
Для получения иных премий
Нужны деньги и блат,
Которых у меня нет.
Но есть способности,
В реальности, которых
Я не сомневаюсь.
Господа!
Помогите бедному творцу
Прекрасного,
Желательно, материально!

Послесловие

Прочитала ещё раз с удовольствием. Особенно понравилось, что человек в России мечтает о Франции, а во Франции о России; про то, как кенгуру сунула его в карман, и он пожалел тогда о собачке; как поезд превратился в акулу, но никто не заметил. Да, прелестное, про человека, который был серебряным колокольчиком... Это самое лирическое произведение, если учесть, что ваше дарование не лирического склада.

В моём понимании, это — некие забавные опусы, имеющие собственное право на существование.

Вы, по-моему, растёте, вырабатываете свой стиль. Успехов Вам.

Наталья Ванханен

ПАРОДИИ

*Я без глаза, однорукий.
Зубы выбиты, безносый.
А теперь вот где-то ноги
Я по пьянке потерял.*

Н. Иодловский

Предназначение

Тугоухий и незрячий,
И беззубый, но весёлый,
Одурманенный похмельем —
Вот такой ты нам и нужен:
Будешь старостой поэтов!

*Из тысяч слов который век
Стихи слагает человек.*

.....

*Пусть повторяются слова,
Но как продукция нова!*

И. Варварица. Слова и ноты

В рыночную эпоху

Пусть кто-то вяжет, кто-то шьёт,
А кто — танцует и поёт.
Пути пробиться — нележки,
У рынка правила — лихи.
Но всё ж в него вписалась я, —
Стихи — продукция моя!

*Вижу осень, слышу осень,
Но пойдя схвати его,
Этот зов... когда уносит...
И душа чужого просит,
Словно нету своего...*

М. Грозовский. Осень

Осеннее искушение

*Вижу осень, слышу осень,
Но не знаю, что со мной.
Мысли грешные уносят,
И душа чужого просит...
Заповеди не нарушу,
Буду зов осенний слушать
Только с собственной женой.*

*Так почему же я,
Всё больше замирая,
Боюсь тебя, родная,
А может ты — змея?
М. Ершова. Тихие мысли*

Гремучая смесь

*Тебя я понимаю,
Боишься ты не зря,
И наконец, признаюсь:
Наверно, я — змея.
Скажу ещё, родной,
Сама тебя боюсь, —
А вдруг не ты со мной,
А враг змеи — мангуст?*

*Мне не забыть твои слова
И не простить былого.
Зачем меня ты целовал?!
Зачем дышал неровно?!*

Е. Баева

Обожглась

Жила спокойно, скромно,
Серьёзно и толково,
Но ты дышал неровно, —
Поверила на слово.
Я не прощу обмана,
Но стану осторожной,
Когда задышит странно
Преемник твой возможный.

*Разжигал зов северной крови
Озорные страсти на сходах.
Жар берёзовый смолоду клонит
На горячие чувства в сугробах.*

Ю. Мурашкин

Риск

Озорные страсти пожаром,
Мы не думали о хворобах, —
Поступали неосторожно.
При горячих чувствах в сугробах
Отморозить что-нибудь можно.

Прости, одуванчик!

Май зарос изумрудной травой,
закудрявился цветом вишен.
Я, любуясь его красотой,
на борьбу с ней сегодня вышла:
одуванчик в зелёной траве —
так красиво на дачной лужайке!
Но неделя пройдёт или две —
полетят «парашютиков» стайки.
И соседи меня не поймут,
и лужайку оценят вряд ли,
если крошечный парашют
к ним во двор полетит на грядки.
Ты прости меня, золотой
брат подсолнуха, солнца потомок,
что косилка железной рукой
красоту срезает под корень!
Я же знаю, ты стойкий, дружок.
У меня ж на тебя и зла нет,
если ты найдёшь уголок,
где косилка тебя не достанет!
И в округе немало мест,
где раздолья полно и свободы.
Я приду к тебе в поле и в лес —
мы же оба дети природы!

В бурю

Нагнал таких зловещих туч
вдруг ветер бешеный!
В них заблудился солнца луч,
и тьма кромешная
нависла в полдень. Грохнул гром
за вспышкой огненной,
и хлынул ливень за окном!
Деревья вздрогнули!

Взметнулись! Гнутся, ждут беды,
склоняясь горестно!
Вот клён под тоннами воды
промок и сгорбился.
В моё окно стучится клён
ветвями-лапами.
Но от меня он отделён
стеклом заплаканным.
Мне б другу руку протянуть,
да ветер бешеный!
И за окном, такая муть
дождя крошечного!
Друг-клён в жару дарил мне тень,
свет красок осени!
Ну как в такой тревожный день
его я бросила?
Что ж, всё же створку распахну —
в промокшем платье, я
сквозь ливень руку протяну
в рукопожатии!
— Держись! — скажу. — Не страшен нам
порыв неистовый!
Деревьев ветер наломал!
А клён мой выстоял!

Последний тёплый день

Тепло и тихо. Но грачи
в Москву сегодня полетели.
Так солнца ласковы лучи!
И всё же только две недели
осталось нам от октября.
Но не сдаётся бабье лето,
дни благодатные дая
и радость солнечного света.
Пасутся облака-овечки
в полях безбрежной синевы.
Берёзок тоненькие свечки —
в горящем пламени листвы
с лучами солнца заодно
осенним светом заливают
земное поле. А оно,

разнежившись в тепле, не знает,
что завтра туч дождливых завесь
нагрянёт, скроет луч рассветный.
Грачи, как видно, догадались,
что благодатный день — последний!

Певица

Лягушка в болоте наивно мечтала
учиться отправиться в школу вокала —
открыли такую в лесу за болотом.
Там учат артистов! Лягушке охота
туда поступить, чтобы петь научиться
красиво и звонко — не хуже, чем птицы,
чтоб школу закончив, с концертом, как птицы,
и ей на гастроли летать за границу.
Желающих много таких набралось:
Чиж, Грач и Ворона, Синица и Дрозд...
Прослушивать должен всех мэтр Соловей —
он так виртуозностью славен своей!
Оркестр из кузнечиков скрипки наладил.
Сова-секретарь записала в тетради
всех тех, кто явился — и птиц, и Лягушку,
чтоб пели они под оркестр, друг за дружкой.
Настал, наконец, и лягушкин черёд.
Ей скрипка чудесную песню поёт.
Звучала мелодия нежно и тонко.
Лягушка старалась и квакала громко!
Допев, ожидала хвалебных речей!
Но крыльями уши заткнул Соловей:
— Нет, это не пенье, а странное что-то!
Вы часто берёте неверные ноты!
Рад Чиж и Малиновка, Дрозд и Синица —
их приняли в школу вокала учиться,
сумели пройти они с честью прослушку.
Не взяли — Ворону, Грача и Лягушку —
они не годятся для школы вокала,
ни каркать, ни квакать певцам не пристало!
И что же Лягушка? Забыв про гастроли,
поёт на болоте в лягушечьем хоре!

Странный сон

Звёздной ночью снится или бредится,
будто не в свою попав среду,
в темноте брожу Большой Медведицей,
стерегу Полярную звезду.
Но звезде никто не угрожает.
Знать бы, от кого её беречь.
Здесь и стаи Гончих Псов не лают,
не звучит нигде людская речь.
Целит не в неё Стрелец из лука,
не грозит рогами Козерог.
Звёзды молча следуют по кругу.
Кто бы здесь её обидеть смог?
Пронесётся стая метеоров,
и опять — покой и тишина.
Так живёт в бескрайности просторов
звёздная, безмолвная страна!
Хоть намёк опасности найти бы!
Всё спокойно и безмолвно тут.
Лебедь, Лев, Орёл, Змея и Рыбы —
мирно все в одной среде живут!
Как волы, послушны Волопасу
все стада больших и малых звёзд —
их вокруг скоплений разных масса.
Вот и я свой занимаю пост
и брожу печально-одиоко
меж других созвездий и планет.
Мне, Большой Медведице, без срока
так бродить! Предела скуке нет!
Мне б назад, в короткую, земную,
но живую человечью жизнь.
В вечности безмолвной я тоскую,
в пустоте, в безлюдье — не прожить!
На земле — не умереть со скуки,
нет трясины вечной тишины.
Жизнь кипит, бурлит. Земные звуки
часто даже по ночам слышны.
Пусть случалось в бой бросаться смело,
отражать и стрелы, и рога,
если повстречаешь между делом
явного иль тайного врага.

Вечность — звёздам, птицам — поднебесье,
зверю — лес глухой, для рыб — вода.
Людам нужен мир, который тесен,
густо населённая среда!

* * *

Было солнечно. Чёрная-чёрная туча
Ниоткуда взялась, всё затмила вокруг.
Ветер, ветками клёна по окнам метущий,
по-разбойничьи грубо врывается вдруг!
И обрушило небо под выстрелы грома,
под сверканье молний, потоки воды...
Так, бывает, мгновенно спокойствие дома
сокрушает внезапность неожиданной беды...

Берегите время

Под горку, под горку, под горку
стремительно годы летят.
На мир уже менее зорко
глядит притупившийся взгляд,
становятся песни грустнее,
и голос звучит с хрипотой.
А дни всё быстрее, быстрее
мелькают пустой суетой,
и здравому смыслу не внемля,
проходят в рутинных делах.
Течёт драгоценное время,
как струйка в песочных часах!
Но жизнь — не часы, и мгновенно
обратно не перевернёшь!
Ни сил, ни минут бесценных,
растраченных зря, не вернёшь!
Успеешь ли всё — неизвестно,
пусть цели довольно просты!
А жить до того интересно!
И столько вокруг красоты!

Монолог Бабы Яги

Решила я сегодня вас посетить, а то в избушку что-то давно никто не захаживал. Поговорить хочется, всё-таки человек — существо социальное, а уж Баба-Яга — тем более! Вот у меня недавно день рождения был — снова восемнадцать лет исполнилось (в пятнадцатый раз). Присылали открытки с пожеланиями счастья, денег и большой любви. Вот я вам про любовь свою большую и расскажу.

Я и сейчас-то дама — хоть куда, а по молодости и вовсе зря времени не теряла.

Начинали мы с Кощеем. Он тогда ещё был не бессмертным и над золотом не чах. Это уж потом поднялся на Иванушках-дурачках. Не верьте сказкам, их сами Иванушки-дурачки и сочиняют. Кощей у них и щук, и сани волшебные, и скатерти-самобранки отнимал, а уж шапок-невидимок с сапогами-скороходами — не знали, куда складывать. Так потихоньку и разжились.

Но у меня тоже карьера пёрла: я специалист по альтернативной народной медицине, международный ведьмовской сертификат имею. От клиентуры отбоя не было: Марья-царевна, Василиса Премудрая, Алёнушка, Несмеяна — все мои. Из зарубежа на консультации приезжали — Белоснежка там, и даже кое-кто из гномов (а кто — не скажу, врачебная тайна), Гретхель, Синдерелла, Рапунцель, Спящая красавица и прочие Буратины с Чипполинами.

Кому волосы нарастить, кому фигуру подправить, кому ножку уменьшить, кому настоечку от бессонницы, кому крем от морщин, кому отвар для поумнения. Бонусом я ещё и маникюр делала.

Но тут у Кощея попёр туз! Накопил он золото своё и только золотом этим интересовался днями и ночами.

Закончилось тем, что на нож напоролся. Пятнадцать раз. Случайно, конечно! Ну, вы что, мне не верите?

Ладно, я немножечко помогла, всплыла чуть-чуть. Тут-то и пришлось Кощею в срочном порядке бессмертьем своим озаботиться. И бессмертье это, представляете, в яйцах у него спрятано. Опять же не верьте сказкам — яиц было два, я сама лично видела. Чуть со смеху не померла! Всю жизнь жил без яиц, а тут над золотом чахнуть яйцами разжился.

В общем, застрял этот нож у Кощея в спине. Мы пытались вытащить, даже Водяной помогал, но почему-то не получилось. Так

и ходит с ним, бриллиантами инкрустировал, чтобы как украшение смотрелось.

При разводе он мне избушку на курьих ножках подарил. Говорит: сразу два в одном — квартира и машина. Жмотяра. Я теперь не знаю, что с ней делать. Конечно, то, что она ходит это удобно, но я же туда ни водопровод, ни электричество провести не могу. Газ в баллонах, вода в ведрах, свет из велосипеда. Зато фитнес! Думаете, как я в свои восемнадцать в квадрате такую форму сохранила?

Но есть и встроенная бытовая техника — русская народная печь, сразу в базовой комплектации шла. Многофункционал: на ней можно и спать, и ПП делать — кашку на пару, хлебушек опять же... Добрых молодцев жарить, да не просто жарить, а прожаривать. Или отжаривать, кому как удобнее. Так-то я вегетарианка, но иногда судьба жестокая заставляет...

Мы как с Кошеем развелись, мне мои клиентки сначала пытались молодцев для близкого знакомства поставлять, но довольно быстро это превратилось в смотрины женихов — я же опытная, брак за плечами опять же.

В общем, особо дерзких я таки отправила на лопату да в печь. И поделом! Вот, например, помню, приходит ко мне один такой, молодой, кучерявый. И заявляет: ты, говорит, Яга, меня накорми, напои, спать уложи, а потом научи, как Василису заполучить. Каков наглец, а? Василиса мне потом ещё спасибо сказала — мы ей другого нашли, поадекватней.

Ещё я с Водяным пыталась и так и эдак, он вроде как мой ровесник — двести лет разница-то, и говорить не о чем! — но тоже не пошло: всё ему как с гуся вода, одно слово — Водяной. Ну, и пришлось мне ему откровенно сказать: «Я — морячка, ты — моряк, я — красотка, ты — дурак, убирайся в свою лужу, жить с тобою — это мрак!»

Леший убежал всё время, слишком свободолюбив, и телефон часто выключен — не дозвонишься. Да и на русалок заглядывался! Пришлось его метлой моей рабочей по мохнатой спине перетянуть, да и вон вытолкать.

Так что пока я свободна — жду молодых да красивых. Мысль тут у меня закралась — может, с Кикиморой шашни завести? Кому-то же надо избушку мою в наследство оставить.

Эпиграф:

*«Живи и здравствуй мирянин,
Простой к запросам гражданин»*

Опять в злосчастную годину
Страну спасать не господину,
Но как-то странно, что всегда
Разор чинили господа.

21.07.19, 13:57.

Свято место пусто не бывает

Перевелись атланты
Да рыцарей сословия,
Но множатся «инфанты»
В среде, где есть условия.

06.01.19, 16:14.

Цивилизационная диспропорция

Мы, народ, поднаторели,
Кровью, орошая густо,
Парадигму «Казус белли»,¹
Не приемля «Казус Юста».

Химера

Волк и ехидна, удав и пантера —
Это ума ипостась.
Как и откуда такая химера
В головы к нам забралась?

¹ «Казус белли» — военный инцидент.

Зарисовка ПОЗИТИВЧИК

А на улице пасмурно,
На душе тоже пасмурно,
Но немного приятственно,
Что не всё так и дурно.

02.02.19, 15:31

* * *

«Зачем нам раритеты»
Пока они живые?
Мы вспомним их заветы
Во времена лихие.

02.02.19, 16:13

К серии: «Я РУССКИЙ»

* * *

Выше звёзд живут боги
Звёзды выше людей.
Люди рвутся в чертоги,
Что им ближе, родней.

02.02.19 10:11

Тише едешь — целей будешь

Моё тело — драндулет
Дребезжит, но катится.
Лишь бы не попасть в кювет,
А не то развалится.

18.02.19, 16:49

ЭПИГРАФ

ОТХОДЯЩИМ.

Мне горше вашего, вас огорчать.
Но будет преступнее умолчать.
(Из двух возникших зол
Худшее Я предпочёл).

ПРИХОДЯЩИМ

Вам сызнава, многое придётся познавать.

* * *

Стихи мои — не сотворенье
Ума из праздных слов.
Их порождает откровенье
Из глубины моих основ.

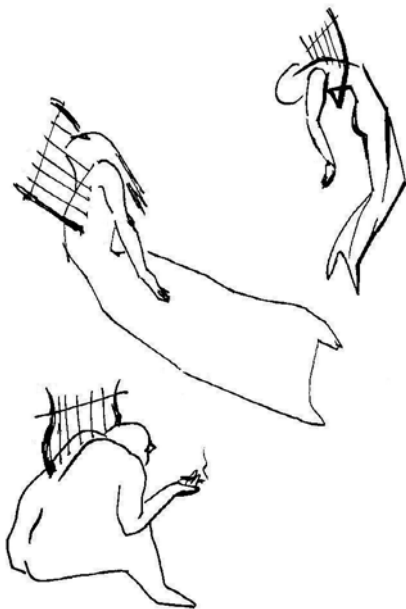

Рисунок Татьяны Лепиной

Завет (в защиту неандертальцев)

Послушайте, «Пришедшие на смену»,
ровесников Эпохи Ледников,
покинувших Истории арену
тому назад, аж сотни три веков.

За то, что мы техническим прогрессом
уродовать не стали естество
относитесь Вы к нам без интереса,
отказывая в праве на родство.

Считаете, что мы — тупик породы,
к тому же — неразборчивы в еде.
А вы — цари; у Матушки — Природы
Единственные, в Звёздной пустоте.

Но Мы до Вас придумали дубины
и зажигали первые огни,
и наши уникальные картины
на скалах можно видеть в Ваши дни.

Открыли мы Неведомые дали,
и не боялись никакой беды.
А ежели кого-нибудь съедали, —
Уж это, извините, от нужды.

И первые слова, рыча несмело,
смогли придумать тоже раньше Вас.
И первую одежду неумело
кроили наши жёны в поздний час.

Мы с Вами говорим из «века Оно»,
от глупостей хотим предостеречь.
Двоюродные внуки рода «Ното»,
задумайтесь, прослушав эту речь!

За сотню тысяч лет до Вашей эры,
Имея камни, палки и мозги,
Мы отживали мрачные пещеры,
от холода страдая и тоски.

Среди зверья ходили по планете,
а голодали... Тут уж не шути!
Но, не взирая, на проблемы эти,
пошли Мы не по Вашему пути.

На Мыслящих не делали орудий,
копье с дубиной были для зверей.
Ведь если мирно «Номо» жить не будет —
то скоро не останется людей.

И вот тогда безлюдную планету
заселят Инозвёздные Умы...
Последуйте прощальному завету —
избавьтесь от военной кутерьмы!

Послушай старших, «Человек Разумный»:
Оружием бренчит лишь дуралей.
И в жизни, скоротечной и безумной,
забудь «Последний довод королей!»

Пора безвременья

Начало
Всех начал,
Конечно,
Слово.
Свобода,
Красота,
Любовь —
Всему основа.

* * *

Слиняла стремглав
«Вековая» держава.
Предтеча распада —
Эффект резонанса.
Глубинные струны
Небесного лада:
Володя Высоцкий,
Булат Окуджава.

* * *

Что вечности
Твои упрёки?
Невыученные
Истории всемирной
И родной
Уроки
Обрекают
«Школяров»¹
И преданный народ,
Смотрящий в рот,
На повторение
Больших невзгод.

¹школяр — (англ., нем.) Scholar — учёный муж, грамотей.

* * *

Чем привлекает
Многих подворотня?
Она же сокращает
Путь домой.
Здесь нравы,
Судьбы разные
Встречаются,
И зачастую,
В «братство» подворотни
Обращаются,
Себе и прочим
Сокращая путь земной.

* * *

Затаились
В душах страхи
Подспудные,
Вековые,
А у побитой
Бездомной собаки
Глаза какие-то
Никакие.

* * *

Булгаковские страсти,
Потеха из потех:
Возгонка
Лютой ненависти
Ко всем вокруг —
У всех.
Вот только
Та забава
Догоняет тех,
Кто не способны
Видеть
Последствия утех.

* * *

Распад
Понятий,
Извращение идей:
Ну неужели
Вечный популист
С ведром цинизма
И ведром дерьма
В тельняшке
Исподней,
Переходя
На крик,
Низвергнет
Здравый смысл
И превратит
В запуганное стадо
Большинство людей...

* * *

Здесь как-то
Всё течёт
Не так опять:
И та же Волга —
Рукотворное
Болото.
А время,
Обращаемое
Тщетно вспять,
Засасывает
«Чёрная дыра»
Круговорота.

* * *

Нам снова
Предстоит угар
«Стокгольмского синдрома»,
Похмелье тяжкое
Фанатам
Каждый раз.
Очередное спортлото

«Канатчикова дома»
С напёрсточником
Виртуальным вкупе
Снимут нездоровый
Стресс зараз.

* * *

Чудом не теряя
Равновесья,
Погружаясь
В отчие края,
Задыхаясь
От наветов,
Лжи
И мракобесья,
Поражаюсь:
Где же
Трепетная
Родина моя?
Зачарованная
Троллем
Ольгинского круга,
Дикости преступные
Снося,
Ты ещё очнёшься
От испуга,
Девушка
Беспечная моя.
Ну, а позже,
Будто
Так и надо,
В сторону,
Негромко,
Взгляды отводя,
Процедишь
Сквозь зубы:
«Ну и ладно,
А уж ты
Прости меня».

* * *

Деревушка
Придорожная
Дураково,
Бездорожья —
Пруд
Пруди.
Где ещё
Найти
Ума-разума,
Пути
Особого,
Несуразного?

* * *

Вот и скатились
Под откос,
По сути, в никуда,
С высот волшебной,
Всякий раз
Неповторимой горки.
С колен вскочили
Во весь рост,
Красуясь
В профиль и анфас,
Соседей принялись тузить,
А также поносить
Всех, на чём
Свет стоит,
И тут же угодили
На задворки.

* * *

По ходу,
Ты и впрямь мудёр,
Коль распростёр
Себя в охапке крыльев,
И обрёл полёт,
Земное тяготение
Преодолев:
Вода ж — не лёд.

* * *

В рефлексии
Блуждающая
Сущность
Красоты
Вселенской,
Сложности
И простоты:
Что в мире этом
Мера зла,
Добра?
Похоже,
Это ты?

* * *

Пожалуй, что
Красиво
За окном,
Кругом
Уже бело,
И всё же
Не дано
Зиме блистательной
Затмить палитру
Летнего пейзажа.
Уныло,
Монохромно
И однообразно,
А снег,
Искрящийся порой,
Не греет душу,
Сковывая её даже.

* * *

А мы же родом
Из шестидесятых —
Джинсовых,
Неподвластных
И патлатых,
Любовью
И свободою
Крещённых,
«Битлами»,
«Роллингами»
Обращённых
В веру светлую,
Вполне
Земную:
«Make Love,
Not War»¹
Сегодня —
В самый раз
Нам исповедовать
Такую.

Июль 2017 — январь 2019

¹ «Make Love, not War» — «Творите любовь, а не войну» (англ.)

Леонид Володарский

Юрий Алексеевич и Бог

Юрий Алексеевич возвратился с сороковин. Старый друг его и товарищ по мордовскому лагерю перебрался, наконец, к Богу. Говорят, через сорок дней душа человека окончательно предстает перед престолом Всевышнего, простившись с землёй. А дальше Суд Небесный! Суд? Сколько судов было у покойного! А у самого Юрия Алексеевича? Но то были суды земные, людские, неправедные. А этот...

Юрий Алексеевич заперся в своем маленьком кабинете и сел в кресло. И почувствовал нестерпимое желание узнать о Боге всё. Конечно, он никогда не был правоверным советским атеистом, но и вопросы веры его особенно не волновали. Знал он только, что Бог — это совесть. Обостренная, больная совесть, которая никогда не даст честному человеку забыть о страданиях других.

С совестью у Юрия Алексеевича было всё в порядке. Иначе не мог бы он срок сначала в пятьдесят шестом за Венгрию, а потом ещё шесть лет во времена «тишайшего» Брежнева.

Но всё-таки иногда хотелось Юрию Алексеевичу представить Бога не так абстрактно. Раз есть жизнь после жизни, значит, и дающий её должен иметь конкретный облик. А, главное, глаза у него должны быть удивительные. Очи, в которых прочтёшь не только судьбу свою, но и судьбы целых стран и народов, и даже планет и галактик. Взглянуть бы хоть раз в очи эти, испытать себя. Может, и не отвел бы он, Юрий Алексеевич, взгляда своего от очей Божьих, выдержал бы испытание огнём сим!

Однажды, когда юный вольнодумец ходил по зоне, предстал ему Бог. Показался прямо на небе, аж посреди него. Вид имел старца иконописного. Улыбнулся он Юрию Алексеевичу, а потом протянул руки вниз и стал из проволоки колючей венцы терновые плести. Плёл и плёл, а проволока всё не кончалась. Устали глаза Юрия Алексеевича, отвёл он их, а когда снова на небо взглянул, то Бога там уже не было. Только свет дивный, одному Юрию Алексеевичу видимый, по небу разлился.

Второй раз узрел он Бога в Грузии, где друг, известный грузинский писатель и зек бывший, его принимал. Жена Юрия Алексеевича тогда вышла на некоторое время вместе с хозяином из комнаты. А сам Юрий Алексеевич за столом остался и стал с интересом заглядывать вглубь старинного рога для вина. Много об этом роге пра-

дедовском хозяин ему рассказывал. В лагере рассказывал, где сидел целых пятнадцать лет.

Больше всего запомнилось Юрию Алексеевичу в этом рассказе то, что, если в рог очень пристально посмотреть, а потом попросить показать что-то, то он обязательно это покажет.

Юрий Алексеевич попросил показать ему грядущее. И увидел он зону. Отбросил он тогда рог. Ведь была уже зона-то! Он просил будущее показать, а не прошлое. Прошрое он и так хорошо знал. И тут перед ним сияние выросло. Свет, мягкий, добрый, серебристый, окутал его. И откуда-то из глубины света этого послышался голос скорбный, но приятный: «Прошел один круг адский, пройдёшь и другой, горший. Я тебе всё выдержать помогу. Только доверься мне, о посох мой обопрись».

Юрия Алексеевича качнуло, сознание мутиться начало. Но ничего не сказал он ни хозяину, ни жене.

Когда везли его на новую отсидку, вспоминал он свет дивный и будто кутался в него. И знал, что свет этот прочней доспехов любых. И позже, там, в зоне новой, всё он думал о видении своём, что в доме грузинском было.

После освобождения Юрий Алексеевич поселился вместе с женой и детьми, которыми успел обзавестись в перерыве между двумя зонами, почти в самом центре Москвы. Власти и органы не возражали.

Снова вернулся к своему увлечению живописью. Писал картины, яркие, сочные, полные жизни и воли. И пейзажи среди них были, и портреты.

Перестройка горбачёвская принесла Юрию Алексеевичу награду венгерскую. Впервые поехал он за рубеж. И получил орден иностранный из рук самого президента страны, бросившей когда-то вызов красному гиганту. Президент тогда тоже бунтовал, да так бунтовал, что на смертную казнь себе заработал. Ему тогда и присниться не могло, что потом президентом станет. Как и тем, кто судил его и приговор выносил. Однако ему-то решетка вместо крышки гробовой в последний момент вышла, потому и дожил он до тех времен, когда бунтари сами править начали. И он — из первых.

Так что бывший зек вручал награду бывшему зеку.

Пришёл Юрий Алексеевич и к Белому Дому, когда август девяносто первого случился. За что от русского президента медаль получил. Изволил «царь Борис» расписаться на удостоверении собственоручно.

Бурные дни русские текли. И течение это тянуло за собой и старого диссидента, не давая ему о смысле жизни, а, значит, и о Боге задуматься.

Только когда дочка красивая пошла работать в салон «мага и ясновидца великого», где череп на столе стоял, да иные страшилки обретались, сказал Юрий Алексеевич другу старому с усмешкой: «Дурят православных! Вот и дочку задурили».

Дочка, впрочем, быстро оттуда ушла. Очень уж откровенно смеялся хозяин салона над теми, кто к нему приходил и деньги большие выкладывал.

Один молодой знакомый Юрия Алексеевича, узнав об этом случае, предложил ему серьёзную литературу на оккультные темы. Но старый вольнодумец вежливо поблагодарил молодого человека и книг не взял. Слишком любил он классику русскую, особенно поэзию. А поэт Блок, побывав однажды на собрании философствующих оккультистов, обронил знаменитую фразу: «Говорили о нескажемом».

Хотя, конечно, понимал Юрий Алексеевич, что есть в мире этом немногие те, кто и вправду знает Истину. Знает, если и не о Боге, то хотя бы о лестнице, что ведёт к нему. Но они не болтают. Потому и Адептами зовутся. Они считают, что у человека не одна жизнь, а много жизней. И это нравилось Юрию Алексеевичу. Оно как-то объясняло ему механизмы действия судьбы, Кармы по-восточному. И если его Карма сроднилась со словом «кара», то, значит, в прежних жизнях он что-то сделал не так. А может, напротив, был настолько чист, что добровольно выбрал крест свой. Последняя мысль была противна самой натуре Юрия Алексеевича, считавшего себя человеком слабым и греховным, потому он её от себя сразу же прогнал.

А вообще, Юрий Алексеевич предполагал, что Бог каждому человеку является в том облики, которого тот заслуживает, или которое способно вместить сознание его. Ведь не человек же Бог, а Дух Великий, Сущность Бессмертная. Это он хорошо понимал, хотя и с уважением вглядывался в лики иконописные. Чтоб доступным человеку быть, надо себя в доступном виде подать. Тогда иконописец не испугается. Но всякий лик светом дивным в душу человеческую вливаться должен. Этот свет и есть Бог, а не само изображение.

Конечно, Юрий Алексеевич опирался на опыт собственный. Но ведь не он же придумал фразу: «Аз есмь Свет»!

Вот и сейчас, придя с сороковин, подумал Юрий Алексеевич о том, что покойный, наверное, уже воскрес к жизни новой, той, где Бог куда ближе к человеку, чем здесь, на земле.

Юрий Алексеевич откинулся в кресле и постарался как можно ярче представить себе образ ушедшего. И ушедший появился перед Юрием Алексеевичем молодым, здоровым и оптимистичным. Таким, каким знал его Юрий Алексеевич в мордовском лагере много

лет назад. И сказал он беззвучно: «А знаешь, ты скоро тоже станешь молодым. И мы с тобой снова встретимся. Только проволоки колючей да зоны больше не будет».

Потом исчез он, а на месте его зажётся чудный свет. И был похож на свет, что уже появлялся в жизни Юрия Алексеевича.

Только был он куда мощнее и ярче, чем прежний. И голос, что изошёл из него, не просто звучал, а проникал в каждую клеточку существа Юрия Алексеевича. Так входит газ в воздушный шарик, чтобы тот мог стать по-настоящему летающим. Стоит отпустить ниточку, и шарик уже в небе!

И Юрий Алексеевич действительно увидел шарик. Он тоже вылетел из света. И ниточка, за которую держала шарик незримая рука, была серебряного цвета.

А голос спросил Юрия Алексеевича:

«Ты помнишь наизусть строки, за которые попал в заключение? Помнишь. Хорошо. Тогда прочти мне их вслух».

И Юрий Алексеевич медленно продекламировал:

В ночном Будапеште грохочут бои,
Весь город в кольце баррикад...
Мадьяры, мадьяры! Вы — братья мои!
Я с вами — ваш русский брат!

Голос продолжил: «А теперь посмотри себе под ноги и скажи, что ты там видишь».

Юрий Алексеевич ответил сконфуженно: «Да, там валяются мои рукописи... Я привык бросать их на пол. Мне нравится писать, а не сортировать, не складывать... Я понимаю, что это плохо...»

Голос зазвучал у самого сердца Юрия Алексеевича: «А теперь посмотри перед собой. Что ты там видишь?»

«Вижу дерево, крона которого скрывается в облаках», — сказал Юрий Алексеевич.

Голос проник внутрь сердца Юрия Алексеевича: «А теперь снова посмотри себе под ноги. Есть ли что-нибудь там?»

«Ничего нет, — удивлённо ответил Юрий Алексеевич, — всё куда-то исчезло».

«Просто все твои разбросанные листочки стали листьями одного дерева, не известной людям породы, — изошёл из глубины сердца Юрия Алексеевича голос. — Сорви теперь первый попавшийся листок, скажи, что на нём написано».

«Здесь стихотворение, — прошептал Юрий Алексеевич, — в нём сказано, что «всё вокруг так ярко озарилось, и всё совсем иначе оценилось, что было твердью, стало топью зыбкой...»

«Всё верно сказано, — согласился голос. — А теперь тебе пора узнать истинную твердь. Мою. Ты же часть Меня. И Я сейчас отпущу серебряную нить воздушного шарика. Пусть он летит за Мной. И пусть ты идёшь за ним».

Освобождённый шарик стремительно ринулся к потолку. А Юрий Алексеевич вспомнил песню Окуджавы о том, как «шарик вернулся, а шарик голубой». Он хорошо знал Окуджаву и дружил с ним. Булат очень уважал Юрия Алексеевича за мужество и судьбу. А Юрию Алексеевичу это было странно и даже неловко.

И тут Юрий Алексеевич почувствовал, что он тоже может летать. И он устремился вслед за шариком.

Поднимаясь над письменным столом, он увидел, что все его картины светятся поразительными красками, которых он никогда не встречал в своей жизни.

А потом эти картины слились в одну огромную объёмную картину, которая ожила и превратилась в единый мир.

И в мире этом жило Вечное Лето. И в нём предстояло жить отныне Юрию Алексеевичу. И уже торопились его встречать и Булат, и недавно ушедший товарищ, и многие другие, кого он когда-то знал, и кто покинул мир этот в разные годы.

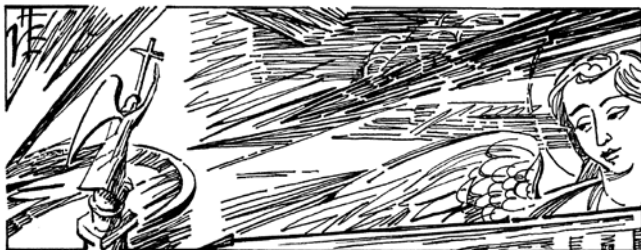
Но впереди всех встречавших выплеснулся навстречу Юрию Алексеевичу Великий Свет. Огонь Неопалиющий. И омыл Огонь сердце Юрия Алексеевича, и стало оно подобием звезды небесной.

И понял Юрий Алексеевич, что сейчас познает он Бога. Заглянет в очи Ему, как мечтал. И заглянул он в них.

Пришедшие в церковь на отпевание Юрия Алексеевича поразились тому свету, которым светилось лицо покойного. Они не знали, что так Бог являет им Себя.

А Юрий Алексеевич знал. И радовался этому знанию.

6.03.2003 года

Материалы к 100-летию восстания тамбовских крестьян 1920–21 годов

Предыстория

До революции Тамбовская губерния делилась на 19 уездов. Кроме губернского города Тамбова с уездом, было ещё 11 уездных городов. Уезды, в свою очередь, делились на 361 волость с 7809 селами и деревнями. Было ещё множество отдельных хуторов, различных сельских хозяйств и поместий. Губерния, огромная по своей площади, имела население около 4 миллионов человек. В городах проживало всего 268 тысяч человек. Подавляющее большинство жителей жило в сельской местности, где занималось сельским хозяйством. Тамбовская губерния была расположена на лучших в мире чернозёмах — плодородный чернозёмный пласт в некоторых местах достигает глубины 4 метров. Тамбовская губерния занимала по своему развитию пятое место в Российской империи (среди 80 других губерний и административных образований) и считалась, таким образом, одной из самых богатых губерний страны. С началом Первой мировой войны её экономическое положение несколько не ухудшилось. Хотя в Европе тамбовчане потеряли отдельные рынки сбыта сельскохозяйственной продукции, но эти потери компенсировались поставками на нужды действующей армии. Таким образом, губерния не утратила объёмов производства продовольствия и оставалась одной из лучших житниц Российской империи [2] [3]. При большевиках крестьян на Тамбовщине, как и по всей России, лишили всяких политических и экономических прав, запретили торговать хлебом и стали забирать его силой [4]. Относительная близость Тамбовской губернии к центру и её удалённость от фронтов предопределили широкий размах деятельности продотрядов, что вызывало у местного крестьянского населения сильное недовольство. Население Тамбовщины ответило коммунистам активным вооружённым сопротивлением [3]. В 1918 году в локальных восстаниях и партизанском движении против большевиков, продотрядов и комбедов приняло участие до 40 тыс. человек. Положение властей осложнялось частыми переходами красноармейцев (зачастую с оружием в руках) на сторону повстанцев. Также большое количество оружия оказалось в руках партизан после конного рейда генерала Мамонтова летом 1919 года.

Дезертирство

Проблема с дезертирством из рядов Красной Армии началась в конце мая 1918 года, когда Советская власть предприняла первую попытку введения всеобщей воинской повинности: в указе, объявлявшем о мобилизации в Тамбове, говорилось, что все взрослые мужчины в возрасте от двадцати одного до двадцати пяти лет должны были явиться на пункты сбора, где предполагалось оценить их пригодность для строевой службы [5].

Профессор Лэндис считал, что для провинциальных чиновников не стало новостью, что деревенские сообщества не решались ответить на призыв властей без серьезных гарантии безопасности в своих сёлах: шедшая в регионе продразверстка только усугубляла ситуацию. Два вопроса были наиболее остры в тот момент: доверие и безопасность. До апреля 1918 года советское правительство во главе с большевиками не обладало «эффективным контролем» над губернской администрацией в Тамбове, а переход власти к большевикам в основном происходил в городах губернии — без участия сельских населенных пунктов [6]. В результате, при объявлении о мобилизации сельские сходы либо отказывались участвовать в «братоубийственной» войне, либо требовали от властей оружия для самообороны [7].

При этом попытка властей губернии создать небольшие воинские части ещё до выхода приказа о массовой мобилизации не увенчалась успехом: при столкновении с частями Чехословацкого корпуса, находившимися на территории соседней Саратовской губернии, тамбовские отряды были разбиты и взяты в плен — но вскоре отпущены с условием передачи «русским» сообщения, что они «идиоты», поскольку чехи, по их собственным словам, хотели как можно скорее покинуть территорию чужой страны [8] [9].

Кроме того, новая власть оказалась сама не готова к проведению мобилизации: те «небольшие» группы призывников, что всё же прибыли в Тамбов создали «хаос» и даже на два дня свергли советскую власть — формально в городе была восстановлена местная дума царских времён [10] [11]. В результате новая попытка мобилизовать местное население была отложена до поздней осени 1918 года [12].

Мобилизация осени-зимы 1918 года проводилась в условиях отсутствия казарм для размещения новобранцев и сложностей с обеспечением их продовольствием: зачастую наскоро собранные в «подразделения» молодые люди попросту сажались на поезд, идущий в сторону фронта. Несмотря на вооружённую охрану вагонов, от четверти до половины солдат удавалось бежать во время пути

[13]. В декабре в Москве была создана Центральная комиссия по борьбе с дезертирством, подчинявшаяся непосредственно Совету Рабочей и Крестьянской Обороны, а в Тамбове открылось её местное отделение; в качестве комиссара из столицы в губернию прибыл нарком почт и телеграфов Вадим Подбельский. В регионе были созданы патрули по борьбе с дезертирством, состоявшие из членов партии и красноармейцев — «для осмотра домов и проведения облав»; данные подразделения были наделены правом расстрела, «в особых случаях» [14].

Особенно возрос масштаб борьбы с дезертирством в центральной России, и Тамбовской губернии в частности, в середине мая 1919 года, в связи с началом наступления деникинских частей с юга, в то время как большая часть Красной армии располагалась на Востоке — против сил Колчака. Серьёзность угрозы была такова, что советские власти стали мобилизовать и тех, кто ранее считался к службе непригодным, а в деревнях, подозревавшихся в сокрытии дезертиров, начали брать заложников из числа местных жителей. При этом самим дезертирам в июне была объявлена амнистия, продлённая и на следующий месяц. В результате в первый месяц амнистии патрули поставили в строй 44 тысячи человек — в дополнение к 156 тысячам, сдавшимся добровольно — что было воспринято в центре как часть «перелома» в отношении деревни к советской власти [15]. Бывших дезертиров разделили на две группы: «злостные» (подлежавшие суду) и «по слабости воли» (или «не злостные»). Теперь основная часть новобранцев не попадала на фронт — который преимущественно пополнялся за счёт коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов — а отправлялась в запасные части; при транспортировке или по прибытии в эти части, зачастую не располагавшими питанием для пополнения, многие дезертировали повторно [16].

Таким образом на территории губернии появились «банды» молодых людей — преимущественно дезертиров, обозначивших себя как «зелёные». В отличие от крестьян-повстанцев, дезертиры избегали активных действий, старались прятаться в лесах и привлекать к себе поменьше внимания. Осенью численность подобных формирований снижалась, и они практически исчезали к зиме, но в следующем году появлялись вновь [17].

Антонов

В период с декабря 1918 по январь 1919 года бывший начальник Кирсановской милиции эсер Александр Антонов создаёт и вооружает «Боевую дружину», состоявшую из 10–15 человек. С ней он

начинает заниматься «экспроприациями» советских учреждений и индивидуальным террором против местных большевиков. К лету 1919 года отряд Антонова достигал уже ста пятидесяти человек, отобранных в основном из числа дезертиров. В районах действия антоновцев продотряды старались не показываться, а местные крестьяне считали его своим заступником.

Начало и ход восстания

По состоянию на 1920 год население губернии составляло 3650 тысяч человек (всего насчитывалось 268 тысяч городских и 3382 тысяч сельских жителей), по показателю плотности населения (62 человек на квадратную версту) она являлась одной из самых густонаселенных (занимала 12-е место) в Советской России [18]. При этом количество коммунистов было небольшим: в августе 1920 года в 685 местных парторганизациях насчитывалось 13 490 коммунистов и кандидатов в члены партии (из них в сельских районах — только 4492 человека) [19]. В 1920 году Тамбовщину поразила засуха, и хлеба было собрано всего 12 млн. пудов. Между тем продразвёрстка не была уменьшена, составив 11,5 млн. пудов. Предпринятые председателем Тамбовского губисполкома Шлихтером А. Г. кровавые меры [источник не указан 550 дней] по выбиванию продовольствия стали одной из причиной начала более широкого восстания в губернии [1] [неавторитетный источник]. Оно вспыхнуло 15 августа 1920 года в селе Хитрово Тамбовского уезда после разоружения продотряда.

19 августа 1920 года сразу в нескольких сёлах (Каменка Тамбовского уезда, Туголуково Борисоглебского уезда) крестьяне отказались сдавать хлеб и при поддержке партизан уничтожили продотряды, местных коммунистов и чекистов. В тот же день в селе Афанасьевке Тамбовского уезда произошло объединение нескольких мелких повстанческих групп в партизанскую армию, и восстание стало быстро распространяться. Вскоре восстанием были охвачены территории Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского, Моршанского и Козловского уездов Тамбовской губернии, а также соседние с ней уезды Саратовской и Воронежской губерний. Повстанцы ликвидировали органы советской власти, уничтожали её представителей, воинские гарнизоны и в некоторых сёлах брали власть в свои руки.

21 августа 1920 года на заседании Тамбовского губкома РКП (б) был создан чрезвычайный оперативный штаб, в губернии было введено осадное положение, однако контроль над развитием событий был уже утрачен. Хотя войска Тамбовской губернии сумели нанести

мятежникам ощутимые потери [20], восстание приобрело массовый и затяжной характер. 30 августа губком охарактеризовал положение как «чрезвычайно серьёзное», была проведена мобилизация коммунистов: 500 человек перевели на казарменное положение. 31 августа председатель Тамбовского губисполкома Шлихтер выступил во главе карательного отряда против мятежников [21], но потерпел поражение и бежал обратно в Тамбов [источник не указан] после чего был снят с должности.

В октябре 1920 года Ленин поручил Ф. Э. Дзержинскому, Э. М. Склянскому и В. С. Корневу «ускорить разгром антоновщины». К 15 октября 1920 года за счёт проведённой мобилизации местных резервов, преданных частей ВОХР и ЧОН численность войск удалось увеличить до 4447 человек при 22 пулемётах и 5 орудиях. Для сравнения в распоряжении Антонова на тот момент было уже до 20 тысяч человек повстанцев, 44 пулемёта Максима, 5 трёхдюймовых орудий, к ним 300 снарядов.

Объединённая партизанская армия Тамбовской губернии 14 ноября 1920 года повстанцы решили объединить все свои силы под единым командованием. Они создали Объединённую партизанскую армию Тамбовского края (которую возглавил также бывший милиционер, георгиевский кавалер поручик Пётр Токмаков, родом из крестьян села Иноковки Кирсановского уезда) в составе трёх армий (1-я, 2-я и 3-я повстанческие). Кроме того на основе уцелевших эсеровских организаций была образована собственная политическая организация «Союз трудового крестьянства», декларирующая близкие с эсерами [22] лозунги свержения большевистской диктатуры, созыва Учредительного собрания, восстановления политических и экономических свобод. Восстание достигло максимального размаха к январю-февралю 1921 года, когда численность повстанцев достигла 50 тысяч человек, объединённых в две армии (в составе 14 пехотных, 5 кавалерийских полков и 1 отдельной бригады при 25 пулемётах и 5 орудиях). Повстанцы разгромили 60 совхозов, взяли под контроль практически всю Тамбовскую губернию (в руках большевиков остались только города), парализовали движение по Рязано-Уральской железной дороге, и успешно отбивали попытки большевистских войск вторгнуться на территорию восстания, нанося им большие потери.

В январе 1921 года на Оргбюро ЦК РКП (б) с участием Дзержинского, Корнева, С. С. Каменева и руководства Тамбовской губернии вновь обсудили ход борьбы с антоновщиной. 6 февраля 1921 года в губернию была направлена Полномочная комиссия ВЦИК во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко, которая стала высшим органом борьбы с восстанием. К этому времени под командованием

А. В. Павлова находилось 11 602 человек при 136 пулемётах и 18 орудиях [23].

Перелом

12 февраля 1921 года на основании решения Наркомата продовольствия, на территории Тамбовской губернии было остановлено выполнение продовольственной развёрстки, а в марте 1921 года X съезд РКП (б) принял решение отменить в стране продовольственную развёрстку, вместо которой вводили фиксированный продовольственный налог.

Для рядовых повстанцев была объявлена амнистия (при условии сдачи оружия и информации о местонахождении командиров) [24]. Предпринятые меры широко освещались в печати и агитационных материалах (всего было выпущено 77 наименований воззваний, листовок, плакатов и брошюр) и постепенно возымели действие.

Ещё 21 февраля 1921 года в приказе № 21 по 1-й повстанческой армии А. С. Антонов отмечает: «среди партизанских отрядов начинает слабеть боевой дух, наблюдается постыдная трусость». А в ответ на радость крестьян села Горелое под Тамбовом отмене продразвёрстки заметил: «Да, мужики победили. Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка» [25].

Тем не менее бои продолжались. 11 апреля 1921 года 5-тысячный отряд «антоновцев» разгромил гарнизон в Рассказово, при этом в плен попал целый батальон красноармейцев [26]. 27 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП (б) назначило командующим войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского, его заместителем — И. П. Уборевича, начальником штаба — Н. Е. Какурина. Также на Тамбовщину был отправлен Г. И. Котовский. От ВЧК прибыли Г. Г. Ягода и В. В. Ульрих (местными чекистами руководил Михаил Антонов-Герман). Тухачевский получил директиву — ликвидировать тамбовское восстание не позже чем в месячный срок. Завершившаяся советско-польская война, а до этого разгром Русской армии Врангеля в Крыму позволили большевикам направить против повстанцев большие силы РККА. Численность войск быстро увеличивалась и к концу мая 1921 года составила уже 43 тыс. красноармейцев (35 тыс. штыков и 8 тыс. сабель при 463 пулемётах и 63 артиллерийских орудиях) [27].

ЦК РКП (б) дополнительно мобилизовал в помощь тамбовской губернской партийной организации 300 коммунистов из Москвы, Петрограда и Тулы [28]. Рабочими вагонных мастерских была построена «бронелетучка» в составе бронированного паровоза, трёх блиндированных вагонов и двух грузовых платформ с установлен-

ным вооружением: одним 76-миллиметровым орудием и тремя пулемётами. «Бронепоезд» находился в распоряжении транспортной ЧК и использовался для обеспечения безопасности по линии железной дороги [29]. 20 мая 1921 года Токмаковым, возглавлявшим командование партизан и СТК, и местным населением на митинге в селе Карай-Салтыки Кирсановского уезда была провозглашена Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края (с правами до созыва Учредительного собрания). Главой «республики» был выдвинут один из самых активных участников сопротивления крестьянин Шендяпин.

25 мая 1921 года отдельной кавалерийской бригадой Г. И. Котовского были разбиты и рассеяны два повстанческих полка под командованием Селянского, который получил смертельное ранение [30]. В боях, продолжавшихся с 28 мая по 7 июня 1921 года, в районе станции Инжавино части Красной армии (кавалерийская бригада Г. И. Котовского, 14-я отдельная кавалерийская бригада, 15-я Сибирская кавалерийская дивизия, 7-е Борисоглебские кавалерийские курсы) под общим командованием Уборевича разгромили 2-ю армию повстанцев (под командованием А. С. Антонова). После этого 1-я повстанческая армия (под командованием полковника А. В. Богуславского) уклонилась от «генерального сражения», и инициатива окончательно перешла к войскам Красной армии.

Разгром восстания

В общей сложности в подавлении Тамбовского восстания было задействовано до 55 тыс. военнослужащих РККА: 37,5 тыс. штыков, 10 тыс. сабель, а также 7 тыс. военнослужащих в составе девяти артиллерийских бригад; 5 автобронепоезда, 4 бронепоезда, 6 бронелетучек, 2 авиаотряда, курсанты Московских и Орловских пехотных и Борисоглебских кавалерийских курсов [31]. Не последнюю роль в разгроме крестьянского бунта на Тамбовщине сыграли жестокие репрессивные меры против восставших, их семей и односельчан. 11 июня 1921 года Полномочной комиссией ВЦИК был издан приказ № 171 «О начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей» [32].

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей N 171, г. Тамбов 11 июня 1921 г.

Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5 Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края. Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решитель-

ными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает: 1. Граждан, отказывающихся называть своё имя, расстреливать на месте без суда. 2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия. 3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье. 4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество её конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда. 5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда. 6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать. 7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсенко
Командующий войсками Тухачевский
Председатель губисполкома Лавров
Секретарь Васильев
Прочесть на сельских сходах.

ГАТО. Ф. Р.—4049. Оп.1. Д.5. Л. 45. Типографский экз.

На следующий день 12 июня 1921 года Тухачевский подписал приказ № 0116 о применении против повстанцев химического оружия [33] [34]:

ПРИКАЗ

Командующего войсками Тамбовской губернии № 0116/
оперативно-секретный

*г. Тамбов
12 июня 1921 г.*

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

*Командующий войсками Тухачевский
Начальник штаба войск Генштаба Какурин*

Российский государственный военный архив Ф.34228. Оп.1. Д.292. Л. 5 Впервые в истории против своих граждан [источник не указан 47 дней] армия Тухачевского применила химическое оружие — снаряды и баллоны с хлором.

*24 июня 1921 г.
Командующему войсками Тамбовской губернии*

РАПОРТ

Относительно применения газов в Москве я выяснил следующее: наряд на 2000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му — 100. Инструкцию для применения представляю на Ваше рассмотрение, после чего разошлю её начальникам артиллерии участков.

*Инспектор артиллерии Тамбовской армии
по борьбе с бандитизмом С. Косинов*

Б. В. Сенников. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.

Газы использовались в местах наиболее интенсивного сопротивления восставших, а также в лесных массивах и на болотах, куда доступ войск был затруднен.

Полномочная Комиссия ВЦИК рекомендовала следующий метод зачистки охваченных восстанием населённых пунктов, издав 23 июня 1921 года приказ № 116 за подписью её председателя Антонова-Овсеенко и командующего войсками Тухачевского [33]:

ПРИКАЗ
Полномочной Комиссии ВЦИК № 116

*г. Тамбов
23 июня 1921 г.*

Опыт первого боевого участка показывает большую пригодность для быстрого очищения от бандитизма известных районов

по следующему способу чистки. Намечаются особенно бандитски настроенные волости и туда выезжают представители уездной политической комиссии, особого отделения, отделения военного трибунала и командования вместе с частями, предназначенными для проведения чистки.

По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение. Выезд и въезд в волость должны быть на время операции запрещены. После этого собирается полный волостной сход, на коем прочитываются приказы Полномочной Комиссии ВЦИК № 130 и 171 и написанный приговор для этой волости. Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие. Желаящие исполнить это становятся отдельно, разбиваются на сотни и каждая сотня пропускается для опроса через опросную комиссию (представителей Особого отдела и Военного трибунала).

Каждый должен дать показания, не отговариваясь незнанием. В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д. По разработке материала, добытого из опросов, создаются экспедиционные отряды с обязательным участием в них лиц, давших сведения, и других местных жителей и отправляются на ловлю бандитов. По окончании чистки осадное положение снимается, водворяется ревком и насаждается милиция.

Настоящее Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению.

*Председатель Полномочной Комиссии Антонов-Овсеенко
Командующий войсками Тухачевский*

Российский государственный военный архив Ф.235. Оп.2. Д.16. Л. 25

Участники разгрома Антоновского восстания (1921) Против повстанцев применяли артиллерию, авиацию, бронетехнику и химическое оружие — хлор марки Е 56 [35]. Решение о применении газов для «выкуривания» оставшихся отрядов повстанцев из лесов было принято 9 июня 1921 года на заседании комиссии ВЦИК под председательством В. А. Антонова-Овсеенко [36]. При этом применялись

снаряды типа АЖО с газом хлорпикрином слезоточивого действия [37]. Документально зафиксировано три случая их применения. В частности, в дневнике боевых действий артдивизиона бригады За-волжского военного округа записано, что 13 июля 1921 года в бою было израсходовано: гранат трёхдюймовых — 160, шрапнелей — 69, гранат химических — 47. 3 августа командир батареи Белгородских артиллерийских курсов доносил начальнику артиллерии 6-го бое-вого участка, что при обстреле острова на озере Кипец выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических снарядов [38]. По утвер-ждениям некоторых исследований, применявшиеся большевиками в мае — июне 1921 года химические снаряды приводили к гибели не только повстанцев, но и гражданского населения. В то же время исследователь А. С. Бобков, подтверждая факты применения хи-мических снарядов советскими войсками (им описаны три случая применения химических зарядов в боевых условиях), высказал со-мнения в эффективности применения химических зарядов из-за полного отсутствия опыта их применения Красной армией и ука-зывал на отсутствие сведений о жертвах в результате их примене-ния [39]. Военные историки А. Глушко и Н. Шило отмечают, что, не-смотря на наличие довольно больших запасов, во всех трёх случаях химические снаряды применялись в недостаточном для получения боевого эффекта количествах, чем и объясняется отказ от их даль-нейшего применения [37].

К лету 1921 года основные силы повстанцев потерпели пора-жение. В начале июля руководством восстания был издан приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы, скрыться в лесах и перейти к партизанским действиям или разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких изолиро-ванных очагов, и повстанцы вернулись к партизанской тактике, ак-тивно использовавшейся до августа 1921 года. Отдельные стычки на Тамбовщине продолжались до лета 1922 года, постепенно сойдя на нет. 16 июля 1922 года вскоре после ликвидации Антонова Тухачев-ский доложил ЦК РКП (б): «Мятеж ликвидирован, Советская власть восстановлена повсеместно» [40].

Репрессии

В основу своих операций Тухачевский положил создание на Там-бовщине жёсткого оккупационного [41] режима и террор против населения губернии, со взятием заложников, уничтожением сёл и деревень, созданием концлагерей и массовых расстрелов. Артил-лерийским огнём были полностью уничтожены сёла Коптево, Хи-трово, Верхнеспаское Тамбовского уезда [источник не указан 1898

дней]. Особенно ожесточала повстанцев система заложничества; в ответ на неё они сами брали в заложники и расстреливали красноармейцев, коммунистов, советских служащих и членов их семей [42].

В наскоро оборудованных губернским управлением принудительных работ концентрационных лагерях для заложников наряду со взрослыми в большом количестве содержались и дети. 27 июня 1921 года на заседании полномочной комиссии ВЦИК был отмечен «большой наплыв в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная от грудных детей», предлагали [источник не указан 1898 дней] детей-заложников до 15 лет содержать отдельно от взрослых, и чтобы с трёхлетними детьми имели право находиться их матери. Даже после проведения кампании по разгрузке концлагерей в июле 1921 года (восстание к тому времени было практически подавлено, и заложники с маленькими детьми были распущены по домам) там всё ещё находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет [источник не указан 1898 дней]. Общее число крестьян Тамбовской губернии, подвергшихся репрессиям, Юлия Кантор оценивает в 30–50 тысяч человек [43].

Для устрашения населения селений в зоне действия повстанцев применялись массовые расстрелы заложников. Так, 27 июня 1921 г. деревня Осиновка была оцеплена красноармейскими частями, были изданы приказы, устанавливающие 2-часовой срок для выдачи «бандитов» и оружия с предупреждением о том, что за невыполнение будут расстреляны заложники. Было взято до 40 заложников. По истечении установленного срока был расстрелян 21 заложник в присутствии схода крестьян, после чего крестьяне отправились искать оружие и ловить «бандитов». Были выданы 3 винтовки и 5 «бандитов». Семьи расстрелянных заложников, а также укрывающихся «бандитов» были высланы в концлагеря. 36 заложников были расстреляны 3–4 июля в селе Богословка. Когда угроза расстрелов не действовала, как в деревне 2-я Кареевка, состоявшей из 65–70 дворов, жителей деревни выселяли, их имущество конфисковали, а саму деревню сжигали [44]. Тухачевский отмечал [45] [46]:

Без расстрелов ничего не получается. Расстрелы в одном селеении на другое не действуют, пока в них не будет проведена такая же мера. Тем не менее, заложничество детей пресечь всё же пытались:

Распоряжение Тамбовской уполиткомиссии председателю
Пригородно-Слободского волревкома о запрете ареста в качестве
заложников детей, беременных женщин и женщин
с малолетними детьми.

20 июля 1921 г.
Секретно, срочно

По распоряжению предуполиткомиссии ревкомам категориче-
ски приказывается не арестовывать детей, беременных женщин,
женщин с малолетними детьми в качестве заложников за бандитов.
За неисполнение настоящего распоряжения председатели ревкомов
будут привлекаться к строгой ответственности. Немедленно рас-
пространить распоряжение по всей волости (сельревкомам).

Об исполнении сообщить в уполиткомиссию.

Секретарь уполиткомиссии Литов

ГАТО. Ф. Р.—4049. Оп.1. Д. 1. Л. 117. Подлинник.

Подготовила Анна Бертуло

«Воздух победы»

Издательство «Перо», Москва, 2019

«Воздух Победы» — единственная, посмертно изданная книга моего отца — доктора физико-математических наук, профессора, одного из участников прорыва блокады Ленинграда.

Рассказы основаны на документальном материале: будни войны глазами недавнего выпускника МГУ, идеалиста и романтика.

Книга построена на контрасте суровой действительности, с её невосполнимыми человеческими жертвами, и внутреннем ощущении приближающейся Победы, верой в торжество справедливости.

Поводом для написания рассказа «Солдат» послужил удивительный факт встречи автора с одним из уцелевших 28 легендарных панфиловцев.

В узнаваемости персонажей и сюжетных поворотах просматриваются почти готовые сценарии на тему Великой Отечественной войны.

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

Александр Хмелевский

«Эхо Александра Грина»

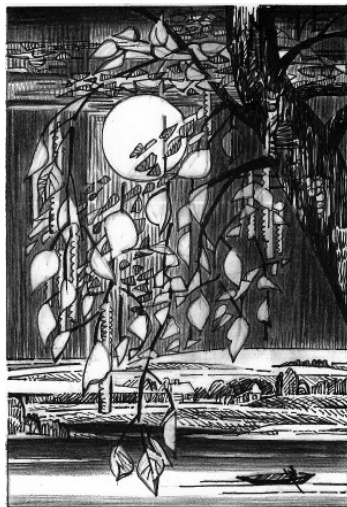

Александр Сергеевич ХМЕЛЕВСКИЙ родился в городе Усурийске (Приморский край). С 1981 года живёт в городе Калуге и с 2000 года публикует свои работы: мемуарные новеллы, историко-краеведческие статьи, художественную прозу, литературоведческие исследования и др.

В книге «Эхо Александра Грина (Творчество. Судьба. Поэзия)» рассказывается о малоизвестных аспектах творчества и жизненной судьбы писателя, предлагаются новые жанровые определения его произведений и впервые в русской литературе представлена поэзия, посвящённая Грину.

Книга А.С. Хмелевского, написанная увлекательно и оригинально составленная, не оставит никого равнодушным.

«Тени имён на тарусских холмах»

Это пятая книга автора.

Предыдущие четыре: «Ветер риска», «Братец клён», «Розовые тени» - книга в альманахе «Истоки» и «Древесная книга» по жанру поэтические сборники.

«Тени имён на тарусских холмах» фактически дебют малой прозы, мемуарного характера.

В центре повествования незабываемое время оттепели, совпавшее с детством и ранней юностью автора.

Кроме малой прозы, в книгу вошли венки сонетов и стихи последних лет.

Алфавитный указатель авторов

Андреев-Лосев Владислав	99, 174	Маркович Анри	24, 36
Антонов Анатолий	55, 290	Наровчатова Ксения	22, 212
Антонова Ирина	35, 92	Наровчатова Ольга	101, 119, 226
Баклашкина Лидия	204	Окенчиц Наталья	52
Божор Наталья	28, 132	Ольхов Борис	43
Бондаренко Ольга	23, 40	Осокина Людмила	116
Барварица Инна	253	Познякова Нина	209
Виткова Елена	216	Пустовитовский Владимир	134, 229
Влодов Юрий	14, 114	Светланова Валерия	258
Володарский Леонид	272	Сергеева Ирэна	12, 54, 130
Выборнов Олег	265	Славоросов Аркадий	160
Гашунина Галина	59	Славороссова Евгения	21, 62, 124, 149
Дударев Валерий	26	Солдатенкова Дарья	169
Егоркин Григорий	39	Софиантроп О Нил	260
Егорова-Нерли Ирина	6	Спектр Яша	237
Жданова Ирина	127	Телюк Сергей	20
Желебенцев Валерий	201	Точнов Александр	42, 131
Иодловский Николай	37	Трегубова Нина	250
Кебадзе Алексей	112, 177	Хмелевский Алесандр	231, 291
Козлов Андрей	263	Шацков Андрей	27
Коржов Владимир	146	Шубина Валерия	217
Лепилина Татьяна	121		
Магов Николай	243		

Двенадцатый выпуск альманаха «Истоки» 2019-2020 «совпал» со многими знаменательными датами: 220 лет со дня рождения А. Пушкина, 140 лет со дня рождения А. Блока, 75-летие Великой Победы.

Радует широкая «география» альманаха: его участники поэты и прозаики Москвы, Петербурга, Калуги, Алтая, Дагестана и даже один автор из США.

Замечательные, исполненные оптимизма эссе И. Егоровой-Нерли, открывающие альманах, утверждают, что Пушкин и Блок неразрывны – это концепция её изящной графики – иллюстраций к альманаху. Свежо и проникновенно звучат голоса современных поэтов, обращённых к памяти наших литературных корифеев. Эссе Валерии Шубиной, как бы косвенно касаясь пушкинской темы, погружает нас в пушкинское время, заряжает его аурой и уводит к истокам «Пиковой дамы»...

Обширный раздел альманаха посвящён 75-летию Великой Победы, выстраданная память поколений – стихи, проза, отрывки воспоминаний. Авторы, в большинстве своём, дети фронтовиков.

Нельзя не остановиться на новой поэтической книге Е. Славороссовой «Московские сны», завораживающей точностью и одухотворённостью городских зарисовок.

Мужественны и человечны рассказы А. Кебадзе, посвящённые афганской теме.

Блистательные эссе О. Наровчатовой создают неповторимые портреты Людей арены.

Выразительны графические работы А. Кебадзе.

Составитель
Ирина Антонова

Рисунок на 1-й полосе обложки и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Компьютерная вёрстка
www.verstki.net

Контактные телефоны: 8-909-9655305, 8-903-1803787.

Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru

E- mail: rifistoki@yandex.ru

Александр Блок

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

2020

И АЛЪМАНАХ
СТОКИ